

Владимир Радкевич

Материалы к биографии

МКУК «Чайковская централизованная
библиотечная система»
Центральная библиотека

ВЛАДИМИР РАДКЕВИЧ

Материалы к биографии

Чайковский
2017

УДК 82.02(470.53)
ББК 83.3(2Рос-Рус)6-8
Р 15

Составитель М. В. Бодрова
Автор идеи В. Г. Бедерман

Р 15 Владимир Радкевич : материалы к биографии / сост.
М. В. Бодрова. – Чайковский : Центральная библиотека, 2017. –
223 с. : фот.

В сборник вошли очерки, статьи, воспоминания о Владимире Ильиче Радкевиче (1927 - 1987), пермском поэте, члене Союза писателей СССР, заслуженном работнике культуры РСФСР.

УДК 82.02(470.53)
ББК 83.3(2Рос-Рус)6-8

Для бесплатного распространения

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Владимир Ильич Радкевич – пермский и уральский поэт XX века. Широкое признание любителей поэзии он снискал добрым, проникновенным словом, обращенным к людям труда, своим современникам.

Имя поэта некоторым образом связано и с историей города Чайковского: в период между 1952-1954 годами Владимир Радкевич работал заведующим клубом (избачем) в селе Сайгатка. Об этом факте пишет в своих воспоминаниях библиотекарь Сайгатской сельской библиотеки Клавдия Гудкова. В то время, она вместе с Радкевичем готовила и проводила мероприятия для жителей села, так как библиотека находилась в здании клуба.

В поисках более подробной информации о жизни и работе Радкевича в нашем районе, был просмотрен широкий круг печатных изданий, периодических и непериодических, за период 1950-2016 года и электронных источников, имеющих отношение к Владимиру Радкевичу.

В итоге, учитывая факт отсутствия полноценного издания о жизни и творчестве этого популярного поэта, мы решили объединить собранные материалы – наиболее значительные, интересные и авторитетные статьи о Владимире Радкевиче – в одном издании.

Жанр данного издания определён как биобиблиографический дайджест и оснащён полным списком просмотренных источников в разделе «Библиография». Материалы расположены в алфавитном порядке авторов или заглавий. Открывается дайджест общей статьёй о жизни и творчестве Радкевича, составленной нами по принципу реферативного изложения материалов прессы.

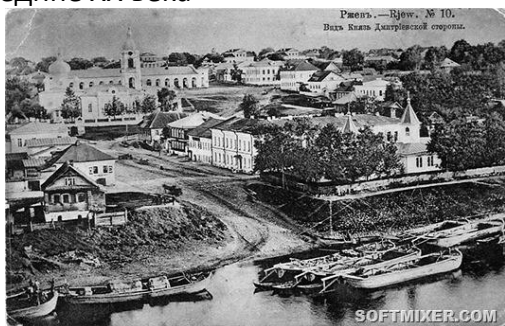
В Приложении размещён список документов из Личного фонда поэта, находящегося в Пермском государственном архиве и сценарий для поэтической гостиной, подготовленный пермским педагогом для учащихся школ.

Все фотоматериалы взяты из Интернет-ресурсов (кроме фотографий села Сайгатка).

ПЕРВЫЕ ГОРОДА РАДКЕВИЧА Город Белый в начале XX века

Город Ржев в середине XX века

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО РАДКЕВИЧА

(по материалам прессы)

I

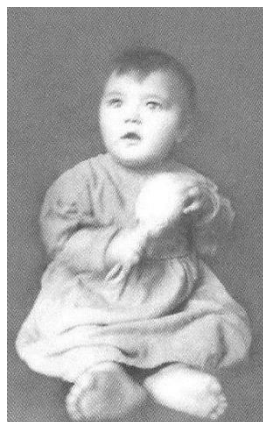
Радкевич родился 24 апреля 1927 года в городе Белый Смоленской области, нынешнем районном центре Тверской области. Он был первым сыном в семье с тремя детьми, он имел старшую сестру и младшего брата. Его родители – оба педагоги, учительствовали в местной школе. Город Белый к тому времени представлял собой небольшой провинциальный городок – к 1931 году в нём проживало 5800 человек. С проведением железных дорог, от которых Белый остался далеко в стороне, и падением роли речного транспорта город потерял былое значение важного торгового центра. В советское время Белый развивался как центр сельскохозяйственного района, придерживаясь льноводческого направления.

Очевидно, по этим причинам в 1929 году вся семья Радкевичей переехала в более крупный город Ржев Калининской области (расположен в 98-ми километрах от Белого), где родители продолжали преподавать в одной из городских школ. В 1925 году в Ржеве работали 23 промышленных предприятия и проживало 33000 человек. Созданный в 1929 году Ржевский район вошел в состав Ржевского округа Западной области, а в 1935 году был передан в состав Калининской области. Ржев стал городом областного подчинения и самостоятельной административно-хозяйственной единицей. Население города к 1939 году выросло до 54070 человек. За годы довоенных пятилеток Ржев стал крупным промышленным центром. Быстро развивалось железнодорожное хозяйство. Вдвое расширилось Ржевское паровозное депо. Железнодорожники построили в городе две школы, воздвигли четырехэтажные жилые дома с паровым отоплением, канализацией и водопроводом. Это были первые благоустроенные жилища в Ржеве. С 1936 года начинается асфальтирование тротуаров. На Советской площади были снесены торговые ряды, а на их месте разбит сквер, в центре которого

Родители Радкевича

Володя в детстве

Город Ржев. Епархиальное училище

Город Ржев во время Великой Отечественной войны

в 1938 г. установлен памятник В. И. Ленину. 12 декабря начали регулярное движение первые два автобуса. В этом же году было построено здание средней школы имени Пушкина на улице Марата. К 1937 г. число школ дошло до 25, в том числе 10 из них – средних. Перед войной в Ржеве начал работу учительский институт, имелись средние специальные учебные заведения. Таким был Ржев – предвоенный. В этом городе Владимир прожил 12 лет. Впечатления от Верхней Волги, от высоких ржевских берегов отозвались позднее в творчестве поэта гимном главному волжскому притоку — Каме.

Мать поэта, Лидия Александровна Раткевич, преподаватель русского языка и литературы, скоро стала в Ржеве уважаемым человеком, избиралась депутатом горсовета. Она привила сыну любовь к родному слову, к поэзии – ей Владимир посвятил много своих стихов, на некоторые из них написаны песни.

В 1933 году Володя пошел в среднюю ж.-д. школу (школа железно-дорожного ведомства), которая находилась на улице Смоленской (затем Калинина), в здании бывшего епархиального училища. В начале XX века епархиальное училище представляло собой несколько зданий, окруженных небольшой оградкой по тротуару; в одном было общежитие и квартиры для части преподавателей и воспитательниц. Во втором – двухэтажном деревянном стоящем во дворе – шла учёба. Там были четыре больших классных комнаты, учительская и библиотека. Рядом – небольшая поликлиника, службы, кладовые. В довоенные годы средняя школа железнодорожного ведомства была уже десятилеткой. В 9 классе – 1941 год – за успехи в учёбе Володя отмечен Почвальной грамотой.

Когда началась война, отец поэта – Илья Анисимович Раткевич – ушёл на фронт. 14 октября 1941 года началась оккупация Ржева, которая длилась 17 месяцев. За эти месяцы город был буквально стёрт с лица земли. Из оставшихся в городе тысяч жителей остались в живых 150 человек. Так судьба Раткевича пересеклась с войной. Поэтому военная тема очень часто и пронзительно звучит в его стихах.

Накануне оккупации, в начале октября, дети вместе с матерью были эвакуированы в село Шаран Шаранского района Башкирской

Башкирия. Шаранский район.

Город Пермь в середине XX века

Железно-дорожный вокзал

Площадь Дзержинского

Улица Горького

1943 год

АССР, где Володя закончил среднюю школу и, впервые, познакомился с уральской землёй.

В годы войны, как и все его сверстники, Владимир Радкевич учился понимать главные ценности жизни – цену мужеству и горю, цену человеческой доброты, цену хлеба, наконец. И это понимание станет потом основой его поэтического мировоззрения и его жизненной позиции. Как говорил поэт и переводчик А. Домнин на вечере, посвященном 50-летию Радкевича, и писал в воспоминаниях: «Трудно себе представить, но в те годы Владимир Радкевич умел обращаться с лошадьё, убирал хлеб вместе с деревенскими ребятами, а однажды, после летней и осенней страды, он получил первый свой гонорар натурой – мешок зерна и гороха – бесценный дар в те голодные годы. Весь путь до дома он не шел, а почти бежал – ему не терпелось поставить перед матерью первый свой заработок».

После окончания средней школы в 1943 году Радкевич в возрасте 16 лет едет в Пермь (тогда город Молотов) и поступает на историко-филологический факультет Пермского университета.

Семья Радкевичей из села Шаран в 1944 году переехала в город Чебоксары, а потом вернулась в Ржев. Отец одно время – в 1950 году – занимал пост директора железнодорожной школы № 78 в городе Старая Русса.

Пермь стала третьим городом в жизни поэта и так пришлось ему по душе, что он остался здесь навсегда. В то время Пермь являлась административным центром Пермской области, образованной в 1938 году. По итогам переписи населения, проведённой в 1926 году, население Перми составило 84 804 человека (39 968 мужчин и 44 836 женщин). К переписи 1939 года, в связи с индустриализацией, население города выросло более чем в три раза и составило 306 тысяч человек. К 1956 году население составило 538 тысяч. Город бурно рос.

Пермский государственный университет (ПГУ), в котором предстояло учиться Радкевичу, это классический университет города Перми. Первое высшее учебное заведение на Урале, открывшее двери для своих студентов в 1916 году. Один из учредителей Ассоциации классических университетов России. Судьба филологического факультета ПГУ была непростой: с 1931 по 1941 годы

Пермский государственный университет

1916 год

1950-е года

2015 год

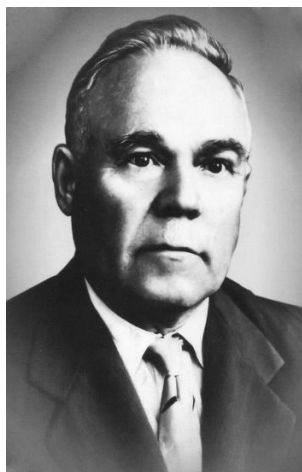
был перерыв в его существовании. В 1931 году в связи с реорганизацией университета – выделением из него пяти отраслевых вузов – факультет закрылся. Историко-филологическое направление переходит вместе с педагогическим факультетом в состав новосозданного Пермского пединститута. В 1941 году историко-филологический факультет возобновляет свою деятельность. Все преподаватели общественных наук в 1939 году были объединены на кафедре марксизма-ленинизма. С мая 1941 г. кафедра становится главным звеном возрождённого в университете историко-филологического факультета. Из уже существующих кафедр ПГУ на факультет взята кафедра иностранных языков (руководитель – Н. П. Обнорский). К ним в сентябре – октябре 1941 добавляются две исторические кафедры всеобщей истории (П. Н. Тарков) и истории народов СССР (А. П. Пьянков) и две филологических – языкознания (М. П. Генкель) и литературы (А. Д. Тупицын, затем – А. Ф. Шамрай).

Вот на этом факультете и учился Радкевич, учился хорошо, был именным стипендиатом, много занимался спортом (волейбол и шахматы). Из воспоминаний Рекка Юрия Максимовича, выпускника университета 1951 г.: «Настроение в команде поднимал неумоно активный, энергичный Владимир Радкевич, который вызывал смех и снимал усталость во время перерывов в играх своими четверостишиями, которые он сочинял в течение 3-4 секунд и отражал в них не только характеристику своего товарища по команде, но и то, что он делает в данный момент. Мы тогда были в восторге от его таланта, но еще не знали, что он станет известным поэтом».

Еще больше времени Радкевич отдавал стихам. Они быстро разносились среди студентов и даже проникали в город. Студентам больше всего нравились эпиграммы на преподавателей. Алексей Домнин пишет в своих воспоминаниях: «В те годы удивительно творческо-литературная атмосфера была на филфаке, стихи писали почти все ребята. Но к Радкевичу было отношение особое, мы – младшекурсники смотрели на него снизу вверх. Уже тогда было ясно, что Радкевич – это серьезно, что на наших глазах растёт самобытный поэт. Уже тогда его стихи перелагались на музыку, и мы любили и пели эти песни».

Сквер перед входом в Университет, 1940-е года

Букирев Александр Ильич в разные годы жизни

А. И. Букирев с преподавателями Университета, 1951 г.

Фронтовые письма Букирева

Из воспоминаний Кожиной Маргариты Николаевны, выпускницы филфака университета 1948 г.: «Я уже упоминала о стенгазетах. Они были тогда очень популярны, особенно газета филологов. Выпускали ее часто, а ждали нового номера с нетерпением. Выход «в свет» каждого выпуска был большим событием. Особенной любовью и вниманием пользовалась полоса поэзии со стихами наших замечательных университетских поэтов В. Радкевича, В. Шеншина и других. В первый день выхода газеты к ней было не пробраться из-за толпы студентов. Стихи же затем заучивали, анализировали в перерывах между лекциями».

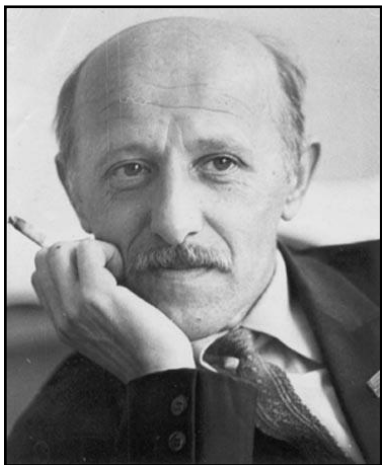
В мае 1946 года ректором Пермского университета вновь становится Александр Ильич Букирев. Пожалуй, никто из ректоров не оставил такого доброго следа в сердцах людей, как он, хоть и возглавлял он университет сравнительно недолго, около шести лет (с перерывом на годы войны). С глубоким почтительным уважением и любовью относился к нему как профессорско-преподавательский коллектив, так и студенты.

Студенты тех лет вспоминают, что из университета не хотелось уходить. Они допоздна засиживались в кружках, библиотеке, клубе, выпускали длиннющие стенные газеты, а после 11 часов, когда закрывался читальный зал, нередко начинала звучать музыка, под которую увлеченно танцевали. Новый год, как правило, и студенты, и преподаватели встречали в университете, и начинался он приветственным словом Александра Ильича по университетскому радио.

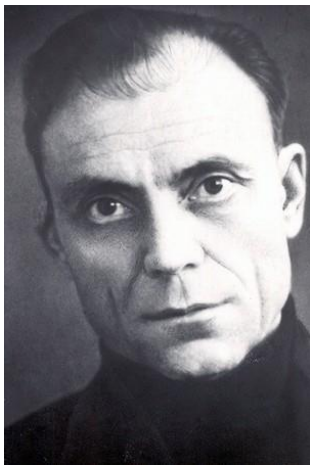
И, уставший от маршей,
Смертный выстрадав путь,
Бым он чем-то домашний
И не страшный ничуть...
В мире цифр отвлеченных
Стужа что ли лютей?
Стало много ученых —
Не хватает людей.

Именно он удостоился таких горько-прониновенных поэтических строк, которыми посмертно наградил его один из выпускников университета 1949 года – известный пермский поэт

Студенты Университета 1940-х годов, будущие писатели

Домнин Алексей Михайлович

Ромашов Андрей Павлович

Можаяев Евгений Архипович

Радкевич после окончания Университета

Владимир Радкевич в стихотворении «Ботанический сад», которым поэт откликнулся на присвоение улице, где расположен университет, имени Букирева.

Возвращение А. И. Букирева к ректорским обязанностям проходило в сложных условиях. Часть помещений университета еще с войны были заняты посторонними организациями. Не хватало учебных площадей. Мансарды учебных корпусов использовались в качестве общежитий, а основные общежития находились в старых неблагоустроенных бараках. Между тем контингент студентов быстро увеличивался. Развитие университета требовало создания новых факультетов и обеспечения их квалифицированными кадрами. Необходимо было восстанавливать пострадавшую во время войны уникальную библиотеку, создавать издательский отдел для публикации трудов ученых университета. И все это – на фоне бытовых трудностей послевоенного времени.

Опираясь на коллектив университета, Букирев начинает решать наболевшие вопросы. В 1947 году удалось освободить помещения университета от посторонних организаций. Укрепляется новыми кадрами историко-филологический факультет, находившийся в то время в стадии становления.

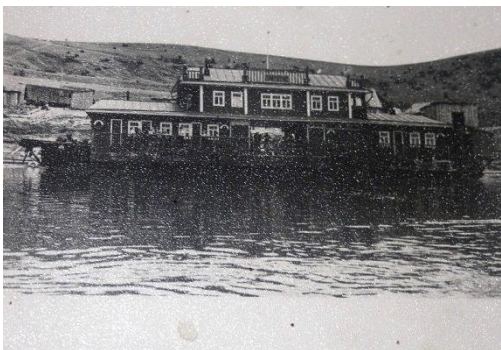
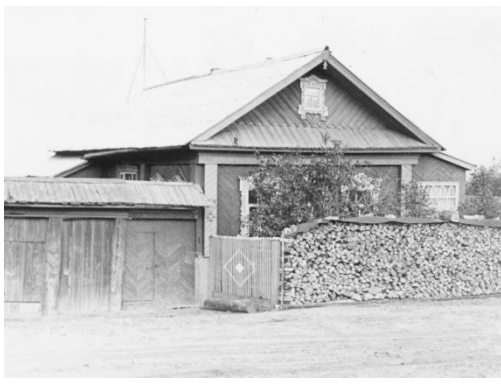
Глубокое уважение и благодарность испытывал к Букиреву поэт на протяжении всей своей жизни, часто заходил в гости к нему, а после смерти к его вдове.

В 1949 году Радкевич окончил историко-филологический факультет, на «отлично» защитив дипломную работу «Мистерия-Буфф» В. Маяковского как образец политической сатиры». Возможно, здесь берут начало многочисленные эпиграммы написанные позже самим Радкевичем.

После окончания госуниверситета с августа 1949 года по июль 1951 года Радкевич работал инспектором Пермского областного отдела культуры (в отделе по делам искусств облисполкома). Но должность чиновника не могла прийтись ему по душе и в 1951 г. он переходит работать корреспондентом Пермского радиокomiteта (комитета радиовещания облисполкома).

Потом судьба забрасывает его в Фокинский район Пермской области, где он работает заведующим сельским клубом в селе

Село Сайгатка в 1950-х годах

Пристань Сайгатка

Клуб села Сайгатка

Слева: Гудкова Клавдия

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОДИНЯЙТЕСЬ!

Молодая Гвардия

15 ФЕВРАЛЯ № 20 (1762) Цена 20 коп.

С пленума Пермского горкома ВЛКСМ

ЗАДАЧИ — КОНКРЕТНЫЕ И ЯСНЫЕ

* 450 человек будут иметь поручения * Создана комсомольская бригада на хозрасчёте * Построим «Пермские Лужники» *

Пленум Пермского горкома ВЛКСМ обсудил доклад о выполнении программы районных комсомольских организаций в зимне-весенний период. В работе комсомольцев отмечены успехи и недостатки. В связи с этим пленум постановил:

1. Создать комсомольские бригады на хозрасчёте. В каждой бригаде должно быть не менее 10 человек. Бригады должны выполнять конкретные задания по улучшению производства. За выполнение заданий бригады должны получать вознаграждение.

2. Создать комсомольские бригады на хозрасчёте. В каждой бригаде должно быть не менее 10 человек. Бригады должны выполнять конкретные задания по улучшению производства. За выполнение заданий бригады должны получать вознаграждение.

Молодая гвардия, которую вы видите на снимке, имеет в составе в числе других девушек, участвующих в работе комсомольской организации, участниц смотра молодёжи и студентов техникума. Они являются активными участниками в работе комсомольской организации на хозрасчёте, имеют планы работы на этот период.

Имя: Мария СЕЛЕЗНЕВА.

2. Мастерство или кустарничество?

Вот факт, который рассказал мне участник цеха: «Меня послали в бригаду по ремонту машин. Там я увидел, как один из ребят, который работал на станке, делал детали кустарным способом. Это было очень плохо, потому что такие детали могли сломаться в любой момент. Поэтому мы должны учиться у мастеров и делать всё правильно».

Газета Молодая гвардия, орган Перм. обкома, 1959 г., 15 февр.

Сайгатка. Об этом сохранились воспоминания библиотекаря Сайгатской сельской библиотеки, расположенной там же в клубе, Гудковой Клавдии Даниловны [машинописный экземпляр хранится в фонде Центральной библиотеки г. Чайковского]: «Когда строители приехали [1954 год – прим. сост.] было очень трудно. Читатели идут – книг нет. Была одна молодёжь. Фонд библиотеки тогда был около 5 тысяч. Библиотека располагалась в клубе. Зав. клубом работал В. Радкевич, ныне известный пермский поэт. Мы вместе проводили много различных мероприятий. Радкевич писал стихи, о библиотеке тоже. С ним было интересно работать». В 1955 году Радкевич возвращается в Пермь и до 1957 года работает литературным сотрудником в редакции новой многотиражной газеты "Лесник Прикамья". В этой же газете с ноября 1956 года работал корреспондентом будущий писатель Геннадий Солодников, судьба которого тоже связана с селом Сайгатка. Солодников около тридцати лет жил и работал в городе Чайковский – выросшем на месте села, в местной газете «Огни Камы». В газете «Лесник Прикамья» работал в то время и Андрей Павлович Ромашов – ещё один начинающий писатель, окончивший филологический факультет ПГУ на два года позже Радкевича.

28 января 1957 года обсуждалось письмо ЦК «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». На собрании совместной издательско-писательской парторганизации дело свелось, по сути, к обсуждению альманаха «Прикамье» № 22, в том числе стихов Владимира Радкевича. К. В. Рождественская, уже не будучи редактором альманаха, вступилась за поэта, сказав: «...Ошибки Радкевича другого порядка. Он взял большую политическую тему, не будучи к ней достаточно подготовлен. Его символика туманна и позволяет делать разные истолкования... Он в процессе творческого становления. На этом пути ошибки бывают у многих».

В 1958 году с января по октябрь он числится штатным корреспондентом в областной молодёжной комсомольской газете "Молодая гвардия". Сдружившись с коллективом газеты, Владимир Ильич часто заходил в редакцию и в последующие годы – пообщаться, сыграть партию в бильярд или шахматы.

Зебзева Альмира

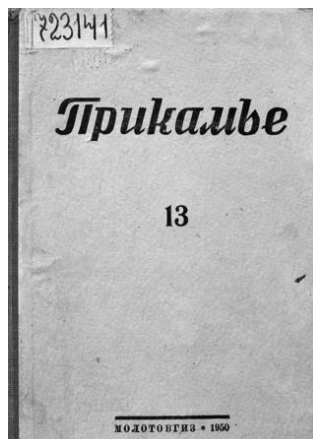
Радкевич, 1950-е гг.

Газета «Звезда», 1950, 10 марта

Газета «Большевистская смена», 1934, 2 января

Альманах «Прикамье», 1950, № 13

Из воспоминаний А. Г. Зебзеевой (выпускница университета 1959 г., член Союза журналистов РФ, заслуженный работник культуры РФ, сотрудник газеты «Молодая гвардия», последний главный редактор Пермского книжного издательства): Владимир Радкевич. О нем ходили легенды на факультете, когда мы учились. Мы распевали «Молодая стояла ива, одинокая и ничья», не зная, что эту песню сочинили они с геологом Володей Балалаевым. Иногда поэт появлялся в наших коридорах [редакция газеты «Молодая гвардия»]: красивый темный зачес, легкая хромота, несмотря на которую он отчаянно играл в волейбол, близорукий, но пристальный прищур.

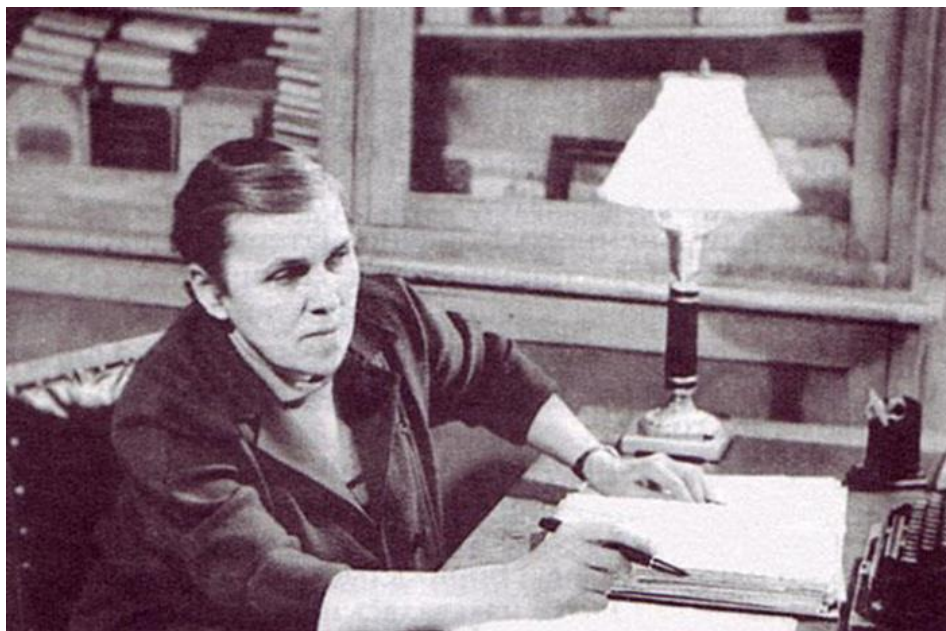
В 1959 году Радкевич принят в Союз писателей СССР. С этого времени он становится вольной птицей и в качестве внештатного корреспондента областных газет ездит по городам и селам Пермской области, наблюдая за жизнью людей и отражая её в своих стихах и очерках.

II

Еще будучи студентом университета, Радкевич начал печататься в малотиражных газетах – первые стихи опубликованы в 1947 г. Через два года – в 1949 году – его стихи стали появляться в областных изданиях. Первая публикация состоялась 23 февраля в пермской областной газете «Звезда». В ней было опубликовано стихотворение «Армия Родины» ко Дню советской армии за подписью В. Раткевич, так писалась его настоящая фамилия. Но уже в следующей публикации поэт заменил букву «т» на «д». И позже утверждал, что фамилия Радкевич – от слова «радость».

В этом же – 1949 – году в октябре два его стихотворения «Трое» и «Мой город» были включены в литературно-художественный альманах «Прикамье» № 12, стр. 122-123. В газете «Большевицкая смена» за 29 октября печатается его стихотворение «Чернышевский». Все три публикации были отмечены читателями и положили начало долгому взаимному сотрудничеству между поэтом и этими изданиями.

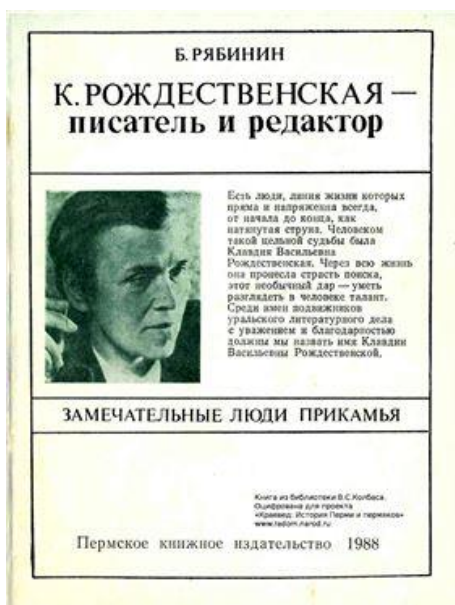
Практически каждый год альманах «Прикамье» представлял читателям новые стихи поэта, как и областные и городские пермские

Рождественская Клавдия Васильевна

Книга воспоминаний Рождественской

Книга о К. Рождественской

газеты «Звезда», «Большевицкая смена» (15 ноября 1952 года газета переименована в «Молодую гвардию»), «Лесник Прикамья».

Рождение первого сборника стихов связано с Клавдией Васильевной Рождественской – редактором и писателем, работавшей сначала в Свердловском книжном издательстве, а потом – в Пермском книжном издательстве. При ней возобновилось издание литературного альманаха «Прикамье», журнала для детей «Нашим ребятам», она дала название новому журналу «Оляпка», ставшему популярным среди детей и их родителей.

Возглавив в 1949 году Пермскую писательскую организацию, Клавдия Васильевна направила все силы на дальнейшее развитие и творческое становление будущих писателей. Будучи личностью масштабной, воспринимающей творческий процесс края широко и комплексно, она, в сущности, поставила на ноги писательскую организацию, возглавляя ее три выборных срока подряд.

Интересно, что некоторые будущие писатели к моменту, когда судьба свела их с Рождественской, даже не помышляли о том, чтобы печататься, выпускать книги. Радкевич, как он признается потом, совершенно не думал о сборнике своих стихов. Сложилось стихотворение — держит в голове. Память отменная, помнит все. Сидели в Союзе писателей Рождественская, Селянкин и другие. Радкевич прочитал стихи. Рождественская попросила:

— А еще.

Он прочитал.

— А еще.

Читал часа два.

Рождественская:

— Да это же готовый сборник.

— Да они у меня в памяти...

— Надо записать.

— А у меня нет машинки...

— Вот вам машинка, садитесь и печатайте. — И, поднявшись с места: — Владимир Ильич, закрываю вас в Союзе писателей.

Он просидел всю ночь, стучал на машинке. Так родилась его первая книга — «Добрый путь», в 1951 году изданная Пермским

книжным издательством. (История приведена в изложении журналиста Б. Рябина – *прим. сост.*).

В книгу вошли стихи о дружбе и любви, политическая и гражданская лирика. Открывается сборник одноименным стихотворением "Добрый путь". Оно является как бы обобщающим вступлением к книге, связывающим единой мыслью все стихотворения. Автор сумел вложить в него чувства простых советских людей, их думы о мирном труде. Поэт обращается к советскому человеку, как к хозяину земли:

Современник! Сегодня
За все мы с тобою в ответе –
За весеннее утро,
За море желтеющей ржи,
За судьбу незнакомых
Еще не пришедших столетий.
И за судьбы влюбленных,
Впервые вступающих в жизнь.

Большое место в сборнике занимают стихи, посвященные жизни и быту студенчества. В стихотворениях "Рассказ о друге" и "Наш союз" Радкевич взволнованно рассказал о своих сверстниках – крепких в дружбе, сильных в преодолении трудностей.

Уже в этом сборнике ярко проявились многие грани таланта начинающего поэта: глубокий патриотизм, лиричность, умение откровенно и честно говорить с людьми. "Стихи Радкевича нравились многим, но не на всех он производил впечатление серьезного человека, и скорее всего потому, что и не пытался им выгладеть".

Стихи «Над Камой» были переведены на китайский язык и передавались по пекинскому радио.

Поэт пишет стихи не только для взрослого читателя, но и для детей. В 1951 году три детских стихотворения Радкевича – «Футболисты», «Старший брат» и «Пассижиры» – вошли в сборник рассказов и стихов «Нашим ребятам», изданный в Перми. А через три года – в 1954 году – вышла отдельная детская книжка Радкевича «Пассажиры: стихи для детей младшего возраста» на восьми страницах с иллюстрациями.

По мере того, как росла популярность стихов Радкевича, расширялся ареал его издателей. В 1954 году стихи «Любить свой край» и «О любви» были включены в книгу «Поэты Урала», изданную в Челябинске. С этого времени Радкевич к статусу пермского поэта добавил статус уральского.

В 1955 году, работая в издательстве газеты «Лесник Прикамья», Радкевич пробует себя в самых разных поэтических жанрах. Юмористическое стихотворение «Трёхрукий» входит в сборник «Шутки в сторону», изданный в Перми. Былина «Раззудись плечо, размахнись рука», созданная в соавторстве с Н. Хитровым публикуется в «Леснике Прикамья».

В этом же году в Пермском книжном издательстве вышел второй поэтический сборник под названием "Разговор о счастье". Первое же стихотворение "Березка", которым поэт начинает свой разговор о счастье с читателем, надолго остается в памяти.

Кто смел и молод, пусть с любовью

Путь трудный в жизни изберет...

Эти слова звучат как призыв, заставляя задуматься о своем "пути в жизни". Тепло, с большим лиризмом автор нарисовал образ стройной березки, стоящей на откосе над Камой. Она, «упрямо крону наклоняя», стойко встречает сильные порывы ветра и тянется своими ветвями к солнцу:

Не так ли нужно

Стоять ветрам наперекор,

Не ждать безоблачного счастья,

Подаренного нам судьбой,

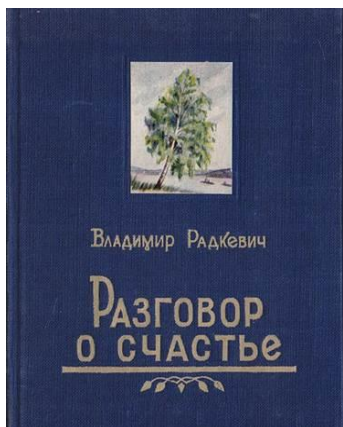
А пробиваться сквозь ненастье

И знать, что солнце – над тобой!

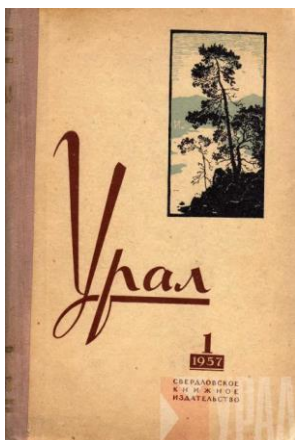
Счастье – это устойчивость и постоянство чувства, верность. Вот почему поэтический образ березки вынесен автором на обложку книги как ее художественный девиз.

К "жизни такой, чтобы с бурями слиться" призывают и другие стихи В. Радкевича: "Над Камой-рекой", "На ферме", "В дороге", "Призвание".

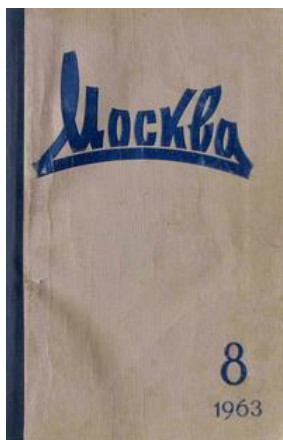
В «разговор о счастье» вплетается и рассказ о городе детства, о Ржеве, куда поэт ездит в гости к маме. Тема этого города связана не

Сборник «Разговор о счастье», 1955 г.

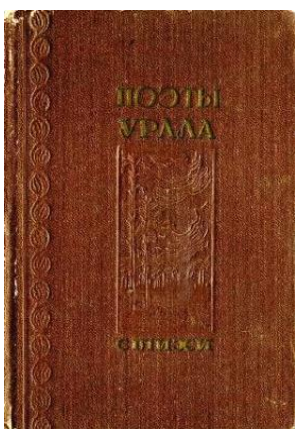
Журнал «Урал», 1957, № 1

Журнал Москва, 1963, № 8

Журнал «Юность», 1958, № 11

«Поэты Урала»: сборник,
Челябинск, 1954 г.

Фотография Радкевича
на членской книжке
Союза писателей СССР
1959 год

только со светлым воспоминанием о детских годах, но и с воспоминаниями о войне.

В том городе,
который в лихолетье
С лица земли сметали – не смели.

В 1957 году он вновь входит со стихотворениями «Любить свой край» и «Поберегись» в уральский сборник поэзии «На Урале, в рабочем краю», изданный в Свердловске.

Вторая половина 1950-х годов стали «временем оттепели» во всей стране и в издательской среде. В период с 1955 по 1957 года возникла целая плеяда новых литературных журналов, редакторы которых искали новых авторов, новые темы. Именно их, в первую очередь, заинтересовало творчество молодого пермского поэта. Свердловский журнал «Урал», опубликовав в № 1 за 1957 год четыре стихотворения Радкевича, потом продолжал ежегодное сотрудничество с поэтом. Только что созданный журнал «Москва» включил его стихи в шестой номер. А через два года, в 1959 году, прошла публикация стихотворения «В клубе сегодня танцы» в молодом, но уже широко известном и популярном журнале для молодёжи «Юность» в № 5.

В 1958 году книгой стихов "Просека к солнцу" поэт продолжил глубокий проникновенный разговор о счастье – счастье, отмеченном печатью мужества и оптимизма. В одном из стихотворений «В родильном доме» автор утверждает:

Есть для живущих лишь один закон:
Быть счастливым должен,
кто на свет рожден.

Большая часть стихотворений сборника посвящена Уралу-труженику. У каждого свое собственное счастье, но критерий настоящего выверяется лишь в борьбе с "беспросветной тайгой". Пламенным словом прославляет поэт свою Родину, впервые прорубившую прямую и ясную "просеку к солнцу":

Пришел конец таежному безмолвию.
Лес был вокруг.
И было в нем светло
И стало счастьем,

Радостью,
Любовью,
Лучей освобожденное тепло!
Величаво, как ода, звучит стихотворение "Урал":
Недаром мощью исполина
В поту, в огнях, в лесах стропил,
Две части света воедино
Урал навек собой скрепил!

Близки и понятны поэту неумолкающие разговоры леса и рек могучего Урала, мужественные характеры лесорубов и сплавщиков ("Лесоруб"). "Хмурый в ватнике и ушанке", он красив гордостью и достоинством хозяина природы, чувства которого невольно ассоциируются с весной.

Особой одухотворенностью веет от стихотворений, связанных с войной: нам не вернуть покой семьям, потерявшим их, - говорит поэт, - но мы не имеем права забывать о них. Он обращается к молодым солдатам ("Молодые солдаты"), которые "клятву выполнив свято", теперь уже "сами стали частицей нашей Русской земли". Он дает живой образ Петровны ("Мать и сын"), которая потеряла единственного сына на войне, но так и не рассталась с ним, всюду видит и слышит его. Он поддерживает ее:

Он жив,
Покуда живёт земля,
Родная,
любимая,
кровная –
Кровью лучших сынов освященная,
Сердцем всех матерей защищенная.

Стихи заставляют задумываться о многом, тревожат совесть человеческою, не позволяют "душе лениться".

Владимир Радкевич – лирик обостренного чувства, которому дано не только сказать, но и удивить сказанным других, не только ввести в свой мир поэзии, но и заставить полюбить его как что-то дорогое и близкое.

В 1964 году поэт порадовал любителей поэзии новым сборником стихов "Под звездами". Это своеобразная поэма о русской

женщине, с ее новым отношением к миру, к жизни, ко всему окружающему. Радкевич любил создавать женский образ, и вводил его в стихи всегда озаренным заветной мечтой, лиричным, жизненно правдоподобным, нередко с озорной лукавинкой, а то и с грустинкой.

Все женские образы, поселившиеся "Под звездами", одинаково интересны и привлекательны. Поэт с любовью воссоздает и точные портреты и полнокровные характеры, вникая в их жизненную сущность, раскрывая всю сложность психологии женской души. Он не просто пишет о женщинах и девочках, а будто рассказывает о своих любимых сестрах. Непринужденность, задушевность, влюбленность светится во всех его стихах.

Гордость, искрометный юмор звучат в стихотворениях: "Приехали финны", "Девушки едут на целину", "В конторе выдают зарплату".

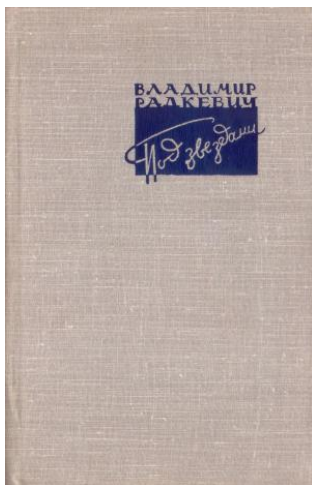
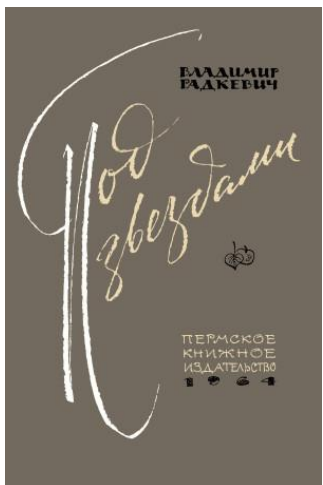
Поэзия Радкевича светла и сурова, нежна и отрога. И все-таки главное ее достоинство – доброта, сердечность, отзывчивость.

Стихотворение «В наш век чернить поэзию не смейте...» о поэзии и её предназначении. Радкевич гневно восклицает: «В наш век чернить поэзию не смейте». По глубокому убеждению автора поэзия была, есть и будет, потому что это совесть, это голос самого народа. Автор сравнивает поэзию с матерью – «Поэзия, как мать в тяжёлых родах». Мать – это самое святое для любого человека. Это та, кто ради ребёнка готова перетерпеть самые страшные муки. Она всегда рядом, как и поэзия: «Она с людьми – в бесславье и в бессмертье». «Сквозь зубы стонет, руки разметав» – не кричит во весь голос, а стонет сквозь зубы, ей больно, но она говорит. «Руки разметав» – значит, обхватив большое пространство. «Она не ждёт, что к ней придут с повинной» – поэзия рассказывает правду, не важно, признаёт её человек или нет. «Все губы искусава до синеваы» – когда наступит последний момент, «Она сама обрежет пуповину / В тот самый миг, когда родитесь вы!» - когда человек найдёт и поймёт себя, то есть заново родится, поэзия сама уйдёт.

Поэтом быть очень сложно, так как поэзия знает себе цену и с ней нужно считаться.

Творчество для поэта Радкевича – это всё, что свершает человек в высоком порыве вдохновенного труда, это полная

Суперобложка и обложка сборника «Под звёздами», 1964 год

Радкевич читает свои стихи рабочим нефтеперерабатывающего завода, отдыхающим в лесу.

На крыльце с мамой

самоотдача, это вера в грядущий день, это радость жизни, всепобеждающей и прекрасной. Творчество только тогда и будет настоящим, когда в нём воплотятся душевные порывы, высокие стремления всех и каждого. Поэтому так строго и непредвзято относится поэт к собственным творениям.

Еще нам не одно выигрывать сраженье,
Но цель уже близка.
В величии побед,
В размахе наших дел
Есть творчества горенье,
Есть яркий, в полный рост
Грядущего портрет.
Пусть труд не завершен.
Но смело на портрете
Уверенная кисть художника кладет
Талантливый мазок – один, другой и третий...
Труд будет завершен, когда творит народ.

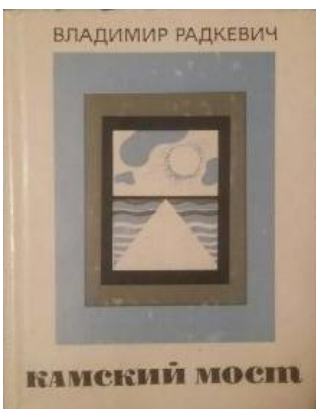
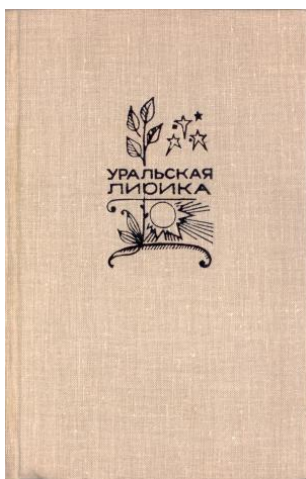
«Творчество»

На протяжении всей жизни поэт ощущал трепетную и осознанную любовь, к ставшему воистину родным Уралу, Прикамью: "Я считаю, что каждый человек обязан быть патриотом края, города, где он живет и работает. Тем более таким патриотом должен быть поэт. Где бы я ни был, всегда с гордостью говорю: Я с Урала, я из Перми. Пермь моя родина, моя мать. Строгая и любящая. И я люблю ее сыновней любовью".

Уход близкого человека диктует поэту строки, не верить которым нельзя. В 1964-м году он писал: «И все-таки мы в смерть родных не верим...». Через два года рука его вывела стихи, уже тогда прозвучавшие как предчувствие: «Ты подожди меня, мама родная, ты не гаси своего огонька».

Будто что-то изменилось в Радкевиче после января 1967 года, когда умерла его мама. Сердце сына отозвалось щемящим острой болью признанием «Без мамы я жить не умею...», кажущаяся простота и правда которого могут надолго лишить покоя. И сколько же надо пережить, чтобы написать: «Как страшно ветра голосили на проводах белого дня! Как будто частица России навеки ушла от меня».

Суперобложка и обложка сборника «Уральская лирика», 1968 год

Суперобложка и обложка сборника «Камский мост», 1972 год

М.Р. Смородинов,
Л.И. Кузьмин, В.И. Радкевич,
Б.В. Ширшов,
июль 1969 г. Пермь

Без мамы я жить не умею,
Но черную яму – насыть...
Как в сказке, по грудь каменею,
И трудно мне камень носить.
Как страшно ветра голосили
На проводах белого дня!
Как будто частица России
Навеки ушла от меня.

"Стихи естественны и как бы произвольны словно дыхание", такую оценку они получили у соратника по перу Л. Давыдычева.

И это присутствует во всех лучших произведениях Радкевича. А ведь сколь долго зрели в поэте тема матери и тема Родины, чтобы слиться воедино.

Много вдохновенных поэтических строк посвятил поэт Уралу. В 1968 году был издан сборник стихов "Уральская лирика", который подвел итоги работы В. Радкевича почти за двадцать лет. В книгу вошли лучшие стихотворения из предыдущих сборников – «Под звездами», «Просека к солнцу», «Разговор о счастье». Открывается сборник знаковым для всего творчества Радкевича стихотворением «Я – с Урала!». Из заметок доктора филологических наук В. В. Абашева: Сегодня «культ Ермака» уже не имеет явных бытовых проявлений, но смысловая энергетика имени покорителя Сибири жива и донине культурно востребована. Ермаковский миф присутствует в современной поэзии Перми как одна из моделей лирической самоидентификации. В известном стихотворении пермского поэта-шестидесятника В. Радкевича «Я – с Урала» имя Ермака используется как средство коллективной идентификации, характерный и повсеместно в России признанный знак причастности к уральской земле, а также в качестве образца, испытывающего личное и социальное достоинство уральца. «Была Москва щедра и широка. / При мне с какой-то непонятной лаской / Одни припоминали Ермака, / Другие – корпус танковый уральский<...> Я понимал, что надо жить не так, / А по другому, правильному компасу, / Хотя бы потому, что я – земляк / И Ермаку, и танковому корпусу». Характерно, что Ермак у Радкевича стоит в одном ряду с уральским танковым корпусом. В

Пермь. Камский мост

Конструктор А. Д. Швецов

Пермский моторный завод - Пермские моторы

**С. Ф. Калюпанов, Е. П. Калюпанова.
Дочери Полоза. Сталь, эмаль. 70x95. 1975 г.**

**Калюпановы Степан и
Елена, художники**

советской культуре это вполне равноценные знаки героического начала, утверждающие к тому же родство и преемственность позитивных («прогрессивных» в советской кодификации) начал в истории прошлой России и России Советской.

Книгу стихов “Камский мост”, изданную в 1972 году, знают и любят многие. Она удивительно соответствует своему названию, и каждому, кто возьмет ее в руки, сослужит тем мостом, пройдя который, он непременно попадет в Пермь. Первое стихотворение, давшее название всему сборнику, звучит, как взволнованное приглашение посмотреть первый, взорванный когда-то колчаковцами и восстановленный мужеством пермяков героический железнодорожный мост:

Встаньте,
люди!
Прильните к окнам:
Начинается
Камский мост.

А дальше открывается Пермь. Так она начинается и в действительности, и в сборнике В. Радкевича, где вслед за первым стихотворением идет стихотворение “Пермь”, а все последующие строки в подробностях воссоздают поэтический образ, города, где:

Железная воля Урала,
Избрав не мольбу,
а борьбу,
Здесь тысячи судеб сковала
В одну трудовую судьбу.

Даже ни разу не бывавший в Перми человек сможет представить себе древний город на Каме, прочитав “Камский мост”, стихотворения “Пермь”, “Пермские боги”, “Небо Швецова”, “Колюпановская эмаль”, написанные с подлинной гражданственностью, выражают его внутренний облик, создают поэтический образ города в событиях и судьбах.

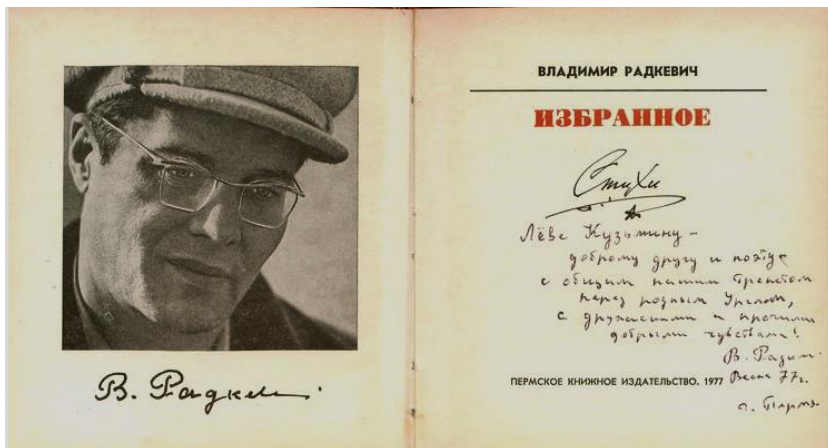
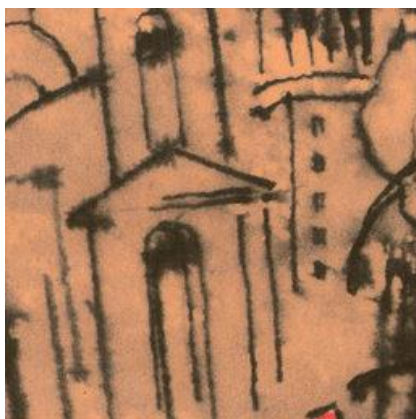
В стихотворении “Небо Швецова” поэт говорит:

Я верю определенно:

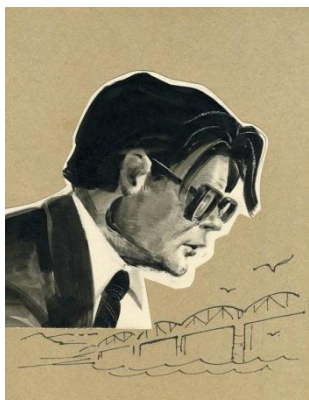
Чтоб встать на века,
навсегда,

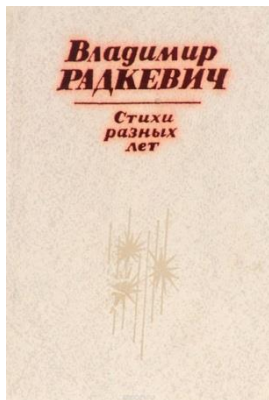
Обложка и фрагмент обложки
сборника Радкевича В. «Избранное», 1977 г.

Титульный лист сборника Радкевича «Избранное» с автографом
и дарственной надписью писателю Льву Кузьмину

Шарж «Поэт Радкевич»
работы Демченко Г. И. 1977

Сборник «Стихи разных лет», 1981 г.

Построены не из бетона –
Из жизни людей
города.

Конечно же, люди определяют суть города, его душу. И ещё его внутренний облик могут создавать книги, стихи, песни. И как нельзя сегодня представить себе Пермь без Аркадия Дмитриевича Швецова (1892-1953) конструктора авиационных двигателей, так и не полным было бы понятие о Перми без стихов В. Радкевича.

К 50-летию поэта Пермское книжное издательство в 1977 году выпустило книгу стихов "Избранное". "Избранное" – тематически разнообразно – здесь есть стихи об искусстве, стихи о матери, о сыне, о любви, о солдатах. Но все они как бы объединены одним – Уралом, чья "железная воля" тысячи судеб сковала в одну трудовую судьбу". Много в книге стихов с посвящениями, мир поэта распахнут для людей доброго и щедрого нрава. И если "стихи приходят, как друзья", то "по честному праву родства" и друзья приходят к поэту, оживая в его слове сердечностью и откровенностью ("Афанасий Матросов", "Прогулка по Каме", "Памяти Николая Куштума"), Главное обретение в этом "Избранном" – стихи о потерях. Потере матери, любимой, сына, товарища...

Поэтический сборник "Избранное" получил широкое признание не только на родине поэта, но и далеко за ее пределами. О качестве этого сборника можно судить по тому, что в 1977 году на имя поэта пришло письмо из государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина, в котором сообщалось, что эта книга была послана в библиотеки университета Сорбонны (Франция), Гарвардского университета (США) в порядке международного книгообмена. После этого поступила заявка от библиотеки конгресса США.

У любителей поэзии Радкевича, ценителей его творчества всегда в памяти такие его стихи, как: "Молодость сочтя за преимущество", "Камский мост", "Стихи о семейной жизни". Эти и многие другие стихи поэта вошли в сборник «Стихи разных лет», изданный в 1981 году. Он знаменовал собой важную дату в жизни поэта – 30-летие его творческой деятельности: 30 лет назад, в 1951 году, увидел свет первый сборник Радкевича «Добрый путь». И вот

пройден тридцатилетний путь и представлен этот путь основными вехами в этом сборнике. Открывает его стихотворение «Россия», обозначая главную тему в поэзии Радкевича – любовь к родной земле, к России, Уралу, Каме.

Зачем ты, Кама, добрая река,
Лаская травы и леса Урала,
Опять ко мне пришла издалека
И чистоту в истоках набирала?
Стань для меня дорогою живой,
О том, что мной не сделано, напомни.
Глаза мои наполни синевою,
А жизнь мою –
движением наполни!
Но это все – почти самообман,
Мы стали рассудительней и старше.
Над Камою, над берегом – туман,
А из тумана выплывают баржи...
Откуда же у нас такая прыть –
Всю эту даль обнять несатытым оком
И, позабыв про дом,
всё дальше плыть,
К верховьям Камы
Как к своим истокам.

Стихотворение «Зачем ты, Кама, добрая река...» автор начинает с вопроса, в котором спрашивает, зачем она опять пришла издалека? В этом вопросе сразу чувствуется отношение автора к Каме, он называет её «добрая река». Возможно, эпитет «добрая» не просто «хорошая, всегда помогающая», а ещё и «статная, видная, большая». Кроме того, используя деепричастие «лаская», автор передаёт нежность, тепло и одухотворённость, «живое начало» реки, ведь ласкать могут только живые существа. Значит, Кама для поэта – это живое, чистое в своих истоках начало: «И чистоту в истоках набирала».

Река в стихотворении ассоциируется с дорогой жизни, которая тоже начинается с «малых истоков». Быть верным этим чистым истокам, помнить о них, питаться их живительной влагой, именно об

этом стихотворение «Зачем ты, Кама, добрая река». Чистота реки для Радкевича – это совесть человека, которая должна быть такой же прозрачной, непорочной и невинной.

Также Кама – это ещё и труженица, а человек – труженик на ней:

Над Камою, над берегом – туман,
А из тумана выплывают баржи...

В конце стихотворения автор пишет: «к верховьям Камы плыть как к своим истокам», т.е. в человеке тоже заложены чистота и естественность, но люди забыли свои «истоки».

Вечно Каме по жизни народа струиться –
В перекличке гудков,
в тихом шуме лесов,
Где ее на рассвете свободные птицы
Прославляют на сотни лесных голосов.
В том разливе – такая спокойная сила.
Столько он и надежд, и любовью собрал,

Что без Камы Россия –
уже не Россия,
Что без Камы рабочий Урал –
не Урал.

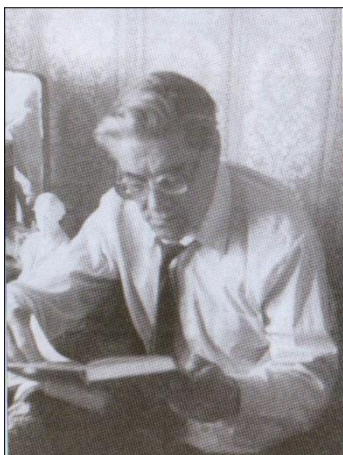
Годы, как облака, все шумят надо мною,
Вдоль по жизни иду – по колено снега.
Но я счастлив и тем,
что невидной волною
Бился, Кама, и я
о твои берега.

В 1982 году к 55-летию поэта, как признание его вклада в советскую поэзию, в московском издательстве «Молодая гвардия» выходит сборник «Уральская лирика» (условно 2-е издание) с вступительной статьёй известного поэта Николая Старшинова в оформлении художника Бориса Александровича Мокина.

Через два года выходит очередной сборник поэта "Равновесие", который был издан Пермским книжным издательством. Радкевич и редактор сборника Надежда Гашева

Радкевич
«Равновесие», 1984 г.
Обложка и
иллюстрация
к сборнику

На юбилее писателя А. Н. Спешилова. В 1-м ряду слева направо жена Спешилова, Л. Молчанова, В. Черненко, во 2-м ряду Н. Вагнер, В. Радкевич, А. Ромашов, А. Домнин. ГАПО. Фф 61п. Д. 6598, 6756.

отобрали наиболее характерные стихи для всего творчества поэта. В этой книге «уравновешено» все: и подбор стихотворений по темам, и их значимость.

Стихи Радкевича, как старые друзья, живут вместе с нами, радуя возможностью вновь встретиться с ними, услышать биение сердца – доброго, чуткого, отзывчивого, остро реагирующего на все, что происходит вокруг нас и в нас самих:

Кама,
Медленная странница,
Я опять к тебе иду.
Мы живем,
А ты не старишься –
С новой юностью в ладу.
Звезд и глаз
Такое множество
В глубине хранишь своей.
Все твое.
И только мужество –
Доля смертная людей...

В этом стихотворении – "Равновесие", давшем название книге поэта, всего двадцать одна строка, но как много стоит за каждой из них – это поэтическое размышление о жизни, о судьбе человека, который много трудился на своем веку, испытал много радостей, страданий и сейчас, в зрелости, мудрыми, но далеко не равнодушными глазами смотрит на окружающий его мир.

Тепло, задушевно звучит стихотворение "Родной Урал – не только новостройки", из цикла "Слово о Березниках", посвященное замечательному советскому поэту Борису Ручьеву:

Родной Урал - не только новостройки,
Рабочий гул мартенов и станков.
Большой Урал для нас -
еще и строчки
Ручьевских нестигаемых стихов...
Особенно проникновенно звучат строки:
Как все-таки Ручьева
не хватает –

Мартенам,
людям,
травам,
соловьям!

Вчитайтесь у Радкевича в «Стихи о семейной жизни», в которых за каждым словом – еще не зарубцевавшаяся рана, в строки, не перешедшие в крик лишь потому, что написаны, словно сквозь стиснутые зубы. Боже упаси, как говорится, принять эти стихи за сугубо личные. Настоящий поэт никогда не напишет о том, что волнует его одного. Такого казуса с ним просто быть не может. И надо иметь большую силу духа, неисчерпаемый запас мужества, чтобы желать и уметь своей бедой предупредить других, многих.

Здесь нет никаких полутонов, стихи не рассчитаны на то, чтобы их произносили «на ушко», иначе бы их стали распевать на манер «жестоких» романсов. Но такие не запоешь, над ними надолго и горько задумаешься и узнаешь: если о подобном можно поведать откровенно и вслух, значит, поэт не жалуется, а утверждает, что если он вынес горе, то и все могут. От стремления понять и принять человеческие боли и помочь людям преодолеть их трудно живут хорошие поэты.

Стихотворение «Зачем же так непоправимо...» о любви. Оно начинается с риторического вопроса, который герой задаёт сам себе: «Зачем же так непоправимо / Сжигать себя в твоём огне?» Огонь – это всепоглощающая любовь, которая повсюду: «Ты – вне меня. Но ты во мне!». Эта строчка говорит о том, как сильно чувствует герой. Теперь она – частичка его самого... но она не с ним. Автор выбрал эпитет «победные глаза». Это глаза, которые обрели власть над героем, а значит, победили его. Героиня стала для героя целым миром: «Мне о тебе спешат поведать / Таёжный шум и камский всплеск», т.е. она – это и леса, и вода, и небо («Я вижу влажный звёздный блеск»). Но и в любви не всегда всё просто и понятно, за несколькими строчками стихотворения перед нами разворачивается целая история любви, чьей-то судьбы:

Но ты опять отсрочки просишь,
Тайком слезинку обрonya...

Мы не знаем, почему так складываются отношения влюблённых, но понимаем, что разрыв – это гибель целого мира («И целый мир с собой уносишь, / Когда уходишь от меня»).

Даже не зная автора, можно понять, что написал их зрелый поэт, много переживший человек. Он верен слову и верит слову. Только потому оно и подвластно ему. Только потому рождаются стихи, легко западающие в любую отзывчивую душу.

Именно поэтому Радкевич никогда и не нуждался ни в каких «поисках», все поэтические «моды» далеко обходили его. Если он и искал, то лишь самого себя, свой слог, свой образный мир.

Стихи Радкевича не содержат ни грана безысходности или уныния – по природе своей он жизнелюб, как многие уральцы – от Василия Каменского до Бориса Ручьева (который очень любил стихи Радкевича и собирался об этом написать). Нет, нет, жизнелюбие не от убежденности, что бытие наше – приятная и легкая штука, а от счастья «быть живым, живым и только живым и только до конца»:

Еще нам долго жить да жить,
И день далек, когда
Придут другие, чтоб любить
И строить города.

Со сборником «Равновесие» связана ещё одна история, отмеченная в краеведении города Чайковского и села Сайгатка. В библиотеке-филиале № 10 – преемнике библиотеки строителей Воткинской ГЭС – хранится книга «Равновесие» с дарственной надписью самого Радкевича: «Дорогим Кочетовым на добрую память» с экспромтом – Бежит ручей, / Звенит ручей. /

По маленькой, / по маленькой / ступенечке своей.

Кочетов Иван Васильевич – первый руководитель строительством Воткинской ГЭС – мог познакомиться с Радкевичем ещё в 1954 году, когда поэт работал в сайгатском клубе. Возможно, их знакомство произошло в один из последующих приездов поэта в город Чайковский. Он был здесь в октябре 1961 года на перекрытии Камы, был в марте 1982 года на декаде пермской литературы в Чайковском районе и давал мастер-классы вместе с пермскими поэтами Гребневым А., Домниным А, Домовитовым Н. и писателем Олегом Селянкиным.

Сборники, в которые вошли стихотворения Радкевича

Живая дорога : стихи, рассказы, очерки, 1958 г.

Дорогая память : рассказы, очерки и стихи для детей о прошлом и настоящем Прикамья, 1983

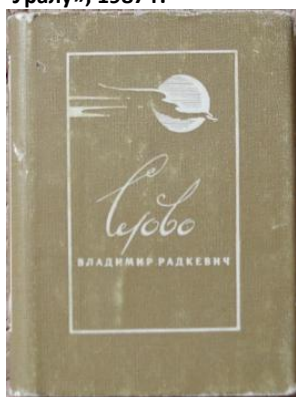
Двенадцать дорог: антология, 1984

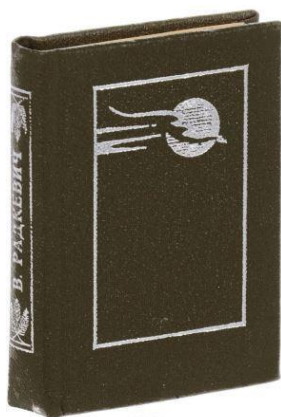
Сборник «Приближение к Уралу», 1987 г.

Сборник «Слово», разворот, 1992 г.

Суперобложка и обложка сборника «Слово», 1992 г.

1984 год стал весьма плодотворным для поэта. В московском издательстве «Детская литература» увидели свет два коллективных сборника – «Двенадцать дорог» и «Была война». В них собраны стихи поэтов послевоенного поколения. Наряду со стихами Евтушенко, Матвеевой, Кострова, в этих книгах крупными подборками стихов представлено и творчество поэта В. Радкевича. Также подборка стихотворений Радкевича «Пермская земля» была опубликована в выпущенном издательством ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» альманахе «Поэзия» № 21. В нем – стихи, посвященные Уралу, его природе, богатству, истории.

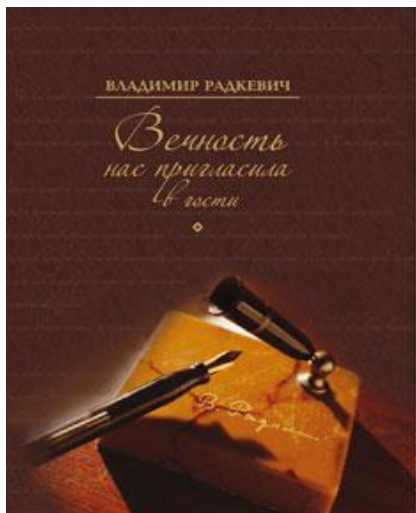
1987 год стал последним в жизни поэта. Своеобразным завещанием В. Радкевича, стала книга стихов "Приближение к Уралу", которая вышла после смерти поэта. Перестало биться "доброе сердце поэта", но его стихи по-прежнему с нами. Они живут в его поэтических книгах, звучат в передачах по радио, живут в памяти его друзей.

К 5-летию со дня смерти поэта – в 1992 году – в Пермском книжном издательстве вышел второй посмертный сборник Радкевича «Слово». Иллюстрировал издание известный пермский художник - живописец, график, акварелист – Шелонников Евгений Дмитриевич.

Известное пермское издательство «Маматов» выпустило в 2007 году, к 80-летию Владимира Радкевича, его избранное «Вечность нас пригласила в гости» и одноименный компакт-диск.

Впервые были напечатаны в книге и на компакт-диске его эпиграммы, которые в Перми и Москве знали, передавали изустно друг другу. При этом смеялись, сердились, возмущались, потому что точным, и ироничным, и порой разящим было слово поэта. О нем вспоминают друзья, писатели-собратья по перу, читатели. Отрывки из их писем или статей помещены в книгу и электронном издании. Есть в книге и на компакт-диске и большая подборка фотографий знаменитого поэта в разные годы его жизни, названная «Моменты жизни».

Составитель книги и диска известный писатель и поэт Фёдор Востриков. Редактор книги и диска Елена Воронянская. Оформила оба издания пермская художница Любовь Пенягина. Составители сборника пишут: «В трудной жизни своей Радкевич знавал и шумные успехи, и отнимающую силы, внушающую неуверенность хулу, и

Сборник «Вечность нас пригласила в гости»: книга и компакт-диск, 2007 г.

Голоса уральских поэтов: компакт-диск, 2001 год

подчеркнутое безразличие, даже отрицание. Всякое бывало. Поэзия требовала от него многого, и он отдавал ей все, на что был способен. Они, поэт и поэзия, не щадили друг друга. Кто знает, какой ценой дается поэту создание произведения? Поэтическая жизнь длиннее и насыщеннее физического существования. Поэт живет как бы дважды. Один раз — обычно, как все, второй — в созданных им стихах. Причем эта, вторая, жизнь куда напряженнее и опаснее первой».

В наш век чернить поэзию не смейте,
Она во всем пред будущим чиста.
Она с людьми – в бесславье и в бессмертье,
И в этом цель ее и проработы.
И если счастье в будущих восходах
Пока – мечта, а не прямой устав,
Поэзия, как мать в тяжелых родах,
Сквозь зубы стонет, руки разметав.
Она не ждет, что к ней придут с повинной.
Все губы искусаив до синева,
Она сама обрежет пуповину
В тот самый миг, когда родитесь вы!

Пермяки справедливо числят Владимира Радкевича своим, уральским, но мы помним и о его детстве на тверской земле, где он до четырнадцати лет постигал красоты Верхневолжья, ощутил сердечность земляков и начинал постигать тайны поэтического слова. Недаром о Владимире так отзывались его друзья: «...он несет в мир законы строгой человеческой чести, высокой порядочности, поэтому и тон его поэзии высок».

Неизбывная доброта помогла ему стать далеко не заурядным поэтом. Его творчество – от первых до последних написанных стихов – это сотворение добра людям, отдавание самого себя на беспощадный суд совести. Он готов был впустить в сердце неисчислимое количество чужого горя, а о собственных бедах рассказывал только затем, чтобы предостеречь и утешить других.

Он мог быть гневен, но никогда не бывал злобен. А жестоким он бывал только к себе. Он просто не может себе позволить, да и не умеет писать без души. Скорее всего, и сам того не сознавая,

практически он стремится, чтобы любая строка стала фактом настоящей поэзии.

Пермский поэт известен и как блестящий переводчик. Давние творческие пути связывают его с башкирскими и коми-пермяцкими, латышскими и украинскими поэтами. Современники Радкевича считали его первооткрывателем коми-пермяцкой поэзии для русского читателя, поскольку им было сделано очень много талантливых переводов произведений коми-пермяцких поэтов. Коми-пермяцкий писатель Иван Алексеевич Минин отмечал, что до переводов Радкевича читатель столь широко не соприкасался с коми-пермяцкой литературой. Он переводил таких коми-пермяцких поэтов и писателей как М. Вавилин, С. Караваев, Н. Попов, С. Можяев. Поэт занимался также переводами стихов украинских и латышских поэтов.

В творчестве Радкевича выделяется ещё одна немаловажная сторона. Это песенность его лирики. Поэт плодотворно сотрудничает с уральскими композиторами: М. Камским, Л. Мелем, Г. Векшиным, Е. Родыгиным.

Из воспоминаний жителя села Ильинское Пермского края Чепурина Станислава:

«Запомнилась и последняя встреча с Михаилом Дмитриевичем [Камским] в июне 1979 года. В редакцию районной газеты он пришел вместе с Владимиром Радкевичем, пермским поэтом, на слова которого Камский написал несколько хороших песен.

– Мы хотим выступить у вас в коллективе с творческим отчетом, – заявил Камский редактору М. Конину. Тот вначале удивился, но потом пригласил всех сотрудников в свой кабинет. Михаил Камский и Владимир Радкевич исполнили дуэтом несколько песен, в том числе «Наша родина – Урал», «Песня о Перми», «Возвращение на родину» («Иду над Обвою тропинкою знакомою»), а мы наградили их аплодисментами.

Из редакции Камский и Радкевич отправились в другие организации поселка, и везде их тепло принимали. А спустя неделю, 27 июня 1979 года, Михаил Дмитриевич умер. Ему не исполнилось еще и 58 лет. Похоронен Яшманов-Камский в Слудке, в четырех километрах от родной деревни Усть-Кемоль».

Сын Сергей , 1960-е гг.

Дочерям Люде и Лиде 7 и 8 лет

С дочерьми Лидией и Людмилой, 1980-е гг.

Внук Владимир

Вдова поэта с А. Решетовым

Композитор Леонид Мель в 1960-ые годы в содружестве с Владимиром Радкевичем создаёт свои лучшие песни: «И сердцем, и броней» – была в репертуаре ансамбля Уральского военного округа, «Песня о рабочем Урале» – фрагменты песни долго служили позывными Пермского радио.

В содружестве с композиторами Евгением Радыгиным и Аркадием Трухиным, чьи песни слышали в Болгарии, Венгрии, Франции, написаны песни: «Рябиновый вальс», «Если любишь ты», «Все еще горит костер рябиновый». Песни на стихи Радкевича исполнял Уральский государственный народный хор, артисты Свердловской филармонии.

Официальных наград у Владимира Ильича было немного. Награжден медалью "Ветеран труда". Удостоен в 1986 году звания "Заслуженный работник культуры РСФСР"; занесен в Галерею Трудовой Славы Пермской области. К 60-летию он был удостоен ордена Дружбы народов. А через полтора месяца после юбилея, 7 июня 1987 года, поэта не стало. Он похоронен на Южном кладбище. Южное кладбище города Перми – памятник истории и культуры местного (краевого) значения.

Семья: Радкевич был женат два раза: первая жена – Н. Радкевич, вторая Зоя Ивановна Радкевич.

Дети: от первого брака сын Сергей; от второго брака две дочери – старшая Людмила, младшая Лидия.

Внуки: Владимир – сын младшей дочери Лидии.

КАМСКИЙ МОСТ*

В плане наблюдений за процессом формирования городской семиотики интересно сопоставить тексты двух пермских авторов, в которых описывается Камский мост: Владимира Радкевича и Вячеслава Дрожащих.

В городе, понятом как текст, всегда есть места, обладающие в сравнении с другими повышенной знаковостью. В Перми это район левого бережья, точнее прибрежная полоса, протянувшаяся от Вышки до железнодорожного моста, с очень интенсивным центром вокруг кафедрального собора-галереи. Семиотически Пермь линейна, она развернута к реке. Один из значимых элементов этого района – Камский мост. Конечно, для полноты картины надо привлечь весь объем текстов, связанных с этим местом. Понятно, что два стихотворения дают очень приблизительную картину. Но, думается, достаточно показательную. Ведь в создании и развитии мифологии вещей и пространства литература играет свою незаменимую роль. Разумеется, она далеко не единственный фактор семиотики любого локуса, но именно ее влияние зачастую оказывается решающим.

Сравнивая стихи Радкевича и Дрожащих, постараемся проследить также логику перехода от одного поэтического поколения

* Отрывок из книги «Пермь как текст». Автор Абашев Владимир Васильевич (г.р.1954), российский литературовед, доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики и массовых коммуникаций филологического факультета Пермского университета, научный руководитель лаборатории политики культурного наследия, основатель и директор Пермского общественного фонда культуры «Юрятин», автор книги «Пермь как текст». С 1987 года работает на кафедре русской литературы, с 1992 года — доцент кафедры. С 26 июня 1991 года по 24 декабря 1996 года заведовал кафедрой. По его инициативе с начала 1990-х годов на кафедре началась разработка научной тематики, связанной с литературным краеведением и устной историей Перми. Монография В. В. Абашева «Пермь как текст», отразившая его докторское исследование, стала авторитетным образцом системного описания культурной истории провинциального города.

к другому, проявившуюся именно в характере формирования означающих, в языке описания.

Написанное и впервые опубликованное в 1969 году стихотворение «Камский мост» стало для Владимира Радкевича и, видимо, для его редакторов чем-то вроде визитной карточки поэта. По этому стихотворению была названа книга 1972 года, позже оно включалось во все его сборники стихотворений.

«Камский мост» принадлежит именно к тому – парадно-официозному – роду стихов, с которым ассоциируются далеко не лучшие качества советской поэзии. Сегодня попасть в его тон, вчитаться и проникнуться его пафосом не очень легко. Но постараться стоит.

По жанровым истокам «Камский мост» – это торжественная ода, только предельно сжатая. В своей первой журнальной публикации (Урал.1969.N.10.C.81) стихотворение, кстати, так и называлось – «Ода Камскому мосту». И это действительно ода: по эмоциональному тону, по характеру словесно-образной фактуры. При книжной публикации Радкевич даже устранил из текста некоторые слишком явно архаичные элементы одической стилистики, тяготеющие к эмблематичности образа, абстрагированию и схематизации. В журнальном варианте стихотворения вполне в духе образности XVIII века присутствовала абстрактная персонификация труда: «Выходила Работа на люди». Наконец, это ода и функционально: стихотворение утверждает некие абсолютные государственно-гражданские ценности в качестве ценностей повседневной жизни.

Это стихотворение о ВСТРЕЧЕ с мостом как о событии подлинного бытия. Оно должно было раскрыть и раскрывает читателю нетривиальный смысл такого вполне будничного события, как въезд в город через Камский мост. Переезд через Каму осмысливается в патетических терминах исторической инициации советского человека. Мост воплощает героический опыт поколений, перед лицом этого опыта каждый проходит проверку на гражданскую зрелость, мужество и верность долгу: «Встаньте, люди! Прильните к окнам: начинается камский мост!»³¹. В далекой перспективе, которую намечает образная конструкция в стихотворении Радкевича,

угадывается мифологический мотив моста судного дня, пролегающего над бездной: «над разрушенным миром зла» – в стихотворении. Содержательно близкий мотив моста между двумя мирами развивается в стихотворении «Мост всех святых» у В. Лаврентьева, где переезд через Каму предстает как путешествие в иной мир.

Ключевое слово в стихотворении Радкевича – «начинается». Оно анафорически организует композицию текста и постепенно от повтора к повтору наращивает свой смысл. Во-первых, это начало протяженности, край. Во-вторых, начало во времени, исток. А в-третьих, НАЧАЛО как всеобщая категория, первооснова. Вопрос о первоначалах был вопросом того времени. «С чего начинается Родина?» – пела вся страна, а школьники писали на эту тему сочинения. Радкевич ищет: «С чего начинается Камский мост?» Необходимо было в ставшем инертном и будничном к 1970-м годам существовании открыть, чтобы в них вновь убедиться, чистые и бесспорные первоначала – оживить «фундаментальный лексикон». Радкевич, как и многие его современники, был увлечен безнадежной попыткой вернуть первоосновам существовавшего социального и политического порядка их человеческую подлинность.

«Начинается мост с волнения и предчувствия». Радкевич хорошо схватил оттенок напряженного драматизма переживаний, всегда связанный с переездом через Каму. Однако Радкевич очищает переживание моста от шелухи вполне индивидуальных чувствований и забот, обнажая его концептуальное ядро: въезжая на мост, мы встречаемся со сгустком исторического опыта, в котором преломлен смысл существования страны и народа, его мессианское призвание: поэтому мост «начинается из мужества и подвига» и намечает неизменность общественной цели и пути – «только этим путем до звезд!»

Предметная вещь моста в изображении Радкевича как бы испаряется, он превращается в сияющую светом догмата эмблему труда, подвига и победы, занимая свое место в локальном варианте фундаментального лексикона советской мифологии. Однако при этом мост Радкевича не только не отрывается от традиционной мифологии моста, но, напротив, вступает с ней в новое единство, использует ее

смысловые ресурсы. Мифологические импликации моста у Радкевича достаточно прозрачны:

Вижу <...>
Ту дорогу одноколейную
Над разрушенным миром зла,
Что как совесть людская, к Ленину
Весь Урал, всю Сибирь вела...

Одноколейная (узкая) дорога, зыбко висящая над миром зла и являющая собой единственный путь спасения, ведущий народы к средоточию справедливости и добра – Ленину, очень живо напоминает мосты древних мифологий. Ближайший прототип созданного Радкевичем образа – мост «судебного разбора» вроде Чинвата из иранской мифологии и его многочисленных аналогов, где над водной или огненной бездной преисподней, разделяющей миры живых и мертвых, протянут тонкий мост, с которого грешник срывается, а праведник его преодолевает.

В этой перспективе естественно, что мотив испытания души у Радкевича присутствует и подан достаточно напряженно. Когда смысл, концепт Камского моста вполне проясняется, поэт обращается с призывом:

Встаньте, люди! Прильните к окнам:
Начинается камский мост!

Иными словами, переезд через Каму оказывается чем-то вроде пробой души на верность героической истории первооснователей, их заветам. Это метафора гражданской инициации. История моста становится символом героического пути побед, испытаний и конечного торжества, иного пути не дано, и его надо выдержать до конца:

Только так – на ветру жестоком,
Только этим путем – до звезд.

«Камский мост» – типичное стихотворение Радкевича. У него насчитываются десятки стихотворений, посвященных городу. Он, видимо, вполне сознательно ставил перед собой задачу претворения Перми в некую новую поэтическую реальность. Об этом говорит сама систематичность, с какой он описывал-осваивал стихами городское пространство и историю. Радкевич писал стихи об улицах, городских

районах, памятниках истории и культуры, людях, оставивших след в истории города, шаг за шагом осваивая пермское пространство. Поэзии Радкевича свойственен в этом аспекте какой-то александрийский энциклопедизм зрелого социализма. В этом духе систематизма в 1973 году была издана к юбилею Перми книга «Город на Каме», маленькая энциклопедия стихов о Городе и Реке.

Осваивая Пермь как поэтическую реальность, поэзия Радкевича продолжала тот семиотический процесс, который нагляднее всего выразился в Перми в переименовании ее улиц. Как правило, смена топонимов интерпретируется исключительно в политическом аспекте, хотя этот факт интересен именно с семиотической стороны. Дело в том, что традиционная внутригородская топонимика Перми отличалась тем, что большинство улиц носило имена пермских уездов. Тем самым устанавливалась символическая связь города и всей объединяемой им территории – Пермской земли. Переименование улиц семиотически отторгло Город от Земли-территории и приобщало его новыми названиями улиц (Советская, Коммунистическая, Большевицкая и т.п.) семиотически однородному пространству страны и монументальному единству советского мифа.

Своими стихами о Перми, как и «Камским мостом», Владимир Радкевич продолжал этот процесс, но уже не на уровне простого переименования, а на уровне более глубокой перекодировки всех реалий города, через раскрытие в них смыслов, кодифицированных советской исторической и политической мифологией. Поэтому Радкевич последовательно вписывал Пермь в заданную систему идеологических координат, открывая в городе, его ландшафте, реалиях, истории смыслы, вводящие Пермь в единое пространство советского мифа. В этом пространстве живет его монументальный мост судного дня, подвига и конечного торжества, вводящий в царство справедливости и добра.

Два стихотворения Владислава Дрожащих о камском мосте, объединенные в микроцикле «После праздника. Прият одиноких ветров», написаны в 1976 году - через три года после выхода книги Радкевича «Камский мост». Именно тогда, во второй половине 1970-х, молодые пермские поэты Владислав Дрожащих, Виталий Кальпиди,

Юрий Беликов и их окружение начинали осознанно самоопределяться в литературе. Для них «Камский мост» Радкевича, как и сам Радкевич, воплощали те стороны предшествующего опыта, от которых они отталкивались и на фоне которых осознавали себя как нечто особенное.

Как поступает Дрожащих с наследием Радкевича и с его опытом семиотизации Перми? Кажется, он его просто не замечает или, по крайней мере, делает вид, что не замечает. Что прежде всего бросается в глаза – это то, что образ моста у него нейтрален к императивным смысловым связям идеологизированного советского мифа, он вырван из его иерархических отношений.

Отталкивание носило прежде всего вкусовой, эстетический характер. У Радкевича в «Камском мосте» и других стихах подобного типа господствует усредненный, почти не индивидуализированный стиль советских торжественных стихотворений, вполне соответствующий методу возведения обыденного ко всеобщему. Стиливая анонимность слова, его обезличенность у Радкевича была тем массовым фоном, от которого очевидно отталкивалось молодое поколение.

У Дрожащих проявленность стиливых средств, даже некоторая их избыточность и броскость выражают прежде всего тягу к праздничности. Анонимности слова у него противопоставлена почти намеренная проявленность литературных ориентаций. Его стихи о камском мосте напоминают талантливый конспект русского футуризма.

Дрожащих почти цитирует риторическую структуру хлебниковского «Зверинца» (О, мост! Мост!), нанизывая одну за одной пышные барочные метафоры моста, обращается к реминисценциям видения моста, восставшего из вод «феерией стали» в поэмах Маяковского «Человек» и «Про это», использует опыт футуристических экспериментов по визуализации текста, имитируя расположением строк архитектурные формы моста. Ритмика стихотворения прозрачно близка знаменитому «захлебу» в пастернаковских стихотворениях, вроде «Метели». Мост у Дрожащих также пребывает в беспорядочном стихийном движении:

Форсил и филонил, и шельмой у дел –

чтоб рельсы! – бросался, и вспять бумерангом
нырлял из тумана, как шмель, он гудел
и пер через ливень в закат как в подрамник³².

Мост в стихах Дрожащих возникает как красочный фантом, рассыпающийся фейерверком огней. Это самодовлеющий артефакт. Он разыгрывается как феерическое действо – в буйстве света, цвета и пульсирующего движения. Гигантская ветка, мерцающая рубинами, куст, склоняющийся под тяжестью багряных плодов, сияющий кристалл, выгнутая лира любовников, железная бровь над рыдающим оком потока – вся эта избыточная метафорика моста, не столько его изображение, сколько эмблематика освобожденной лирической энергии.

Внезапно выныривающий из тумана мост, подброшенный к самым ступням невидимкой, исчезающий и вновь появляющийся как бумеранг, пульсирующий, рвущийся вверх к небу, силающийся взлететь в «синий праздник», этот мост в стихах Дрожащих – «выход из скуки города». Мост экстерриториален городу, он намекает на возможность побега, дает шанс, формирует вокруг себя зону свободы и праздника. Оба текста, Радкевича и Дрожащих, вступают в напряженный диалог. Хотел того Дрожащих или не хотел, но его мост – альтернатива образу Радкевича. Тексты вступают в переключку не только единством объекта-референта. Рефреном звучащие у Дрожащих строчки «Вот так начинались виденья моста!» неизбежно аукаются со стихотворением Радкевича, давая свой вариант ответа на вопрос, что же собственно начинается во встрече с мостом и с чего начинается мост? У Радкевича мост утверждается через узнавание в нем кодифицированных смыслов, у Дрожащих – через дробление и поиск новых непредсказуемых значений. У Дрожащих пространство за мостом – неосвоенное, колеблющееся, а у Радкевича мост ведет к Цели.

Мост Радкевича начинается с императивной идеи-догмата, его город в целом граждански императивен, здесь каждое место своим смыслом долженствует служить образцом выбора и поведения. Этот город императивов и долга здесь, в координатах лирического мира Дрожащих, оказывается городом скуки. А в видениях моста начинается зона свободы, понимаемой как бегство от скуки регламентированных императивных смыслов. Это бегство

обеспечивается свободой эстетической игры, создающей свои радужные фантомы.

В советской Перми 1970-х годов Дрожащих и его сверстники выгораживали свою зону свободы. Видения моста – проект такой свободы. У них, Радкевича и Дрожащих, разнонаправленное движение. У Дрожащих начинается семиотический взрыв пермского пространства: дробление и раскручивание значений. Его стихотворение о мосте – это пример выхода за пределы единого строго кодифицированного семиотического пространства и опыт построения новой поэтической реальности.

При этом, строя свой мост, Дрожащих, как и Радкевич, опирается на глубокие мифологические импликации или, вернее, следует по заданным ими путям. Его мост-фантом - вариация на тему своего мифологического двойника - чудесный мост спасения и бегства, возникающий из ничего мановением героя и рассыпающийся в ничто перед его преследователями.

Итак, два этих текста многое разъединяет, но в чем-то существенном они едины. Это единство не только объекта лирического переживания и постижения, но единство в направленности постижения объекта, словно сам он диктует ее, как некая живая персонифицированная сущность. Собственно говоря, оба эти стихотворения организованы идеей инициации, только в одном случае это посвящение в сферу императивного долга, в другом - свободы.

При этом не стоит понимать Дрожащих под знаком абсолютного плюса в ущерб Радкевичу. Как раз в отношении сравнительной ценности и значимости того и другого есть, против ожиданий, весьма серьезные сомнения. Семиотика Радкевича во многих отношениях оказывается более прочной, более жизненной и более убедительной. Она опирается не только на мощь идеологического мифа, черпая в нем императивность и стимулируя определенную мотивацию поведения читателя. Она черпает свою убедительность и в энергетике традиционных мифологических импликаций, интуитивно близких каждому. Красочная семиотика Дрожащих слишком индивидуальна, слишком замкнута на себе, чтобы быть семиотикой в полном смысле слова. Она

нежизнеспособна вне адаптации коллективным сознанием и потому лишена той экзистенциальной значимости, что несет в себе гораздо более идеологически ангажированный текст Радкевича.

Из визуальных образов пермского моста наиболее художественно впечатляющий и в то же время проникающий в смысловую глубину объекта создал пермский фотограф Анатолий Долматов³³. Можно сказать, что ему удалось подсмотреть, поймать мост в тот момент, когда он обнаружил свою мифологическую сущность средостения миров, метафизического перехода. На фотографии неожиданно монументальная и почти грозная стрела моста, поддержанная циклопическими быками, взята в таком напряженном динамическом ракурсе, что зритель испытывает ощущение полета в неизмеримую глубину. Этот мост вонзается в туман и уводит в неведомое, за парашютом набережной знакомый мир обрывается, далее – ничего, лишь непроницаемое марево тумана.

Фотография Долматова дает возможность наглядно представить ускользающую, постоянно сдвигающуюся грань вещи и знака, как самое существенное для понимания динамической связи локального текста и локуса в его предметной данности. Ведь нельзя сказать, что фотограф просто воспроизвел Камский мост как некую вполне определенную вещь с ее функциональным назначением. На фотографии этот мост выглядит существенно иначе, нежели он дается рассеянному автоматизированному повседневному восприятию. Сместив средствами фотографии вещную и, признаться, весьма неказистую данность этого известного всем пермякам архитектурного и технического сооружения, художник отслоил от вещи ее уже трансформированную внешность как свободно движущееся означающее. Это визуально богатое и странное означающее действует уже независимо от своего вещного референта, оно выводит на поверхность его освобожденный, не связанный обыденной данностью вещи смысл. Но отныне и сам референт, Камский мост, смещен для наблюдателя в новую для него, не функционально утилитарную или даже эстетическую, а мифопоэтическую перспективу. Мост Долматова универсально парадигматичен, но в

локальной ситуации он задает правила разглядывания-чтения именно пермского моста и в этом качестве принадлежит «пермскому тексту».

Пермский звериный стиль, «Башня смерти», образы чеховской драмы, Ермак, Кама, мост – мы убедились, что все эти предметы существуют одновременно, по крайней мере, в двух порядках. Во-первых, как вполне автономные предметы разных объектных рядов (литература, история, природа, градостроительство), условно объединенные лишь своим прямым или косвенным отношением к Перми. Но, во-вторых, все эти разнородные предметы обнаруживают существенное единство как знаки, репрезентирующие Пермь. Как таковые, они принадлежат семиотической сфере локуса и не нуждаются в верификации. Критерием их фактичности оказывается лишь функционирование в локальной коммуникативной среде, где они обращаются в качестве означающих.

Все это элементы парадигматики пермского текста, постоянно сдвигающиеся участки его текучей означающей поверхности. На этой поверхности исторически реальным Ермак и вымышленные чеховские три сестры, «Башня смерти» и камский мост – явления одного, текстового ряда. Они функционируют в семиотическом пространстве, репрезентирующем Пермь. Как мы стремились показать, эти элементы используются пермяками (сознательно или бессознательно) как инструменты самоосмысления и репрезентации себя в своей связи с локусом – Пермью, и, следовательно, в своей пермскости. В каждой новой ситуации, реагируя на изменение контекста, такие означающие гибко моделирует новую референцию и новые значения.

В качестве означающих они вполне свободны по отношению к своей первичной предметной референции и постоянно находятся в движении, как бы меняя свои очертания, ассоциируясь с новыми содержаниями и структурируя их. Каждая из описанных выше и достаточно произвольно избранных для примера знаковых структур влияет, как мы это стремились показать, на локальные культурные практики (городской фольклор, литература, изобразительное искусство), – выступая как текстопорождающие устройства. Они интерпретируют город и край, участвуя в построении высказываний о

Перми, в формировании образа Перми в русской культуре, они служат средством самоидентификации для тех, кто связан с Пермью.

Неизбежен вопрос, правомерно ли связывать с пермским текстом драму Чехова и фигуру Ермака, если вполне очевидно их универсальное общероссийское культурное значение? Но речь идет совсем не об ограничении значения этих элементов общей топики русской культуры. Дело только в том, что Ермак и Чехов оказались субъективно приуроченными к Перми и стали, каждый по-своему, средством ее манифестации, самоанализа, то есть приобрели дополнительную локальную символическую функцию, которая несколько не ограничивает их универсальности. Ермаком и Чеховым Пермь высказывается о себе так же, как пермским звериным стилем, «Башней смерти», Камой и камским мостом.

Идя намеченным путем, вычлняя один знак Перми за другим, мы можем постепенно описать парадигматический аспект пермского текста, условно говоря – его словарь. Этот словарь можно долго расширять, дополняя его такими безусловно важными «словарными единицами», как Стефан Пермский, пермский период, рубеж Востока и Запада, чудь, Биармия, Вышка, ротонда, Дягилев, Пастернак и т.д. Они не равнозначны, у каждого свой радиус действия и степень востребованности. Есть знаки, формирующие центр, ядро пермской парадигматики, и знаки, находящиеся на ее периферии.

Но такое, знак за знаком, описание локального текста при всей его важности (и практической необходимости) не поможет далеко продвинуться в понимании «пермского текста» как целостного семиотического образования. Целостность текста предполагает его внутреннюю связность, способность отдельных элементов вступать в синтагматические сюжетообразующие отношения, формировать устойчивые смысловые структуры, в дальнейшем влияющие на культурную практику.

³¹ Радкевич В. Избранное. Пермь, 1977. С.86-88.

³² Дрожжащих В. Небовоскресенье. Пермь, 1992. С.7.

³³ Пермский пресс центр. 1999. №2.С.4-5.

ЗАГАДКИ ПОСЛЕДНЕГО «ПРОСТИ»*

(к биографии пермского поэта Владимира Радкевича)

18 июня 1987 года часть тиража газеты «Огни Камы» № 73 вышла в подарочном варианте. Она полностью была посвящена закрытию и подведению итогов IV фестиваля музыкального искусства детей и юношества Пермской области. Каждую полосу открывали лозунги, заимствованные из текстов пионерских песен тех лет: «Обнимаем планету своим хороводом!», «Наша Родина – Революция! Ей, единственной, мы верны!». Сине-голубые тексты корреспонденций короновали ярко красные звонкие заголовки: «Победители», «Всё шире круг друзей», «Труба зовёт», «Сладкие грёзы» и другие. На последней, четвёртой странице газеты было помещено стихотворение, ещё больше поднимающее дух праздничного номера газеты.

Приводим его полный текст:

Чайковский, город ласковый на Каме!
Прислушайся, как счастьем наделя,
Нас детскими живыми голосами
Приветствует Прикамская земля!
Здесь все равны. Здесь – сёстры все и братья,
И дружат с песней с детства навсегда.
Нас музыка берёт в свои объятия
Мелодиями мира и труда.
И нету этой музыки чудесней!
Сердца у пионеров горячи:
На фестивале их мечты и песни
Встречаются, как солнышка лучи.
Встречаются, как на лугах – соцветья,
Как с первым утром – мирная заря,

* Неопубликованный материал. Автор Бедерман Вадим Григорьевич (г.р. 1951), журналист, музыковед, поэт. С 1981 г. проживает в городе Чайковский. В 1982 г. посещал мастер-классы В. Радкевича в Чайковском.

Как с Родиной – семидесятилетье
Бессмертного, как Ленин, Октября!
В грядущий век идти дорогой верной
Нас ленинская партия зовёт:
Ей посвятим и труд наш пионерский,
И нашей песни пионерский слёт!

Это стихотворение принадлежит замечательному пермскому поэту Владимиру Ильичу Радкевичу. Он написал его по заказу прозаика члена Союза писателей СССР Геннадия Николаевича Солодникова, заведовавшего в то время отделом писем редакции газеты «Огни Камы» и руководившего литературным объединением при этом печатном органе в сезон осени 1987 – лета 1988 года. Уральский писатель надеялся, что текст Радкевича будет положен на музыку и станет гимном последующих фестивалей. И не безосновательно. В Чайковском 80-е годы прошлого столетия отметились песенным бумом. В этом жанре вокальной музыки работали чайковские композиторы-любители Николай Барябин, Вадим Бедерман, Борис Беккер, Виктор Журавлёв и Евгений Карманов.

Место и дату создания стихотворения – «Пермь. 6 июня 1987 года» – в «Огнях Камы» объявил сам Г. Н. Солодников по штемпелю Пермского главпочтамта на конверте с письмом. Лишь одно омрачало общий тон всего праздничного номера газеты: имя автора этих строк – Владимира Ильича Радкевича – было обведено в траурную рамку. Замечательный пермский поэт ушёл в мир иной 7 июня 1987 года, то есть, через день после отправления письма с его последним поэтическим опусом в честь IV фестиваля музыкального искусства детей и юношества Пермской области.

Казалось, стихотворение Радкевича «Чайковский, город ласковый на Каме!», причислив его к «дежурным», писанным «по случаю», можно было бы оставить без внимания. Однако его художественная ценность велика. «Меня всегда поражало природное умение Радкевича привносить сердечность даже в праздничные газетные стихи, – констатировал пермский писатель Лев Иванович Давыдычев, друг поэта. – Уж как только не потешались фельетонисты и пародисты по поводу так называемых дежурных произведений для

газет! Но я со всей ответственностью утверждаю, что ни в одной строке Радкевича – от напечатанных на первой полосе, от реклам для «Союзпечати» до самых сокровенных стихов – не найти и запаха равнодушия, ремесленничества»[2].

Трогательно, что свой последний опус поэт посвятил не малой родине – городу Белый Смоленской области, где 24 апреля 1927 года Владимир Ильич Радкевич родился. И не Ржеву, где он начал учиться, не башкирскому селу Шарап, среднюю школу в котором он окончил, в эвакуации. И даже не Перми Великой, где в 1949 году Радкевич успешно окончил Молотовский (Пермский) историко-филологический факультет государственного университета. И чьё книжное издательство при жизни поэта дали жизнь его девяти лирическим сборникам: «Добрый путь» (1951)», «Разговор о счастье» (1955), и «Просека к солнцу» (1958), «Под звёздами» (1964), «Уральская лирика» (1968) и «Камский мост» (1972), «Избранное», «Стихи разных лет» (1981), «Равновесие» (1984) и «Приближение к Уралу» (1987). Именно в пермской писательской организации в 1959 году Владимир Ильич был принят в члены Союза писателей СССР.

Стихотворение Владимира Радкевича «Чайковский, город ласковый на Каме!» – это его последнее «прости» нашей земле, нашей молодёжи. В статье «Стихотворные экспромты Владимира Радкевича» Вера Евгеньевна Кайгородова, кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, свидетельствовала: «Уже несколько лет шестидесятилетний литератор, ранее признаваемый первым поэтом Прикамья, пребывает в творческом кризисе, почти не пишет и не публикует стихов»[3]. А чайковский фестиваль Радкевича-поэта всё-таки вдохновил! И далеко не случайно, если... внимательно всмотреться в два «белых пятна» в его официальной трудовой биографии.

Широко известно, что после окончания университета В. И. Радкевич работал инспектором отдела культуры, затем – корреспондентом комитета радиовещания Пермского облисполкома. Но только до июня 1951 года. А в 1955-м Владимир Ильич – уже литсотрудник редакции многотиражной газеты «Лесник Прикамья». Краткие биографические сведения о поэте, помещённые на обороте

титულных листов ряда его лирических сборников, лишь отчасти заполняют этот четырёхлетний «пробел»: «заведовал сельским клубом» («Под звёздами», «Равновесие», «Приближение к Уралу» и др.). Административная подчинённость самого же культурно-просветительного учреждения упорно умалчивается. Лишь фонд р-1734 Государственного архива Пермской области (края) «Писатели Пермской области» уточняет: с середины 1951 – до начала 1955 гг. В. И. Радкевич заведовал сельским клубом Фокинского района.

Внезапный сход Радкевича вниз по карьерной лестнице от инспектора отдела культуры облисполкома до заведующего сельским клубом сейчас уже никого не удивляет. Не секрет, что ещё в студенческие годы молодой поэт получил широкую известность как сочинитель дружеских стихотворных шаржей и едких эпиграмм. Этот жанр он практиковал до конца своей жизни. «Первый поэт советского Прикамья, – пишет Вера Кайгородова в уже упомянутой статье, – был и автором не предназначенных для печати стихов, в которых он предстаёт и смелым обличителем провинциальной партийной элиты, и остроумным комментатором общесоюзных литературных событий, нелегально высказывающимся о признанных авторитетах»[3].

К примеру, русский советский писатель Николай Матвеевич Грибачёв, будучи Председателем Верховного Совета РСФСР, в 1971 – 1973 годах успешно «продавил» в издательстве «Художественная литература» публикацию пятитомного собрания своих сочинений. Этому «общесоюзному событию» Радкевич посвятил такие строки, обыграв созвучие однокоренных фамилий Грибачёв – Грибоедов:

Я труды твои отведал,
Прочитал твои тома,
Вижу, ты не Грибоедов,
Горе есть. Но нет ума.

Своими экспромтами Радкевич веселил друзей по телефону. Как правило, миниатюры передавались из уст в уста, записывались и «самиздатовски» тиражировались. Какие эпиграммы легли на стол власть придержащих, установить невозможно. Тем не менее, по настоянию начальства поэта дважды ссылали в глухие южные районы Пермской области. «На исправление», – иронично добавил в нашей

беседе пермский поэт Фёдор Сергеевич Востриков, который не без гордости считает себя учеником Радкевича.

Поэтические «следы» пребывания Владимира Ильича в Фокинском районе обнаруживаются во втором его лирическом сборнике «Разговор о счастье». В стихотворении «В дороге» молодой специалист, проезжая хиреющую деревню, увидел: «У дороги сбивая вехи // Низовым ветерком с реки, // Покосивши на крышах стрехи, // Пошатнув у дверей косяки». И у него с возницей завязался такой диалог.

Спутник мне говорил, кивая
На такой позабытый кров:
– Здесь деревня была большая
Что-то около ста дворов.
А теперь стало меньше вдвое:
Кто подался в «район» к родным,
Кто уехал в село другое,
Кто домой не пришёл с войны.
– Электричество есть ли?
– Нету...

(А на улице ни души).
Не хотел я писать про это,
Но мне совесть твердит: – Пиши!
Мы столбы в той деревне вроем,
Проводами прорежем лес,
Ведь для этого мы и строим
Лишь на Каме вторую ГЭС!

В этих строках Радкевича есть два характерных признака административной принадлежности некоего села, расположенного на берегу Камы и обдуваемого зимним «низовым ветерком с реки». Такой населённый пункт мог быть только в Фокинском (Чайковском) районе, а не в Пермском. В противном случае, покидая село, «кто-то подался» бы в областной центр, а не «в «район» к родным», то есть – в Фоки. И главное: вторая по счёту ГЭС на Каме, упомянутая поэтом, – это Воткинская. Первая же – Камская, под Пермью, была введена в эксплуатацию в 1954 году.

Скорее всего, речь идёт о Сайгатке. Об этом свидетельствует стихотворение «Площадь пуста» из вышеупомянутого сборника. В нём лирический герой встречает в Москве своего бывшего однокурсника, нашедшего тёпленькое креслице в некоем столичном Главке. Горьким упрёком звучат строки воображаемого монолога лирического героя к тому, кто забыл и свою малую родину, и возлюбленную.

Ну, понятно, – тебе
полюбились родная столица,
Здесь театры, метро,
здесь в удобной квартире живёшь.
Только что ж ты забыл
как твоя колосилась пшеница,
Как в поклоне земном
перед тобою склонялася рожь...
Есть хорошая девушка
в новом посёлке на Каме,
Я там летом бываю
и к ней иногда захожу.
Писем ждёт от тебя
и сидит у окна вечерами...

О том, что «новый посёлок на Каме» будет, сельчане узнали ещё весной 1954 года, с прибытием в Сайгатку первых отрядов строителей различных специальностей. То есть, где-то в период написания стихотворения «Площадь пуста». У Радкевича он, понятно, безымянный. Ведь посёлок строителей Воткинской ГЭС впервые нарекут «Чайковским» лишь в январе 1956 года, когда Владимир Ильич год как возвратится в Пермь. А через месяц, 2 февраля название закрепится решением Молотовского областного исполнительного комитета. Затем – Указом Президиума Верховного Совета РСФСР №372/3 от 5 апреля 1956 года.

А конкретно, какого населённого пункта? – Официальные документы, хранящиеся в архивном отделе администрации Чайковского муниципального района, ещё больше усложняют этот ребус. В 1951–1954 годах на территории работали один районный дом культуры – в Фоках и восемь сельских клубов: Альняшинский,

Дубовской, Завод-Михайловский, Кемкульский, Маракушинский, Сосновский и Степановский. Лишь один, Сайгатский клуб был в селе, как охарактеризовал его Радкевич, обдуваемом «низовым ветерком с реки». Кроме избы-читальни, в здании клуба располагался зрительный зал на 70 мест, комната для культурно-массовой работы и одно подсобное помещение. В беседах с Виктором Николаевичем Дворником (1936–2008), заведующим отделом сельского хозяйства газеты «Огни Камы», когда речь заходила о Радкевиче, то журналист называл его «сайгатским избачём».

Однако фамилия поэта не встречается ни в «Книгах приказов по Фокинскому районному отделу культуры приёма, увольнения рабочих и служащих» 1951–1955 годов, ни в «Штатных расписаниях» и «Расчётных ведомостях на выдачу заработной платы рабочим и служащим» исследуемого периода. С другой стороны, смена заведующих сельскими клубами на разных основаниях производилась в среднем с частотой два раза в четырёхлетие. Лишь Сайгатский сельский клуб, числящийся «на хорошем счету», в 1951–1952 и 1954 годах возглавляло семь руководителей (!): Тамара Гурьяновна Ступалова, Сергей Семёнович Порсев, Маргарита Аркадьевна Митрошина, Борис Тимофеевич Думинов, Владимир Николаевич Богородский, Александра Семёновна Макшакова и Мария Ивановна Кочкина (Иванова). Этот список пополнился, если бы в архивном отделе администрации Чайковского муниципального района существовала соответствующая документация 1953 года, которая не была сдана на хранение по неизвестным причинам.

Любопытен один случай. Приказом по Фокинскому районному отделу культуры № 22 от 23 мая 1952 года на должность заведующего Сайгатским сельским клубом был назначен В. Н. Богородский. Следующий же приказ № 23 от 5 июля 1952 года полностью отменил предыдущий. Но, согласно расчётным ведомостям, заработную плату за проработанные полтора месяца заведующий клубом получил. В то время переплаты у работника изымались в обязательном порядке на основании соответствующего приказа.

Почему В. Н. Богородский стал исключением? Кому, в самом деле, предназначалась зарплата за заведование клубом? Возможно, таким образом, поэта Радкевича «прятали» от сталинской опричины?

Видимо, Владимиру Ильичу пришлось не сладко в наших краях, если он оба стихотворения фокинского периода «В дороге» и «Площадь пуста» впоследствии не включил ни в один свой поэтический сборник...

Косвенное подтверждение тому – похожие методы «конспирации» в его второй «южной ссылке» конца хрущёвской «оттепели». Только более «прозрачные»: 12 ноября 1965 года Владимир Радкевич был принят в редакцию Октябрьской районной газеты «Вперёд» на должность... шофёра. А в действительности блестящий поэт-сатирик работал корреспондентом.

Свидетельствует пермский прозаик член Союза писателей России Иван Петрович Гурин, в 1975–1990 годах прошлого века – редактор Чернушинской газеты «Маяк Приуралья»:

– Владимир Радкевич в 1965 году вынужден был уехать на юг области, в посёлок Октябрьский. «Ссылка» длилась всего 49 дней... Районная газета «Вперёд» с появлением поэта стала намного острее, злободневней. 9 декабря Владимир Радкевич под своей фамилией публикует басню «Лесная быль», в которой, следуя законам жанра, выводит под именем Волка, Лисы и других зверей начальника Ольховского лесопункта, председателя цехкома и секретаря парткома. Ниже басни редакция назвала истинные имена действующих лиц... Начальство взбеленилось. В лесопункте и в Щучье-Озёрском леспромхозе только и разговоров было о басне Радкевича. Ещё долго его басню читали в клубах Октябрьского района во время концертов[1].

И не только. Во второй половине 70-х годов прошлого века «Лесная быль» Радкевича дошагала и до города Чайковский. «Эту басню про Волка, Лису и Зайца слышала в исполнении чтецов художественной самодеятельности Дома культуры «Речники», – вспоминает Людмила Алексеевна Чиркова, в то время – повар теплохода-толкача ОТА–866, а ныне – инженер по содержанию здания Чайковского театра драмы и комедии...

Несмотря на независимый, своенравный характер, недюжинное творчество «первого поэта советского Прикамья» обойти вниманием было просто невозможно! Громкие салюты в его честь прогремели под занавес жизни – насыщенной, тревожной. И, к

сожалению, довольно короткой! В 1977 году Владимир Ильич Радкевич был награждён Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. В 1986 году удостоен звания «Заслуженный работник культуры РСФСР», а в 1987-м награждён орденом «Дружбы народов». Но главная ему награда – неувядающая благодарность широкого читателя, которую ёмко выразил поэт Фёдор Востриков:

Он жил взахлёб. И днём, и ночью
Себя в стихах сжигал дотла.
И проступали между строчек
Искринки света и тепла.
Его теплом, как отчим кровом,
Мы жили, веря и любя.
Добром и совестливым словом
Лечил он всех, но не себя...

В следующем, 2017 году Владимиру Ильичу Радкевичу исполнится 90 лет. И пришло время увековечить память о нём в нашем городе, назвав славным именем поэта городскую централизованную библиотечную систему.

2016 год

ВЫЗОВ БОГАМ*

(об экспромтах Владимира Радкевича)

Сегодня замечательному поэту Владимиру Радкевичу исполнилось бы 85 лет.

В нём боролись, как минимум, три начала. С одной стороны, он писал: «Ибо сила искусства – это вызов богам!» И доказывал своими стихотворными образами, что это так. С другой стороны, печатал стихи к красным дням календаря. Про Ленина, про Великий Октябрь, про 250-летие Перми или – в честь её миллионного жителя. Однажды Владимир Ильич (таково словосочетание его имени-отчества) забрёл в Пермское книжное издательство к Надежде Гашевой с очередной публикацией стихотворения-паровоза. Глянув, она слегка поморщилась:

– Ты бы лучше, Володя, стихи писал!

То есть – не такие, а настоящие, которые ему действительно удавались.

Помню, как в начале 80-х, приехав в Москву, я позвонил Радкевичу в Пермь, цитируя строки из его стихотворения «Я – с Урала», так подходящие случаю:

Я забывал в Москве,

* Краткие сведения об авторе:

ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕЛИКОВ — поэт, прозаик, публицист. Родился в 1958 в г. Чусовой Пермской области в семье служащих. Окончил Пермский университет (1980). Работал в газетах «Чусовской рабочий», «Молодая гвардия», членом редколлегии журнала «Юность» (1992-95), собкором газеты «Комсомольская правда» по Пермской обл. (1995-98). Собкор газеты «Трибуна» (с 1998). В редколлегии журнала «Дети Ра» с 2007 года.

Печатает стихи с 1975 года в газете «Металлург». Выпускал газету «Дети stronция» (1989—1991). Автор книг стихов: «Пuls птицы», 1998; «Прости, Леонардо!», 1990. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Юность», «Огонёк», «Дети Ра», «Зинзивер», антологии «Современная уральская поэзия». Член СЖ СССР (1985), Союза рос. писателей (1991). Лауреат премии имени П. П. Бажова (2007). Живёт в Перми. Журналист газеты «Звезда».

где день, где ночь.
Был старомоден,
словно фикус в кадке...

– Чрезмерно буен. До вина охоч, – не без удовольствия продолжил Владимир Ильич на том конце провода. – Имелись и другие недостатки.

И вот тут заявляет о своих правах его третье начало. Очевидно, чтобы взять реванш за «стихи к датам», Радкевич искрил экспромтами. Иногда это были посвящения друзьям, благодарности за человеческое к нему отношение, приют. Нередко – ядовитые стрелы в адрес сильных мира сего. Всякого рода начальников – обкома КПСС, облисполкома, милиции, культуры, торговли...

Один из дружеских экспромтов поэта я обнаружил на деревянной обшивке рабочего кабинета Леонарда Постникова в бытность его директором Чусовской детско-юношеской спортшколы олимпийского резерва «Огонёк»:

Жил в «Огоньке» я – было времечко,
Пока петух не клюнул в темечко!

А вот история, которая вывела меня на целый кладезь экспромтов Владимира Ильича. Врач Эмилия Толкунова (ухо-горло-нос), супруга известного в своё время главного пермского травматолога Валентина Толкунова, рассказала мне, как 24 мая 1979 года (Радкевич всегда ставил даты под экспромтами, поэтому время их создания и поводы вычислить легко – Ю. Б.) она услышала звонок к соседям. Настойчивый. Но их не было дома. Эмилия Леонидовна вышла на лестничную площадку. Стоит человек, плохо одетый. С портфелем, перевязанным верёвочкой. Бледный, на лице – пот. Бросилось в глаза: один носок есть, другого нет. А на улице холодно. «Надо бы его приветить», – подумала Эмилия Леонидовна.

– Может, у нас подождёте? – спросила она незнакомца. – Хотите чайку?

– С удовольствием!

Когда незнакомец попил чаю, то, поблагодарив хозяйку, спросил:

– А вы меня разве не знаете?

– Нет...

– Я – Владимир Радкевич.

– Правда?! — изумилась хозяйка. – Так я же вас люблю!..

Она достала с книжной полки сборник Радкевича «Избранное».

Автор – с растерянной улыбкой:

– Правда, вы меня любите?..

Толкунова раскрыла книжку на «Стихах о семейной жизни», где были строфы:

Я в этом доме — просто гость,
Гость у своей жены.
Кипела медленная злость
Под видом тишины...
Она рядила вкривь и вкось,
Всеми была судья.
А ночью, как собаке кость,
Бросала мне себя...

Эмилия Леонидовна чуть не расплакалась, так жалко стало ей этого человека. А он в благодарность за любовь и признание начал развязывать свой портфель с поломанным замком и извлекать из него какие-то антикварные книги.

– Я их принять не могу, – сказала хозяйка. – Вы уж отдайте их по назначению...

Тогда Владимир Ильич написал на развороте своего «Избранного»:

Эмилия! Дыханье спёрло,
Поскольку есть один вопрос:
Тебе доверю ухо, горло,
Но всё же не доверю нос.

Поэт дождался соседей Толкуновых. Это были его друзья – Юрий и Римма Рекки. «Вот смотрю на Юру Рекка: как похож на человека!», – зарифмовывал он. С Юрием Максимовичем, в дальнейшем проректором ПГУ, Радкевич был знаком ещё со времён учёбы на историко-филологическом факультете. Вместе играли в волейбол и баскетбол. Резались в шахматы. Спорили о Боге. Вот что стало результатом этих споров:

Ты, Юра, преуспел во многом.
Замечу, зная жизнь твою,
Что в шахматы играл ты с Богом,
Но матч закончился вничью.

Время от времени поэт оказывался в больнице. Звонил оттуда Реккам и говорил:

– Юрка, записывай!

И диктовал очередной экспромт. В 2007 году вышла в свет книга Радкевича «Вечность нас пригласила в гости», где собраны его стихи, переводы и эпиграммы. Однако тех эпиграмм, которые благодаря скрупулёзным записям Юрия Максимовича под телефонную диктовку Владимира Ильича и тому, что после смерти мужа они были бережно сохранены его супругой Риммой Александровной, в изданной книге нет. Тем ценнее эти находки.

– Когда Володе было тяжело, – вспоминает Римма Александровна, – он приходил к нам и частенько оставался ночевать. Мы старались его подкормить. Это был очень добрый, приветливый и коммуникабельный человек. От него всегда исходил какой-то свет. При этом – большой оригинал. Как-то приехал из Свердловска, где общался с композитором Родыгиным. Домой не попал. Пришёл к нам. Помылся в ванной. Вышел мокрый. Я протягиваю ему полотенце. Он – гордо: «Чужими полотенцами я не вытираюсь!» Я смеюсь: «А в чужой ванной ты моешься?» Я его очень уважала как поэта. Его, конечно, обижали. Может, оттого, что он по молодости писал много эпиграмм? И это как-то людей отталкивало?.. Но нам он изливал душу, и мы ему душу отдавали. Нередко было так. Звонит по телефону Володя. Трубку берёт Юра. Володя ему: «Ты – мужик! И ты не понимаешь тонкостей души. Дай мне Римму! Я с ней хочу поговорить...»

– Что он вам говорил?

– Что его не понимают. Не так воспринимают, как бы ему хотелось. Особенно – в культуре...

...На этом остановимся. Существует клише, что Владимир Радкевич — певец Прикамья. Но... Я почему-то думаю, что сам поэт этим клише втайне тяготился. Несмотря на обилие его стихов на уральско-краеведческую тематику. Не случайно его младший собрат и тонкий психолог Алексей Решетов посвятил Владимиру Радкевичу именно это стихотворение:

Мать поэта... Печальнее нету на свете
Никого: у других-то ведь дети как дети.
Но и сыну её не избежать страданья,

Ибо он отвечает за всё мирозданье.

Чувствуете, о какой ответственности говорил Решетов? И доказательством тому – недавно изданная отечественная антология «Свойства страсти», куда вошли стихи от Блока до Евтушенко. Но между Блоком и Евтушенко – Владимир Радкевич. Со «Стихами о семейной жизни». Теми самыми, которые цитировала врач Эмилия Толкунова. Которые поэт читал своим верным друзьям Юрию и Римме Реккам. Так что он сам доказал, что всяческие рамки ему тесны.

Два экспромта Владимира Радкевича

СЛОВО О ПОЛКУ ВСЕВОЛОДОВИЧА
(отрывок)

Нелепо ли ны бяше слово
Начать
с Бориса Коноплёва?
Давайте всё-таки не будем, –
Питая слабость
к умным людям.
Но Пермь
из состоянья дикого
Не вывезет ни он,
ни Быкова.

А чтоб уйти
от дня вчерашнего,
Чтоб, в общем,
побогаче жить,
Обком
животного домашнего
Рекомендует разводить.
Душа устала от уколов,
А злиться не хватает зла.
Ну что ж,
товарищ Козиолов,

Я заведу козиола...

Необходимый комментарий от редакции: Борис Всеволодович Коноплёв – первый секретарь Пермского обкома КПСС, Инна Павловна Быкова – секретарь по идеологии, Валентин Александрович Козиолов – секретарь, курировавший в обкоме промышленность.

СЛУГАМ НАРОДА

Домой идёте, отоварясь.
Нет, едете – машина ждёт.
Вы от народа оторвались,
Но всё-таки он есть, народ.
Вы мыслите
в масштабах века.
Душою не объять всего.
А помните про человека?
Про – каждого?
Про – одного?

Но вижу радостные лица я,
Когда, не ведая забот,
Проходит
пермская милиция
И очень весело поёт...

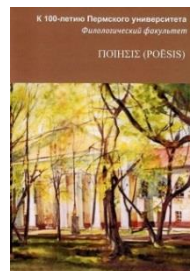
Звезда, 2012, 24 апреля

ВЕЧНОСТЬ НАС ПРИГЛАСИЛА В ГОСТИ*

Под таким названием в 2007 году в издательстве «Маматов» вышла в свет юбилейная книга стихов Владимира Радкевича (1927–1987), которого при жизни называли певцом Урала, продолжателем поэтического творчества Н. Куштума, В. Каменского, Б. Ручьева. О нем вспоминают друзья, писатели-собратья по перу, читатели. Отрывки из их писем или статей помещены в книге, в которой есть и большие подборки эпиграмм, переводов, фотографий знаменитого поэта в разные годы жизни. Мне посчастливилось быть редактором-составителем этой уникальной книги. Несколько строк из биографии поэта. Родился Владимир Ильич в городе Белом Смоленской области, в семье потомственных учителей. Родители поэта: Лидия Александровна и Илья Николаевич Радкевичи. В 1941 году с семьей эвакуирован в Башкирию. В 1949 году окончил историко-филологический факультет Пермского государственного университета. Работал инспектором областного отдела культуры, заведующим клубом, литсотрудником в газетах, корреспондентом областного Пермского радио. Печататься начал в 1947 году. Член Союза писателей СССР с

* Краткие сведения об авторе:

ФЁДОР СЕРГЕЕВИЧ ВОСТРИКОВ, поэт. Родился в крестьянской семье в 1942 году в Куйбышевской (ныне Самарская) области. Один из четырех детей. Вырос в деревне. В 1960 г. окончил школу. В 1962–1966 гг. учился в Куйбышевском культурно-просветительном училище, затем работал баянистом и заведующим клубом (1984–1986). В 1969 году приехал в г. Пермь, работал комендантом общежития трамвайно-троллейбусного проф-техучилища. Важным событием в поэтической судьбе было знакомство с Радкевичем, ставшим его учителем и другом. В 1969–1972 гг. прослушал курсы журналистики при Перм. госуниверситете. В 1984 г. принял на себя руководство литературной студией «Тропа» при Пермском Дворце творчества юных (бывший Дом пионеров). Публикуется с 1961 г. Член Союза писателей России (с 1993 г.). Лауреат Пушкинской премии. В стихах нашли отражение его жизнь, малая Родина, Пермь, Россия.

1957 года. За многолетнюю плодотворную литературную и общественную деятельность В. И. Радкевич награжден орденом Дружбы народов (1987 г.), Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. О творчестве поэта написано много рецензий, очерков, рефератов, воспоминаний и при жизни мастера и после его смерти. Конечно, у меня был огромный выбор публикаций о нем. И все-таки среди сотен корреспонденций я отдал предпочтение статье Л. И. Давыдычева, опубликованной еще 20 и 30 лет назад. Читатель вправе спросить: «А почему?». Ответ прост и ясен. Лев Иванович, как никто другой, показал поэта таким, каким он был в жизни: добрым, сердечным, отзывчивым, бунтующим, не терпящим лжи и фальши, порою гневным, но не злобным. Неустроенный в быту, он не завидовал более благополучным и всегда спешил на помощь другу, попавшему в беду, высоко ценил правдивое поэтическое слово. У Радкевича и Давыдычева в избытке было общего: писатели от природы мудры и талантливы, свято любили отчий край, его народную и классическую музыку, былинную древность и клокочуще-рабочую жизнь современного Урала. Бывшие выпускники одного университета и факультета, они крепко дружили, слушали и понимали друг друга, были веселы, остроумны и лиричны в застолье. Жили на улице Большевистской в одном доме, в одном подъезде. Да и теперь лежат рядышком на Южном кладбище города Перми... Но их прекрасные творения и по сей день волнуют и радуют сердца читателей не только Урала, но и всей России. А дальше, дорогие друзья, любители Пермской литературы, читайте статью-предисловие о Владимире Радкевиче его душевного друга писателя Л. И. Давыдычева.

Как-то осенью я вернулся из деревни. Машина была забита скопившимися там за лето вещами. На скамейке у дома сидел недавно вышедший из больницы Владимир Радкевич, постаревший, за последнее время, непривычно притихший. Едва увидев меня и торопливо поздоровавшись, он сразу ухватился за чемодан и тяжелый рюкзак. Не слушая моих возражений, двинулся к двери в подъезд. Владимир нелегко, с остановками поднялся на третий этаж, зашел в квартиру и тут же ушел. Когда я спускался обратно, он выглянул из своей квартиры на втором этаже и почти виноватым голосом сказал:

- Извини, больше не могу... нога вот болит...

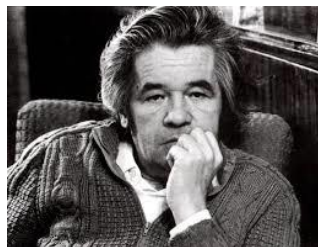
Мелкий вроде бы случай, но именно с него мне захотелось начать предисловие к юбилейной книге поэта Владимира Радкевича (в апреле 1977 года ему исполнилось пятьдесят лет). Вот такой он всегда: сначала спешит помочь в любом деле, в любой ситуации, а лишь затем становится ясно, чего ему эта помощь стоила. Сначала - помочь!

Только услышит, что кто-то в чем-то нуждается, и сразу, без промедления, бросается предлагать услуги, иногда и не очень

* Краткие сведения об авторе:

ЛЕВ ИВАНОВИЧ ДАВЫДЫЧЕВ, прозаик, детский писатель. Родился в 1927 году в городе Соликамске Пермской области. С 1939 года жил в Перми. В 1941-1945 году учился в нефтяном училище, в 1946-1952 годах – на историко-филологическом факультете Пермского гос. университета. Некоторое время поработал в электроразведке на Краснокамском нефтепромысле, затем в газетах, в Пермском книжном издательстве.

Неоднократно избирался ответственным секретарем Пермской областной писательской организации, был членом правления Союза писателей РСФСР. Член Союза писателей с 1956 года. Наиболее известные произведения - "Многотрудная, полная невзгод и опасностей жизнь Ивана Семенова, второклассника и второгодника", "Лелишна из третьего подъезда", "Руки вверх, или Враг номер один". Лауреат областной премии имени А. Гайдара. Скончался в 1988 году.

близкому человеку. В конечном итоге, неизбывная доброта и помогла ему стать далеко не заурядным поэтом. Его творчество – от первых до недавно написанных стихов - это сотворение добра людям, отдавание самого себя на беспощадный суд совести. Он готов впустить в сердце неисчислимое количество чужого горя, а о собственных бедах рассказывает только затем, чтобы предостеречь и утешить других. Поэзия Радкевича светла и сурова, нежна и строга. И все-таки главное его достоинство – доброта, сердечность, отзывчивость. Он может быть гневен, но никогда не бывает злобен. А жестоким он бывает только к себе. Лирик самой чистой пробы, Радкевич, когда случается необходимость, становится откровенно публицистичен, тогда его сердечная взволнованность естественна, перерастает в гражданственность, а личные заботы возвышаются до уровня общественных. Меня всегда поражало природное умение Радкевича привносить сердечность даже в праздничные газетные стихи. Уж как только не потешались фельетонисты и пародисты по поводу так называемых дежурных произведений для газет! Но я со всей ответственностью утверждаю, что ни в одной строке Радкевича – от напечатанных на первой полосе, от реклам для «Союзпечати» до самых сокровенных стихов – не найти и запаха равнодушия, ремесленничества. Он просто не может себе позволить, да и не умеет писать для души. Скорее всего, и сам того не сознавая, практически он стремится, чтобы любая строка стала фактом настоящей поэзии. Об этом ведь мечтал и Маяковский, когда работал над плакатами и рекламой. Бывали у Радкевича случаи, когда написанный им для какого-нибудь юбиляра адрес оказывался отличным стихотворением, которому находилось достойное место и в книге.

Поэзия – его работа, и в ней он признанный мастер. Трудящийся в литературе вот уже около тридцати лет, Радкевич не утратил юношески трепетного отношения к ней, способности удивляться его тайнам и возможностям. Свои новые стихи Радкевич может читать десять, а то и больше раз подряд. И это не от самовлюбленности (ей он переболел своевременно и довольно быстро) - это от обыкновенной рабочей радости: получилось! Как человек пишущий, он отличается редкой скромностью. Я мало встречал, кроме него, профессиональных литераторов, которые были

бы так неторопливы с опубликованием своих произведений. Мне известны случаи, когда редакции подолгу упрасивали Радкевича прислать новые стихи. А он до бесконечности читал их друзьям, на встречах с читателями, как бы проверяя каждое слово на прочность. Хриплым голосом отчеканивал поэт единственно точные и сильные строки, добытые в труде, за который расплачиваются только судьбой. Мне эта черта – бескорыстие творческого характера – необыкновенно симпатична: известно, что пробивная сила автора обратно пропорциональна талантливости. За неторопливостью Радкевича явственно видится наистрожайшее целомудренное отношение к поэзии, которое с годами у него не затухает, а обостряется. Вот и нет ничего удивительного в том, что творческая зрелость поэта согрета все той же юношеской трепетностью, какой отличались стихи его в молодости. Мудрость доброго сердца... Радкевич написал стихи о любви: «Зачем же так непоправимо сжигать себя в твоём огне? А ты опять проходишь мимо. Ты – вне меня. Но ты – во мне!». И заканчиваются: «И целый мир с собой уносишь, когда уходишь от меня». Я прочитал это в «Вечерней Перми», и так радостно стало за товарища. Все-таки пятьдесят лет скоро, и здоровье всюду лукавит, а ведь какие умные, грустные и добрые стихи! Даже не зная автора, можно понять, что написал их зрелый поэт, много переживший человек. Он верен слову и верит слову. Только потому оно и подвластно ему. Только потому рождаются стихи, легко западающие в любую отзывчивую душу. Именно поэтому Радкевич никогда и не нуждался ни в каких «поисках», все поэтические «моды» далеко обходили его. Если он и искал, то лишь самого себя, свой слог, свой образный мир. В трудной жизни своей (она только верхоглядям и недоброжелателям кажется приятенькой во всех отношениях) Радкевич знал и шумные успехи, и отнимающую силы, внушающую неуверенность хулу, и подчеркнутое безразличие, даже отрицание. Довелось слышать ему и самое подленькое: исписался, дескать. Всякое бывало. Поэзия требовала от него многого, и он отдавал ей все, на что был способен. Они, поэт и поэзия, не щадили друг друга и щадить не собираются. Читатели же часто забывают тот непреложный факт, что поэты – живые люди, со всеми человеческими слабостями, но забот у них несравненно больше, ибо они обладают обостренным

до болезненности восприятием жизни. Иначе стихов не напишешь. Порой за самыми светлыми стихами стоят годы изнурительной работы, еще более изнурительного безделья (не пишется!), полосы неудач. Если бы качество произведений зависело только от количества вложенного в них труда! Ах, сколько бы стало замечательных писателей! Но, увы, никто не гарантирован в литературе от неудач. Были они и у Радкевича. Иные он осознал быстро, об иных не хочет даже и подозревать до сих пор. Потому что он упрям и в своей правоте, и в своих заблуждениях. Уж если Радкевич упрется, переубедить его невозможно. И всегда ли - надо? Вот он любит наш уральский край, никогда не упустит случая подчеркнуть: «Я – с Урала». Много пишет об этом. Например, лучшие стихи о Каме принадлежат, по-моему, Радкевичу. И все же его «краеведческие» произведения (не считая отличных стихов на исторические и революционные темы) не самые сильные. Но сколько бы его ни упрекали в этой местной, что ли, ограниченности, поэт продолжал стоять на своем – воспевал уральский край. И лишь недавно я понял: пусть Радкевич не всегда прав, прав он будет потом, прав будет обязательно. Конечно же, напишет он замечательные стихи о любимом Урале. Ибо, чтобы выразить большую любовь и чтобы стихи долго жили, требуются большой труд и время. Время... До чего же быстро летит оно! Мог ли я тридцать лет назад, с удовольствием распевая любимую тогда в университете песню «Ива» (мелодия будущего геолога Володи Балалаева), предполагать, что когда-нибудь накануне своего пятидесятилетия буду писать предисловие к юбилейному сборнику известного уральского поэта?

Летит, летит время... Мысль банальная, но банальность не освобождает ее от жестокости. В суматохе дней, хотя два в неделю из них выходные, не всяк горазд ощущать, что из мелькающих суток складываются годы и, в конечном счете, жизнь. Может, поэтому она и проходит так быстро, что состоит из бесконечно малых величин - дней?

Но поэтическая жизнь длиннее и насыщеннее физического существования. Поэт живет как бы дважды. Один раз – обычно, как все, второй – в созданных им стихах. Причем эта, вторая, жизнь куда напряженнее и опаснее первой. Писание иных стихов чем-то схоже с

операцией на собственном сердце, только без наркоза. Вчитайтесь у Радкевича в «Стихи о семейной жизни». В них за каждым словом – еще не зарубцевавшаяся рана. Есть строки, не перешедшие в крик лишь потому, что написаны словно сквозь стиснутые зубы. Боже упаси, как говорится, принять эти стихи за сугубо личные. Настоящий поэт никогда не напишет о том, что волнует его одного. Такого казуса с ним просто быть не может. И надо иметь большую силу духа, неисчерпаемый запас мужества, чтобы желать и уметь своей бедой предупредить других, многих. Здесь нет никаких полутонов, стихи не рассчитаны на то, чтобы их произносили «на ушко», иначе бы их стали распевать на манер «жестоких» романсов. Но такие не запоешь, над ними надолго и горько задумаешься и узнаешь: если о подобном можно поведать откровенно и вслух, значит, поэт не жалуется, а утверждает, что если он вынес горе, то и все могут. От стремления понять и принять человеческие боли и помочь людям преодолеть их трудно живут хорошие поэты.

А сколько раз вздрогнет сердце, когда читаешь и перечитываешь «Студенты 41-го года», «Россию», «Исход», «Балладу о родном доме», «Для сына я - сильнее всех на свете» и многие другие!

Какие сложные драматические судьбы оживают в стихах «Трактористка», «В утренней электричке», «Орехи», «В клубе сегодня танцы».

Самые суровые стихи Радкевича не содержат ни грана безысходности или уныния: по природе своей он жизнелюб, как многие уральцы – от Василия Каменского до Бориса Ручьева (который очень любил стихи Радкевича и собирался об этом написать). Нет, нет, жизнелюбие не от убежденности, что бытие наше – приятная и легкая штука, а от счастья «быть живым, живым и только, живым и только, до конца» (Б. Пастернак).

Пятьдесят лет – возраст, когда с почти математической точностью можно определить, какие произведения выдержали испытание временем. У Радкевича их – много. Наверное, никому не объяснить, почему тот или иной человек становится писателем, художником, композитором. Иногда встречаются внешне правдоподобные ответы, но на поверку они оказываются лишь

удачными совпадениями, которые легко укладываются в заранее придуманную схему. Даже когда утверждают, что этот стал композитором потому, что родился в музыкальной семье, то и сие – недостаточное объяснение. Не все композиторы родились в музыкальных семьях, и не все, в них родившиеся, стали композиторами. Недаром по отношению к таланту пользуются таким расплывчатым определением «искра божья».

Можно, правда, обнаружить, что же питает талант, помогает ему вызреть. Коротко говоря, сама жизнь, все ее обстоятельства. Они-то и способствуют формированию личности и основы ее – характера. Иногда несколько часов жизни влияют на этот процесс сильнее, чем целые годы. Посему внешние факты биографии мало что объясняют. Хотя Владимир Радкевич весь пермский, уральский, родился он на Смоленщине. Родители были учителями. Потом семья переехала в Ржев. Здесь Володя пошел в школу, а в начале войны оказался с матерью в Башкирии. После окончания средней школы он поступил на историко-филологический факультет Пермского университета. Учился он хорошо, был именованным стипендиатом, много занимался спортом (волейбол и шахматы), еще больше времени отдавал стихам. Они быстро разносились среди студентов и даже проникали в город. Нам, конечно, больше всего нравились эпиграммы на преподавателей.

Первая книга вышла в 1951 году в Перми. Стихи Радкевича нравились многим, но не на всех он производил впечатление серьезного человека, и, скорее всего, потому, что и не пытался им выглядеть. Однажды его житейские огрехи были даже суммированы в газетной статье, где высказывалась неуверенность в будущем молодого поэта. Не стоило бы об этом вспоминать, тем более в данном – юбилейном случае, но надо. Речь идет не о требовании всепрощения творческому человеку, а о поверхностном, искаженном взгляде на труд поэта. В самом деле, кто знает, какой ценой дается создание произведения?

Недаром как-то у Радкевича вырвалось: «В наш век чернить поэзию не смейте, она во всем пред будущим чиста, она с людьми в бесславье и в бессмертье, и в этом цель ее и правота».

Зная его много лет, я давно уразумел несоответствие между внешней стороной жизни поэта и внутренней. Внешне все просто, все понятно, он словно нарочно – гусей подразнить – дает поводы для толков и кривотолков, а внутри рождаются стихи, которые с каждым годом становятся все чеканнее, умнее, все больше волнуют. Вот почему – подойдешь к книжным полкам, подумаешь, подумаешь, и рука произвольно тянется к стихам Радкевича. Никто ведь не заставлял меня учить их наизусть, а – помнится, живут уже не только в поэте, но и во мне, читателе.

Выше я говорил, что не определить, почему человек становится поэтом. Но можно иногда проследить, откуда приходят те или иные стихи.

Году в 1964-м он писал: «И все-таки мы в смерть родных не верим...» (удивительные стихи!). Через два года рука его вывела стихи, уже тогда прозвучавшие как предчувствие: «Ты подожди меня, мама родная, ты не гаси своего огонька».

Отчетливо помню, как что-то изменилось в Радкевиче после января 1967 года, когда умерла его мама. Сердце сына отозвалось щемящим острой болью признанием «Без мамы я жить не умею...», кажущаяся простота и правда которого могут надолго лишить покоя. И сколько же надо пережить, чтобы написать: «Как страшно ветра голосили на проводах белого дня! Как будто частица России навеки ушла от меня».

Стихи естественны и как бы произвольны, словно дыхание. И это присутствует во всех лучших произведениях Радкевича. А ведь сколь долго зрели в поэте тема матери и тема Родины, чтобы слиться воедино...

Я старался как можно меньше цитировать поэта. Стихи его перед вами. Читайте.

Л. И. Давыдычев, писатель

Продолжает Востриков:

Праздник рождения книги «Вечность нас пригласила в гости» состоялся в одном из книжных магазинов Перми. Юные поэты из литературной студии «Тропа», которой я руковожу больше четверти века, взволнованно читали стихи Владимира Ильича, а также свои,

посвященные маэстро. В тот юбилейный 2007 год мы с «Тропой» провели ряд литературных встреч в библиотеках, в клубах, в школах и дворцах города и области. Выступали по краевому радио и телевидению. Звенел и дышал Пермский край стихами незабвенного учителя и творителя поэтического слова Владимира Радкевича. В дар слушатели получали большой календарь, наполненный стихами и фотографиями юбиляра, высокопрофессионально оформленный и выпущенный все тем же издательством «Маматов». Дарили и диски с записью живого голоса поэта, и его друзей писателей. В 2011 - 2012 гг. уже к 85-летию поэта немало мы провели афишных литературных встреч в городском Дворце детского (юношеского) творчества и в Пермском Союзе писателей. Встречались с вдовой поэта Зоей Ивановной, с дочерьми Лидией и Людмилой, с внуком Владимиром, с журналистами Т. Черновой и Я. Камаловым, с художниками М. Тарасовой, В. Зыряновым и Е. Широковым – друзьями поэта. И все отмечали высокий лиризм, душевность, народность и напевность его стихов. Не зря же профессиональные композиторы Е. Радыгин и Н. Макаров, И. Шустов и Г. Пономаренко, а также наши пермские Г. Терпиловский и А. Трухин, М. Камский и Г. Нессен и многие другие писали оратории, кантаты, песни и романсы на стихи Радкевича. А исполняли их не только самодеятельные артисты, но и певцы оперного театра и государственные хоры России: Уральский, Волжский, Оренбургский, Северный, хор Всесоюзного радио. Выпускались пластинки, диски, альбомы. В студенческие годы он постоянно выезжал в командах волейболистов и шахматистов на универсиады и спартакиады. Отстаивал спортивную честь родного университета. А из факультетских аудиторий звучали его стихи под баянно-гитарные перезвоны на мелодии университетских друзей. Любила и гордилась своим поэтом студенческая братия. Став зрелым и признанным мастером, он искренно и бескорыстно словом и делом помогал молодым литераторам, если видел в них зернышко таланта. Брал под свою опеку А. Решетова и В. Болотова, Б. Бурьилова и Н. Чебыкину. Благодарен ему, что не забывал и меня. По-отечески, как старший товарищ, советовал быть требовательным к себе, а значит – много читать и учиться у поэтов-классиков и современников культуре слова, большой любви к природе и человеку, к Отечеству. Его

самоотверженная неуспокоенность поражала всех. Если несправедливость перехлестывала границы, он бросал свои неотложные дела и грудью шел на защиту обиженных и оскорбленных. Он, например, буквально вытащил из тюрьмы Гену Краснослободцева, писавшего отличные стихи и осужденного «на отсидку» за тунеядство. Помню Генины слезы, когда мы с Радкевичем встречали его у ворот узилища – он уже успел отсидеть три месяца и вкусить тюремной «прелести». Или еще пример: прослышав о невинно посаженных за решетку молодых учителях, начинающих литераторах, берет меня с собой и – мы летим на «кукурузнике» в Чермоз. Авторитет Радкевича был так велик, что он добивается досрочного освобождения ребят. А потом способствует публикации их произведений в ежегодном сборнике «Молодой человек». Когда у меня умерла мама, я не успевал на похороны. На самолет невозможно было достать билет. Я никогда не донимал никакими просьбами Радкевича, но тут святая необходимость. Обратился к нему. Не говоря ни слова, он прилип к телефону. Через Дом Советов, через Николая Ивановича Корсакова у меня в кармане был билет. Я успел. На могиле мамы читал стихи В. Радкевича: «Без мамы я жить не умею, но черную яму насыть...».

Человеком великой доброты и порядочности был Владимир Ильич. Да, бывал и суров, и неуправляем, и жесток. Но это тогда, когда на жизненном пути встречались мерзавцы, пышущие ядом, завистники, бездарные и склочные, мешающие честным людям работать и жить. От них-то и защищал и спасал нас поэт. Но за это великодушные мелкотравчатые борзописцы в своих подленьких статейках пытались грызть даже самого Радкевича. А грызли за «датские» стихи, то есть стихи, написанные к праздничным датам. Неужели они не понимали, а может, не хотели понимать: чтобы написать стихи по заказу к праздничным датам, надо быть очень талантливым человеком, каким был Радкевич? Он и в заказные стихи вдыхал тепло, сердечность – очеловечивал их, и стихи звучали выразительно, ярко, цветасто!..

Думается, что мне, как редактору-составителю, удалось показать Радкевича и как публициста, как пронзительного лирика, как поэта-песенника, мастера эпиграммы, блистательного переводчика. А

переводил он на русский язык с татарского, киргизского, башкирского, удмуртского, коми-пермяцкого, немецкого, латышского. Очарован был его переводом народный поэт Латвии Хари Хейслер. В знак благодарности он приглашает Владимира Ильича в Ригу. Радкевич принимает приглашение. Очень плодотворной была поездка. Появляются у него цикл стихов о Латвии и, конечно, новые переводы на русский язык Хари Хейслера и многочисленных его друзей поэтов Зиедониса, Чаклайса, Стулпана и других. Погружаясь в составительство книги, я все больше восхищался глубинно-земным и романтично-космическим творчеством Радкевича и его высокой работоспособностью. Восхищался сам и восхищал своих юных пиитов «Тропы». На стихах Радкевича мы учились, и продолжает учиться молодое поколение талантливых девчонок и мальчишек Пермского края. Над книгой работалось легко и вдохновенно. Основные трудности были с финансированием. Власть упорно отказывала в помощи. По совету издателя Ильдара Маматова я обратился к ветеранам, помнящим и ценящим Радкевича. Особое рвение проявили Николай Иванович Корсаков – известный многим в советские годы заведующий отделом культуры обкома КПСС – и бывший первый секретарь обкома КПСС, человек-легенда Борис Всеволодович Коноплев, которые читали и сердечно любили творчество Радкевича, а некоторые его стихи читали на память. Я утверждаю. Потому что сам слышал неоднократно. Они-то и сумели организовать помощь меценатов. Ах, как не хватает таких мудрых и прекрасных людей в администрации нашей губернии! Низкий им поклон от любителей поэзии.

Дочь поэта Лидия продолжает разговор об отце и его эпиграммах: «В 1987 году, во время известной россиянам перестройки, в модном тогда журнале “Крокодил” была объявлена рубрика “Трусцой на Парнас”, куда можно было посылать эпиграммы на различные темы. Владимир Ильич очень любил шутку, и в 60 лет он сохранил ту же юношескую неуспокоенность, искрометность и юмор. Он решил второй раз попытаться “выбиться в люди” под моей фамилией (по мужу – Комарова). Я была студенткой второго курса экономического факультета ПГУ. За пятнадцать минут напечатав по памяти два листа эпиграмм, он отослал их в журнал. Но ответ был

суров: “Как так, ты, студентка, можешь писать эпиграммы на именитых людей”. Что же, Владимир Ильич не растерялся. Он сказал: “Эти эпиграммы в Москве по рукам ходят. Я же знаю”. И снова подготовил тексты, но уже с экскурсом в историю эпиграммы, упомянув о “жестких эпиграммах Пушкина”. А далее, ничуть не смутясь, отправил еще и свои свежие, сочиненные при перепечатке. Через несколько дней Владимира Ильича не стало... Но жизнь продолжается. Из “Крокодила” приходит ответ: мол, мы не можем напечатать Ваша эпиграммы, так как люди, о которых идет в них речь, занимают высокие посты. И далее выражалась надежда на дальнейшее сотрудничество. Через некоторое время вижу в том же журнале эпиграмму под своей фамилией. А в следующем номере – другую. А потом пришли гонорары, равные моей стипендии. Затем диплом “Крокодила” за лучшие эпиграммы. А в 1991 году прислали брошюру избранных эпиграмм, где в предисловии сказано, что еще в 1987 году студентка 2 курса университета из города Перми писала острейшие строки о “перестройке”:

Один министр – поборник празднословия
Был снят по состоянию здоровья.
Когда такой больной поста лишается,
Здоровье у народа улучшается.

Вспоминалось о разном, в том числе и экспромт Владимира Ильича, сочиненный на моей свадьбе:

В жизни есть прекрасные дары,
Она не будет для тебя сурова.
Тебя кусать не будут комары,
Поскольку и сама ты - Комарова.

Эпиграммы Владимира Ильича - это легенда, это не просто молниеносная искрометная шутка, но и критика, и оружие поэта».

Лидия Радкевич, дочь

Из писем и воспоминаний о В. И. Радкевиче

«...Это не витиеватая фраза, а заботливое пожелание твоего старого товарища, желающего чтобы ты и твои друзья заботливее относились к твоему незаурядному дарованию, принадлежащему не

только тебе, но и всем читающим тебя и желающим читать как можно дольше. Как можно дольше и с нарастающим год от года интересом к твоему росту, к твоей творческой неуспокоенности совершенствования мастерства...»

Евгений Пермяк, писатель, Москва, 1977 год

«...Какое ни возьми стихотворение В. Радкевича, любое будто светится неизбывной любовью к родной земле, которая имеет “магнитное притяжение” для всех, кто на ней живет... И мы благодарны поэту, который будит в нас эти святые чувства, без которых наша жизнь была бы беднее, а значит, менее нужной времени, Отчизне...»

В. Кирсанов, читатель, Днепропетровск, 1977 год

«Прочел вашу книгу от корочки до корочки – с большим наслаждением. Замечательно “нашенская” поэзия, поэзия глубоких и тонких чувств и переживаний, поэзия наичеловечнейшая, наируская и впечатляющая! Спасибо!...»

Михаил Чумаков, композитор, член Союза композиторов СССР,
Руководитель государственного Волжского народного хора, Самара,
1979 год

«...Стихи В. Радкевича о преемственности поколений, о доброте и справедливости, которые впитаны с молоком наших матерей. Это - тот свет, на который мы идем в борьбе во имя счастья всех детей планеты. И здесь поэт вновь расширяет горизонты своего видения, нераздельно связывает свое творчество с заботами всего народа, всего человечества».

Николай Вагнер, писатель, Пермь, 1984 год

«...Действительно, только теперь мы начинаем понимать истинный масштаб этого замечательного уральского поэта, посвятившего столько прекрасных стихов Прикамью, Перми, их истории, лучшим людям. Увы, есенинские строки “Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии” долго будут звучать укором нам, живым, при воспоминании о Владимире Радкевиче».

Михаил Смородинов, писатель, Пермь, 1987 год

«Пермский поэт Владимир Радкевич, пожалуй, даже слишком подчеркнуто дает понять читателям, что он поэт сугубо уральский. Почти все, о чем он пишет, Радкевич как бы соотносит со своим Уралом. Важнейшие нравственные ценности у него имеют уральскую марку. Уральское мужество, уральское трудолюбие, уральское гостеприимство, уральская нежность – эти и подобные им определения во множестве рассыпаны по стихам Радкевича, своеобразным именно тем, что местный колорит не приземлил их, а дал им крылья для высокого полета, сделал их нужными и понятными далеко за пределами Урала».

Николай Старшинов, писатель, Москва, 1982 год

«...Как Камский мост, вобравший в себя пространство и время, так и Радкевич пролег мостом между поэтическими поколениями. Он встречался с В. Каменским и Б. Ручьевым, близко знал многих выдающихся поэтов нашего времени, учился у них. А молодые поэты-земляки окрепли, поднялись на крыло при его дружеском участии. Многому можно учиться у Радкевича. Его пристальному вниманию к истории России и Урала. Раскройте любую книгу поэта, и вы обязательно найдете там великолепные стихи о давних временах...»

Иван Ежиков, журналист, Пермь, 1987 год

«Дорогой Володя! Годы уходят, годы облетают, как листья с дерева, оставляя после себя почку нового листа и зародыша в корне. На дереве уральской поэзии столько много тобой возвращенных талантов, что голоса их заглушат горечь прожитых лет, и свет их глаз высветит всю прелесть осени, возбудит новые силы в душе для весны, цветения и стихов!..»

Виктор Астафьев, писатель, Вологда, 1977 год

«...Урал, его цветы, реки и горы, на которых теперь прибавилось седины, – нерукотворный памятник поэту. Бажов, Ручьев, Радкевич – вот незабвенные имена наших любимых писателей, учителей, наших друзей, непритворных и бесценных. И у

многих писателей, знавших Радкевича, копятыся и зреют в душе строки об этом удивительном человеке, истинная значимость которого становится для каждого из нас тем яснее, чем дальше уходят печаль и дата».

Алексей Решетов, писатель, Пермь, 1987 год

«...Владимир Ильич, на мой взгляд, первый настоящий лирический поэт по своей природной сущности на нашей Пермской земле. Поэты, бывшие до него, не менее профессиональны, но они не имели столь ярко выраженной особенности лириков: их стихи по направлению и по жанру были эпосом, были пейзажной, повествовательной, изобразительной, но отнюдь не медитативной лирикой, что так присуще В. Радкевичу. Медитативная лирика – это особый талант. Нет его – ничего не поделаешь...»

Герман Митягин, критик, г. Оса, 1997 год

«Газетную прозу Владимира Радкевича, как и стихи, узнаешь и без подписи. Его заметки, зарисовки отличаются от других легким слогом, поэтической образностью, отсутствием избитых фраз. (В. Радкевич в 1965 году вынужден был уехать на юг области в поселок Октябрьский. “Ссылка” длилась всего 49 дней). Районная газета “Вперед” с появлением поэта стала намного острее, злободневней. 9 декабря В. Радкевич под своей фамилией публикует басню “Лесная быль”, в которой, следуя законам жанра, выводит под именем Волка, Лисы и других зверей начальника Ольховского лесопункта, председателя цехкома и секретаря парткома. Ниже басни редакция назвала истинные имена действующих лиц. Начальство взбеленилось. В лесопункте и в Щучье-Озерском леспромхозе только и разговоров было о басне Радкевича. Еще долго его басню читали в клубах Октябрьского района во время концертов...»

Иван Гурин, писатель, Пермь, 2003 год

«...В 70-е и 80-е годы в жизни и творчестве Владимира Радкевича начался, на мой взгляд, наиболее плодотворный, успешный период. Это пришла пора зрелости, когда глаз поэта, много повидавший и плохого и хорошего, становится по-особенному

зорким, пронизательным. Стихи Радкевича стали печататься не только в Перми, но и в столичных изданиях...»

Николай Гашев, журналист, Пермь, 2006 год

«Он был всегда желанный гость в нашем доме. Приходил. Читал новые стихи. У нашего телевизора сгорел кинескоп. Телевизор был подарен Александру Николаевичу Спешилову, моему отцу, пермскому писателю, на 60-летие в 1959 году Союзом писателей СССР. А телевизоры в то время были редкостью. Все соседи ходили к нам смотреть кино. А тут – проблема! Куда только не обращался папа – все без толку. Говорят: “Ничем помочь не можем”. Но вот однажды к нам заглянул Радкевич: “Вы почему телевизор не смотрите? Там передача интересная начинается!” Услышав грустный ответ, он развернулся и ушел. Где уж он ходил. Кому что смог веское сказать. Но на другой день он внес к нам громадную коробку с кинескопом, к великому изумлению всего нашего семейства. И еще тридцать лет телевизор служил верой и правдой».

Из воспоминаний Е. А. Спешиловой, краеведа и журналиста, Пермь, 2006 год

«Призываю читателей перелистать страницы книги и прочесть. Сколько найдете сокровенных строк, которыми, словно августовское небо звездами, усеяна книга. “Синим светом над озерами...”, “Метель”, “Букирев”, “Студенты 41 года” – не перечислить всех стихов, собранных в юбилейной книге, словно в драгоценной шкатулке, наполненной добротой, нежностью и тихим светом первозданной поэзии».

Н. Студиницын, учитель, Пермь, 2007 год

«А потом меня пригласили сначала в Ленинский райком партии, потом в городской комитет партии, а потом в отдел культуры обкома партии. Все получалось очень странно, что ли. Допустим, в отдел культуры обкома партии меня пристроил Владимир Ильич Радкевич, светлой памяти его. Каким образом пристроил? Была выставка в выставочном зале на Комсомольском проспекте, он уже функционировал, бывший, кстати, обувной магазин. Тогда

отвоевывали это здание для проведения всероссийской выставки книжной графики, чтобы нам где-то принять участников выставки, нам сделали выставочный зал. Там была выставка московских художников, просто знакомилась с экспозицией, ходила, смотрела. Мы у одной из работ столкнулись с Корсаковым Николаем Ивановичем, в то время заведующий культурой обкома партии, и Владимиром Ильичем Радкевичем. Он, глядя на меня (он вообще-то человек свободный был, у него не было границ и шор на глазах), говорит, обращаясь к Николаю Ивановичу: «А чего ты на работу-то ее к себе не берешь? Давно уже пора!» Представьте состояние, земля разверзлась и меня поглотила, меня здесь не было, я этого не слышала, мне было ужасно стыдно. Но через какое-то время меня пригласили на беседу и пригласили туда на работу.

В. И. Радкевича вспоминают чаще и как автора острых эпиграмм, а мне запомнилось, как он приходил к нам в кабинет, доставал из портфеля папку со стихами, читал пронзительную лирику, от которой подступали слезы».

Лисовенко Лидия Алексеевна, исполнительный директор фонда поддержки и развития Пермского театра оперы и балета «Жемчужина Урала», г. Пермь, 2011, 2013 г.

«Проезжаешь через Камский мост – сразу в голову приходят стихи В. Радкевича:

Встаньте, люди! Прильните к окнам:

Начинается Камский мост!..

Какие великолепные и чудные слова вложены в эти строки талантливым поэтом! Часто думаю, что про мост, наверное, это единственное такой силы стихотворение, вообще. Меня всегда поражала мощь природного таланта и простоты В. Радкевича!»

Я. Камалов, журналист, Пермь, 2013 год

Востриков Ф. Памяти Радкевича: стихи

I

О, как он землю чтит и воспевал!

Болел Землей, когда она болела.

В стихах и Кама яростно кипела,
И клокотал мартенами Урал.

С его людьми, заводами, тайгой
Дремучей, но возвышенной, как слово,
С легендами и сказами Бажова,
С ручьевской негибимой строкой.

За совесть, за добро негодовал,
Неистово грома приспособленцев.
Инфарктами израненное сердце
В пылу борьбы позабывал.

Забыть не мог на свете одного:
Когда в беде оказывались други.
Он поднимал в верхах такие вьюги,
Что выручит и черта самого.

Он уверял - не верить не могли, -
Что в мире сложном от чужой отравы
Его спасут языческие травы,
Но травы, к сожалению, не смогли.

II

Он умер. А снится живой.
Шагает ромашковым полем,
Точнее, парит над землей! –
В глазах ни грустинки, ни боли.

Такая в глазах глубина,
Такая раздольная удаль,
Что родина ясно видна
От Камы до камня Полюда!

Как в жизни, спросил он во сне,
А может, и чуточку строже:

«Ты что ж не приходишь ко мне?
Совсем на тебя непохоже!»

Но как в оправданье, скорбя,
Какими ответить словами?..
Поэт, мы зарыли тебя,
В жестокой оставили яме.

С июньских мучительных дней
Глаза виноватые прячем.
Приходим к могиле твоей –
Хмельные и трезвые плачем.

«...Пожалуй, не рождала Пермская земля такой силы и пронзительности поэта, как Радкевич. Надо было видеть, как он радовался, когда произведения пермских писателей появлялись в столичных изданиях. Полдня он мог звонить в городские, областные газеты с восклицанием и восторгами: «Поздравьте Михаила Голубкова с прекрасными рассказами в журнале “Наш современник”, поздравьте Мишу Смородинова с проникновенной подборкой стихов в журнале “Смена”, в рубрике “Знай наших”, сделайте это, пожалуйста». Это мог только Радкевич искренне радоваться чужим успехам. Литературную Пермь узнали и признали в столичном граде через поэзию Радкевича. Не зря его пригласил в журнал «Новый мир» сам Александр Трифонович Твардовский! Потом будут публикации в журналах «Москва», «Огонек», «Наш современник», «Юность», в газетах «Правда» и «Литературная Россия». А в 1982 году тридцатитысячным тиражом выходит в Москве отдельная книга поэта «Уральская лирика» с предисловием Н. Старшинова. В 1983 году в издательстве «Детская литература» издается антология «Двенадцать дорог», где представлен большой подборкой стихов Радкевич. А в 1984 году в издательстве «Молодая гвардия» – альманах «Мы все за шар земной в ответе» из поэзии 80-х годов. В нем представлены поэты от К. Симонова, Р. Рождественского, А. Вознесенского до С. Куняева, В. Фирсова. А открывает этот альманах – наш В. Радкевич! Продолжать можно долго. Думаю, что А. Т. Твардовскому, Я. В. Смелякову, Е. А. Пермяку, Ю. В. Друниной, Н. К. Старшинову, С. Д.

Давыдову полюбились стихи поэта-пермяка своей незаемной неуспокоенностью, необыкновенной тягой к свету, к торжеству жизни и, конечно, покорили добротой, взволнованностью, романтикой и молодостью. Уже тогда в молодом даровании просматривались черты характера поэта-борца, поэта-защитника и ратоборца за Урал, за святую Русь! Поэт стихи не придумывал, не изобретал, не высасывал из пальца. Он переживал стихи, переживал как радость и горе, как любовь и ненависть, как смерть и жизнь. Этому нельзя научить. Такой незаурядный талант – от Бога».

Пермь, 2002-2013 гг.

И в завершении – хрестоматийное стихотворение Владимира Ильича Радкевича.

Вечность нас пригласила в гости,
Млечной пылью в глаза пыля...

Но надежды свои и горести
Возложила на нас Земля...
На поэзию опереться
Ей придется не раз в пути,
Чтобы выжить, в рассветах греться,
Чтобы нас же - от нас спасти.
И природы живые лики,
Человечности добрый свет
Всей душевною силой лирики
Ты не раз защищал, поэт!
Не уходит летучим дымом
Все, что в строчках заключено:
Ни друзьям твоим, ни любимым
В них состариться не дано.

1985 год

Из сборника Ποίησις (Poësis). Страницы биографий поэтов выпускников филологического факультета Пермского университета. Пермь, 2014.

ЮЖНАЯ «ССЫЛКА» РАДКЕВИЧА*

Осенью 1965 года Владимир Радкевич – работник областного управления культуры - по настоянию начальства вынужден был уехать на юг области, в поселок Октябрьский. Причину «ссылки» нужно было искать в независимом, своевольном характере поэта, к тому же многих раздражали его получившие широкие хождения эпиграммы, которые Радкевич писал на лиц партийной и советской номенклатуры. И зачитывал им по телефону.

Так Владимир Ильич Радкевич стал сотрудником районной газеты «Вперед». Наш корреспондент встретился с людьми, которые работали с поэтом, изучил подшивки газеты за 1965 год. Владимир Радкевич был принят в редакцию газеты «Вперед» 12 ноября 1965 года на должность... шофера. Редактор газеты Александр Дмитриев представил сотрудникам газеты нового работника. О том, как это было, вспоминает бывший корректор Прасковья Змеева: «Помню, в комнату зашли редактор и темноволосый, смуглый мужчина среднего роста. На нем были свитер крупной вязки, красные шаровары и белые валенки. Редактор Александр Павлович сказал нам: «Познакомьтесь, это пермский поэт Владимир Ильич Радкевич. Он какое-то время будет работать у нас».

* Краткие сведения об авторе:

ГУРИН ИВАН ПЕТРОВИЧ, русский писатель, прозаик, член Союза писателей России (с 2000 г.). Родился в 1940 г. в селе Шарынино Уинского (ныне – Ординского) района Пермской обл., в семье служащего третьим ребенком. Первая публикация относится к 1958 г. После демобилизации из армии в 1964 г. поступил учиться в Уральский госуниверситет, на факультет журналистики. Занимался в городском литературном клубе им. М. М. Пилипенко, печатался в свердловских газетах.

Получив диплом в 1968 г., работал в газетах Свердловской и Пермской областей. Почти 15 лет был редактором чернушинской газеты «Маяк Приуралья» и 15 лет являлся собкором краевой газеты «Звезда». С 1999 г. организовал и ежегодно проводит литературные «Шарынинские чтения», в которых принимают участие писатели края. Живёт в г. Перми.

Бутафорский наряд Радкевича – красные шаровары и белые валенки – был, наверное, своеобразным вызовом тем, кто сослал его в глушь. Далее Прасковья Андреевна вспоминает: «В закутке редакции стояли два стола. За одним я вычитывала газетные полосы, за другой сел Радкевич. Со мной он не разговаривал, только иногда спрашивал, как писать название той или иной деревни. Работал он много. Часто ездил в командировки. Много писал. Когда я не спешила, то посматривала на него и видела, что кроме статей для редакции он в небольших блокнотиках что-то писал. Наверное, стихи. Возможно, в каких-то стихах поэта есть строки и о жизни в небольшом заснеженном поселке. Поглядывая на него, я видела, как он задумчиво смотрит на стену и лицо его тогда было печальным. Он тосковал. Радкевич часто выходил в коридор и курил. К нему подходили еще курильщики, и тогда в коридоре раздавался хохот...»

Любопытно то, что еще до выхода приказа о приеме на работу Владимира Радкевича в газете за 11 ноября было напечатано его стихотворение «Куда глядит милиция». В «Субботней странице» за 13 ноября появилось стихотворение Владимира Радкевича «Чехов на Каме». Интересно, что в сборнике «Избранное» (Пермь, 1977 г.) это стихотворение поэтом датировано 1976 годом. Поэт возвращался к нему, дорабатывал строчки, отдельные слова заменял на более точные.

20 ноября в газете, целиком посвященной делегатам 33-й комсомольской районной конференции, опубликован поэтический репортаж Владимира Радкевича. По духу он – лирический, без политической трескотни.

В этом же номере опубликована зарисовка Радкевича «Счастливые судьбы». Он так пишет о доярке Любе Меркурьевой: «А еще нравится Любе петь. И не то, чтобы голос у нее был какой-то сверхвыдающийся, просто, когда хорошую песню поешь, душа навстречу счастью раскрывается».

Газетную прозу Владимира Радкевича, как и стихи, узнаешь и без подписи. Его заметки, зарисовки отличаются от других легким слогом, поэтической образностью, отсутствием избитых фраз. И вообще газета с появлением в редакции поэта стала немного острее, злободневней. Почти в каждом номере появляются критические стихи

под рубрикой «Колючие строчки». Публикуются они без подписи автора. В том же «комсомольском» номере, в уголке сатиры, поэт критикует открывшееся кафе нефтяников «Бригантина», которое стало «кораблем для выпивох»:

На столах – закуски, вина,
Мрачен вид нетрезвых рыл,
Ох, качает «Бригантину»
Без руля и без ветрил!

Права бывший корректор Прасковья Змеева в том, что в стихах Радкевича должны быть строчки о сторонущке, куда забросила его судьба. Здесь, по-моему, им написано стихотворение «Крестьянские дети» – о школьниках, которые поэту встретились в пути. Завершается это стихотворение словами: «Крестьянские дети и внуки, не ваша ли тяга к науке рвала притяженье Земли!» Эти стихи, похоже, опубликованы только в октябрьской газете. Впрочем, стихами Радкевич не злоупотреблял, не перенасыщал ими газету. А его колючие строчки на местные темы вызывали большой общественный резонанс. О них всюду говорили, бракоделы, прогульщики, бюрократы боялись попасть в поле зрения поэта. А если попадались, от стыда готовы были провалиться сквозь землю. 7 декабря Радкевич подверг критике начальника отдела Сарсинского завода Халяпова в фельетоне «Воевода из ЖКО», который не обращал внимания на жалобы людей. «Я занят! – отвечал им начальник. – На шее моей – весь завод». Фельетон Радкевич заканчивает словами: «Коль скоро не будет конца «чудесам», то, видимо, ясно для всякого: завод – он ведь может держаться и сам... без помощи шеи Халяпова!»

Из номера в номер все острее и острее становятся его сатирические произведения. 9 декабря Владимир Радкевич под своей фамилией публикует басню «Лесная быль». Начинается она с того, что Зайчишка решил «мотоцикл купить, давненько начал денешки копить». И «на очередь он первым записался». А когда мотоциклы поступили в лес, Заяц «наш подпрыгнул до небес и побежал вприпрыжку – взять сберкнижку».

Но жадный Волк решил надуть Зайчишку,
Зубами щелкнул и подумал:
– Ишь,

Какому-то Косому – новый «Иж»!
По пням, по кочкам
будет гнать без толку,
Волк, между прочим,
был с Лисой знаком –
Лисица возглавляла
их цехком!..

Короче, мотоцикл Зайцу не достался, и стал он, бедолага, искать управу на Волка. Но не нашел. Басню поэт заканчивает так: «Мораль? Нет, Волку не прочли мораль... А жаль».

Ниже басни редакция дала комментарий и назвала истинные имена действующих лиц: и начальника Ольховского лесопункта, и председателя цехкома, и секретаря парткома. Опубликована и такая приписка: «Просим извинения у передового тракториста Владимира Джежоры, что, следуя законам басенного жанра, вывели его под именем Зайца. Думаем, что тов. Джежора на нас не обидится». Тракторист, конечно, не обиделся, а вот начальство взбеленилось. В лесопункте и в Щучье-Озерском леспромхозе все, как говорится, стояли на ушах. Только и разговоров было о басне Радкевича. Еще долго басню поэта читали в клубах Октябрьского района во время концертов. В редакции стали раздаваться анонимные звонки: ругали «писак», грозили расправой...

Владимир Радкевич за короткий отрезок времени оказал большое влияние на общественную и духовную жизнь района. Его стихи, сатирические миниатюры, басни, фельетоны будоражили умы людей. Приезжая в поселки и деревни, он заходил в клубы, школы, интересовался пиущей братией. В первой половине декабря Владимир Радкевич заглянул в поселок Ненастье, где жил Иван Абрамов. В альманахе «Школьный огонек» Радкевича подкупило поэтическое творчество ребят. В газете «Вперед» (18 декабря) появилась «Литературная страница», полностью посвященная «Школьному альманаху». Владимир Ильич опубликовал в ней стихи юных поэтов, а также свою статью «Огонек ребячьих сердец».

Ярким событием в Октябрьском стал вечер поэзии, в котором приняли участие Владимир Радкевич и местный поэт Иван Абрамов. Пришли на него и сотрудники редакции газеты, в том числе корректор

Прасковья Змеева. «Я была поражена, – вспоминает Прасковья Андреевна, – когда увидела на вечере Владимира Радкевича. Он был одет в превосходный черный костюм, белую рубашку. Это был совсем другой человек...» Радкевич и Абрамов сидели в президиуме. В кратком вступительном слове Владимир Радкевич сказал о значении поэзии, что она нужна каждому человеку так, «как веточка сирени в космосе». После доклада, сделанного учительницей средней школы А. Кондрашовой, свои стихи читали Владимир Радкевич и Иван Абрамов. Об этом событии газета «Вперед» рассказала 21 декабря.

И снова – суровые будни, в которых Радкевич-сатирик, по моему, раскрылся в газете во всем блеске. Многие его сатирические миниатюры не потеряли актуальности и сейчас. Цитирую несколько строк из общепитовского фельетона «О том, что нам не по душе в Тюше». Сначала поэт восхищается меню: «...А в нем – гуляш, рагу, омлеты, оладьи, каши, беляши, пельмени, блинчики, котлеты, ну, что угодно для души!» Однако когда к раздатчице подходят бедолаги, чтоб взять заказанный обед, на кухне этих блюд не оказывается. «Меню написано пером, но вырубает топором, да, вырубает на корню все впечатление от меню. Что делать? За наличные берем, что есть в наличии». Здесь же он высмеивает мастеров по котлетам: «Есть у них свои секреты, приходите к ним опять: говорят, они в котлеты будут... мяса добавлять». Интересны его миниатюры о торговых точках. Они написаны с присущей ему словесной виртуозностью:

Работать нужно лучше!
Увидит и слепой
Все эти штучки Щучье
Озерского сельпо.

Его сатирический прессинг в адрес нерадивых работников, партийных, советских, профсоюзных бюрократов все усиливается. Число начальников, недовольных им, растёт. Местные чинуши полны желания избавиться от «несносного поэта»... С их стороны видно было давление на редактора. К этой мысли приходишь потому, что, во-первых, при подведении итогов литературного конкурса, проводимого среди сотрудников газеты, были обойдены вниманием его публикации. Басня «Лесная быль» явно тянула на первое место.

Однако победителем конкурса он не стал. А ведь у Радкевича кроме этой басни опубликованы еще блестящие фельетоны, сатирические миниатюры, которым не было цены. Во-вторых, «шофера» Радкевича уволили с работы без какой-либо формулировки. Из приказа N 1, изданного редактором 1 января 1966 года, не понятно, по собственному желанию уволен из редакции поэт или по ее инициативе.

«Ссылка» Владимира Радкевича длилась всего 49 дней. В ней он проявил себя как блестящий поэт-сатирик, как замечательный гражданин своей страны.

Звезда, 2003, 13 июня

СТИХОТВОРНЫЕ ЭКСПРОМТЫ ВЛАДИМИРА РАДКЕВИЧА*

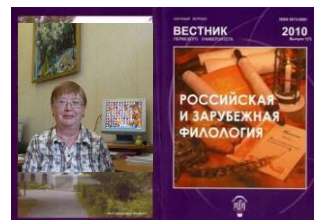
«Радкевич Владимир Ильич (24.04.1927, г. Белый Смоленской обл. – 07.06.1987, Пермь), поэт, создавший в своем творчестве одически возвышенный образ Прикамья» – так определяется итог творчества когда-то популярнейшего пермского литератора в начале XXI в. [Маргиналы 2004: 303].

В неофициальной памяти и все чаще с годами в мемуарах людей, знавших В. И. Радкевича, вспоминается и другая, не менее популярная, составляющая его творчества – многочисленные экспромты, своеобразная поэтическая мозаика, запечатлевшая эпизоды культурной жизни провинции, мир интересов и пристрастий пермского литератора с середины 1950-х до первых «перестроечных» лет. Эти стихи В. И. Радкевича хранятся в памяти его друзей и поклонников, появляются в статьях к очередному юбилею поэта; несколько текстов опубликовано в разделе «Эпиграммы» в сборнике 2007 г. [Радкевич 2007: 295-306].

Стихи «на случай», по воспоминаниям, «как бы выпархивали из-под его пера, а многие он и вообще не записывал» [Смородинов 2000: 4]. Это стихотворные экспромты, обращенные к сыну и дочери, друзьям, знакомым. В них обыгрываются воспитательная ситуация («Тебе, Сережа, стыд и срам: / Ты много плачешь по утрам» [цит. по: Мишланова 1995:13]), новообетенная фамилия новобрачной («В жизни есть прекрасные дары, / Она не будет для тебя сурова. / Тебя кусать не будут комары, / Поскольку и сама ты - Комарова» [Радкевич 2007: 305]), увлечения друга Ю. М. Рекки («Ты, Юра, преуспел во многом. / Замечу, зная жизнь твою, / Что в шахматы

* Краткие сведения об авторе:

ВЕРА ЕВГЕНЬЕВНА КАЙГОРОВОДА, кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Окончила Пермский государственный университет по специальности «Филолог. Преподаватель русского языка и литературы». Живет в Перми.

играл ты с Богом, / Но матч закончился вничью» [цит. по: Беликов 2012:4]), профессия собеседницы-отоларинголога Э. Л. Толкуновой («Эмилия! Дыханье спёрло, / Поскольку есть один вопрос: / Тебе доверю ухо, горло, / Но всё же не доверю нос» [там же]). На стене кабинета директора школы олимпийского резерва «Огонёк» Л. Д. Постникова до сих пор сохранился экспромт: «Жил в “Огоньке” я - было времечко, / Пока петух не клюнул в темечко!» [там же].

Первый поэт советского Прикамья был и автором не предназначенных для печати стихов, в которых он предстает и смелым обличителем провинциальной партийной элиты, и остроумным комментатором общесоюзных литературных событий, нелицеприятно высказывающимся о признанных авторитетах.

К экспромтам В. И. Радкевича применимо определение эпиграммы: это короткие сатирические стихотворения, направленные против конкретного лица или общественного явления с характерным динамичным развитием темы и неожиданной острой концовкой, подчеркиванием, заострением осуждаемых черт объекта. «Как во всякой сатире, в эпиграмме, за небольшими исключениями, отчетливо отражается общественно-политическая позиция автора, его симпатии и антипатии» [Мануйлов 1958: 6].

Сохранившиеся эпиграммы разнообразны по тональности. Творчество В. И. Радкевича высоко ценили Ярослав Смеляков, Борис Ручьев, Николай Старшинов. Пермский поэт был популярен, особенно в шестидесятые годы, в столичных литературных кругах. Так, хлебосольный, гостеприимный ленинградец Виссарион Саянов «часто оказывался объектом дружеских шаржей и эпиграмм» [Хренков 1975: 128]. Одна из них принадлежит перу В. И. Радкевича: «Встретил я Саянова, / Трезвого, не пьяного. / Трезвого? Не пьяного? / Значит, не Саянова!» [Радкевич 2007: 299]. Текст свидетельствует и о знакомстве автора с популярной устной эпиграмматикой, являясь вариантом знаменитой эпиграммы на популярного артиста МХАТа Б. Н. Ливанова.

Поводы для сатирических высказываний В. И. Радкевича конкретны, чаще связаны с новинками литературы, кругом чтения советской интеллигенции. Это стихотворные экспромты, «рассчитанные на устную аудиторию, хорошо знавшую и адресата

эпиграммы, и участников литературной полемики, и ее общественно-идеологический контекст» [Мушина 1998: 5]. Не раз используется характерный прием комментирования текста, вынесенного в эпитаф, как в эпиграмме на критика, автора обзорных статей о современной поэзии Ал. Михайлова. Цитата из статьи в популярном ежегоднике «Поэзия - 76» об «отставании» современной поэзии от времени становится основанием эпиграмматического портрета: «Жужжит он, как веретено / Все сеть плетет для эпохального! / Глядь-поглядь, опять полно / Корытце критика Михайлова. / С прутковской важностью угрюмою, / Словес блудливых прародитель, / Твердит: «Мне думается», «Думаю» / И всем понятно: он мыслитель!» [Радкевич 2007: 301]. В ироническом отклике на публикацию мемуаров «Люди и странствия. Воспоминания и встречи» (1962) Л. В. Никулина (1891-1967) потенциальные читатели книги обозначены как «России верные сыны»: «Он вспоминать не устает. / И все, что вспомнит, издает. / И это все читать должны / «России верные сыны!»» [там же]. В 1952 г. за этот роман Л. В. Никулину была присуждена Сталинская премия, и упоминание текста становится указанием адресата эпиграммы. На обыгрывании созвучия имен основан отклик на публикацию в издательстве «Художественная литература» в 1971-1973 гг. пятитомного собрания сочинений Н. М. Грибачева (1910-1992): «Я труды твои отведал, / Прочитал твои тома, / Вижу, ты не Грибоедов, / Горе здесь. Но нет ума» [там же].

В. И. Радкевич реагирует на литературные эпиграммы, выражающие тенденции времени. В 1962 г. «Юность» опубликовала для «будущих исследователей» юмористическую «Малую энциклопедию», объективно обозначившую единство и популярность поколения «шестидесятников»: «Энциклопедия журнала / Поведает о «стариках», / Что, не смыкая глаз, бывало, / Качали «Юность» на руках» [Малая энциклопедия «Юности» 1962: 11]. Эпиграмма на Евгения Евтушенко констатировала официальное признание включенности его в историю литературы: «То бьют его статьею строгой, / То хвалят двести раз в году, / А он идет своей дорогой, / И бронзовеет на ходу» [там же: 23]. Реакцией на эпиграмму стало стихотворение В. И. Радкевича 1962 г. «Модный писатель». Переключка финалов недвусмысленно указывает на

адресата: «Пророк, провидец, свысока / Не говорит, а изрекает, / Слова из чрева извлекает, / Как пятаки из кошелька / И не сегодня, и не завтра / Он не поймет свою беду: / Идет походкой динозавра / И – вымирает на ходу» [Радкевич 1964: 62-63].

Новое состояние литератора, недавно бывшего «хорошим парнем», расценивается как начало конца искреннего художника. Развитием полемики стало написанное в том же году одно из самых популярных стихотворений В. И. Радкевича «О молодости»: «Молодость сочтя за преимущество, / Только ей, как божеству, кадим, / Надобно особенное мужество, / Чтоб не оставаться молодым» [там же: 3]. В разных вариантах оно, как выражение творческого кредо, будет включаться во все сборники поэта.

Для своего времени высказывания В. И. Радкевича были острыми, небезопасными для их автора. Показательно, что эпиграмма-портрет С. В. Михалкова в связи с его награждением четвертым орденом Ленина (1983): «Он гений по трудам и блатам, / Наградам, званьям нет конца, / И каждый орден – как заплата / На бедном рубище певца» [Радкевич 2007: 300] – опубликована и в наши дни без указания адресата. Включенная в сборник 2007 г., она стала ироническим портретом среднестатистического «генерала-классика».

Читая эпиграммы В. И. Радкевича, можно проследить смену культурных приоритетов общества. Общий для времен «застоя» и первых «перестроечных» лет интерес к телевидению выражается в появлении пародий на героев популярных передач. Не раз адресатом эпиграмм становится ведущий популярной развлекательной программы «Вокруг смеха» (1878-1990) поэт-пародист А. А. Иванов. Ему посвящены «маленькие фельетоны», небольшие стихотворения «в виде диалогической сценки или бытовой картинки пародийно-насмешливого характера. Отправной точкой «маленького фельетона» служит конкретный жизненный факт, о котором часто сообщается в эпиграфе. Данный факт в стихах часто переосмысливается, утрируется, и в то же время мы чувствуем отношение к нему автора, если не открытое, то подспудное» [Васильев 2000: 24]. Примером «маленького фельетона» является «Дискуссия между попугаем и пародистом А. Ивановым»,

представляющая собой монолог ведущего, завершающийся утверждением: «Я не дурак. А попугай - кретин. / Не верите? Спросите у Хазанова» [Радкевич 2007: 302]. Грубовато пародируется допущенная Ивановым вульгарность: «Я буду в «М» ходить до самой смерти, / Хотя меня и посылают в «Ж» (А. Иванов). Стилизуя особенности лексики оригинала, В. И. Радкевич развивает монолог, ставший эпиграфом пародии: «Дорожка пародиста глаже скатерти, / Успех порой пьянит сильнее вина. / Вот и сейчас - качусь к такой-то матери, / Хотя меня и посылают – НА» [там же].

Пародическое цитирование строк классиков – один из любимых приемов В. И. Радкевича. В откликах на участие актера М. Боярского в шоу «Музыкальный ринг» (1984-1990) используются цитаты из известных пушкинских эпиграмм. «К портрету Чаадаева» (1820): «Он носит волею небес / Мундир то мушкетерский, то гусарский / Он в Риме был бы Брут, в Афинах – Периклес. / А здесь он – Миша, недоросль Боярский». На М. С. Воронцова (1824): «Полу-актер, полу-певец, / Полу-пижонство, полу-чувства / На «Ринге» стало явным наконец, / Что здесь в нокауте – искусство!» [там же: 303].

Мемуаристы, характеризуя общественные взгляды поэта, неоднократно говорят, что он не был диссидентом. Сохранившиеся политические эпиграммы В. И. Радкевича немногочисленны. Но, как и большинство интеллигентов «кухонного периода», он высказывался на актуальные лично для него темы. Декларация Маяковского «у советских собственная гордость» обыгрывается в «Оде ядерным взрывам в Пермской области»: «Давно мы привыкли: козь надо, так надо! / И к ядерным взрывам привыкнем отныне, / Хоть, в общем-то, Пермь – не пустыня Невада, / И нам далеко до атолла Бикини / Мы взрывами всякими будем гордиться – / В народном хозяйстве нам все пригодится!» [там же: 298].

В. И. Радкевич, в свое время с отличием защитивший в университете диплом о сатире В. Маяковского, обращался к ее образности неоднократно, особенно в годы «перестройки». Осенью 1985 г. в стране было создано Всесоюзное добровольное общество борьбы за трезвость, что сразу породило множество анекдотов, эпиграмм. Реакция В. И. Радкевича оформлена с использованием знаменитого назидательного текста для детей: «Такой, товарищ, век

пришел, / Такая пришла эпоха, / Что трезвому очень у нас хорошо, / А пьянице – очень плохо» [цит. по: Чернова 1997: 2]. Председателем Пермского областного общества трезвости был избран ректор медицинского института Е. А. Вагнер, вскоре после этого побывавший в редкой в те годы заграничной командировке. Факты эти послужили темой экспромта: «Профессор Вагнер побывал в Шри-Ланке, / Беседовал с премудрыми людьми. / Он всю Шри-Ланку отучил от пьянки, / Но трезвых не прибавилось в Перми» [Радкевич 2007: 297]. Воспроизводимая автором в разных аудиториях эпиграмма бытовала в нескольких вариантах: менялся ее пуант, героем которого становился не абстрактный «народ», но друзья и знакомые поэта.

Как и многие современники, В. И. Радкевич воспринимает «перестроечные» процессы с надеждой на обновление общества. Отставку на Пятом съезде кинематографистов С. Ф. Бондарчука (1920-1994) он увидел как освобождение от авторитарности, официоза. Воплощением этих черт представляется поэту экранизация «Бориса Годунова» (1986), в которой в полном составе снялась многочисленная семья режиссера. Цитата из пушкинского монолога Бориса становится резюме эпиграммы: «Немало лет он царствовал спокойно, / Но вел себя при этом непристойно: / Все роли в фильме роздал приближенным, / А в том числе и двум любимым женам. / Поэтому, ища пути иного, / Вся Русь восстала против Годунова. / Ведь истина по-пушкински проста: / “Да, жалок тот, в ком совесть нечиста!”» [там же: 303].

В 1987 г., незадолго до кончины, В. И. Радкевич отправляет в журнал «Крокодил» две страницы эпиграмм. Уже несколько лет шестидесятилетний литератор, ранее признаваемый первым поэтом Прикамья, пребывает в творческом кризисе, почти не пишет и не публикует стихов. Восприятие происходящего в стране как реализацию принципов свободного высказывания пробуждает в нем желание следовать общей тенденции: обнародовать написанное ранее «в стол», без надежды на публикацию. Это и выражение стремления принять в процессах обновления личное участие. Эпиграммы, появившиеся в рубрике «Трусцой на Парнас! Читательский сатирический турнир» рядом со стихами инженера из Миасса, председателя ОСВОДа города Рогачева, московского

искусствоведа, рабочих, служащих, бухгалтеров, написаны с ироническим использованием советских идеологических штампов, образности Маяковского: «Один министр – поборник празднословия - / Был снят по состоянию здоровья, / Когда такой «больной» поста лишается, / Здоровье у народа улучшается» [Комарова 1987: 13]. Как и другие участники конкурса, поэт озабочен несоответствием декларируемых либеральных лозунгов и их практического воплощения: «Любой начпупс с трибун не первый год / За перестройку нас зовет бороться. / Но перестройка в ведомствах идет / С отрывом, так сказать, от производства!» [Радкевич 2007: 297]. Стоит отметить известную осторожность автора: эпиграммы он предлагает журналу от имени другого лица – дочери-студентки, снимает конкретную адресацию самых острых текстов.

Представляется, что самое интересное, оригинальное в экспромтах, эпиграммах В. И. Радкевича – мозаика культурной жизни провинции, активным участником которой поэт был всегда. С годами тексты требуют комментария, утрачивают остроту и в то же время остаются памятником эпохи, ее своеобразным дневником, деталью портрета талантливого человека.

Есть стихи и комплиментарного свойства. Выражение добрых чувств к артистам пермских театров нередко включает окрашенные легкой иронией аллюзии на классические тексты. Это баллада А. С. Пушкина в стихах Виктору Саитову (1941-2007), обыгрывающих исполнение актером роли М. В. Фрунзе в фильмах «Большая – малая война» (1980), «Огненные дороги» (1984), «Борющийся Туркестан» (1984): «В кино – ведь как оно бывает – / Героя часто убивают. / А я видал Саитова, / Живого, не убитого» [Радкевич 2007: 296]. Лермонтовские строки вплетены в посвящение «Звездам пермских театров», народным артисткам СССР, примам оперы и драмы К. К. Кудряшовой (1925-2012) и Л. В. Мосоловой (1918-1996): «Все-таки талант всему основа, / Входит космос в театральный быт. / Кудряшова спорит с Мосоловой – / И звезда с звездой говорит» [Радкевич 2007: 296].

Чаще всего, что естественно, В. И. Радкевич обращается к собратям-литераторам. Совет начинающему журналисту Никите Чернову: «Мы жить могли куда б получше, / Но каждый в чем-то

бестолков. / А жизнь, в отличие от поэзии, / Не признает черновиков» [Легенды о Владимире Радкевиче]. Достаточно жесткая характеристика несовпадения пафоса текстов и морального облика местного автора: «Любимая моя! / тебя в стихах / Всегда одну / и целовал, и миловал / Потом повел / на половецкий шлях / И там тебя / в канаве изнасиловал» [цит. по: Смородинов 2000: 4].

Многочисленные стихотворные экспромты связаны с регулярно проводившимися, ныне забытыми «Днями советской литературы в Прикамье», когда В. И. Радкевич, самый популярный поэт Перми, приветствует от имени родного края гостя, многолетнего ответственного секретаря Кировской писательской организации О. М. Любовикова, обыгрывая его редкое имя: «И по-камски, и по-вятски, / По-соседски и по-братски, / Любя, а не завидуя, / Встречаем мы Овидия» [Радкевич 2007: 299].

В обращении к писателю с Алтая В. Н. Попову, автору «производственной» прозы, подчеркивается близость хозяевам праздника тематики его книг: «Уральский читатель сдружился с Поповым, / В общее – думы, заботы, дела / Чтоб стать вдохновенным писательским словом, / Рабочая тема всей жизни была!» [Радкевич 2007: 299]. Романтичен портрет Юлии Друниной, гостьи «Дней» в 1978 г.: «Хранят поэзии страницы / И боль потерь, и труд войны – / И дальней юности зарницы / В ее глазах отражены» [там же].

Постоянный идеологический контроль, ситуации, связанные с особенностями партийного руководства печатью, продвижением книг были хорошо знакомы журналисту В. И. Радкевичу. Типична отсылающая к «Стихам о советском паспорте» сцена из жизни друга, И. Ф. Садриева, заведовавшего в 1976-1989 гг. в областной газете «Звезда» отделом сатиры, материалы которого подвергались особо жесткой правке: «Глазами добрыми дядю выев, / Идет к редактору Садриев» [Радкевич 2007: 297].

В списках ходил и хранится до сих пор в личных архивах перепев «Слова о полку Игоре» – коллективный портрет пермского чиновничества начала 1980-х во главе с легендарным «царем Борисом» Б. В. Коноплевым «Слово о полку Всеволодовича». Эпиграммы В. И. Радкевича – своеобразное дополнение этой поэмы, характеристики отдельных колоритных персонажей и ситуаций. Л. А.

Соляник, ведущая солистка Пермского академического театра оперы и балета имени П. И. Чайковского, народная артистка РСФСР, была депутатом городского и областного советов, на заседаниях которых активно поддерживала предложения И. П. Быковой, секретаря по идеологии Пермского обкома КПСС, что породило экспромт, адресованный единомышленницам: «Между двух партийных няnek / Воспиталася Соляник. / Вот ведь как бывает: / Инна Быкова поет - / Соляник подпеваает!» [Радкевич 2007: 296]. Память коллег-журналистов сохранила и тексты игривого свойства. «Местную номенклатуру, вплоть до секретарей обкома, Радкевич одарил эпиграммами разной степени стервозности, так сказать, «в зависимости от заслуг».

Об одной, которая про себя говорила, что она не женщина, а партийный работник, Володя выдал такой «перл»: «Я обкомов не боюсь. / На партдамоchке женюсь. / Буду щупать сиськи я / Самые марксистские» [Смородинов 2000: 4].

Эпиграммы были формой серьезного диалога с друзьями-земляками: за иронией в них прочитываются моменты самоопределения, как, например, в комментарии «Портрета поэта В. Радкевича» (1978) работы Е. Н. Широкова. В. И. Радкевич изображен в духе «сурового стиля» на монументальном крупноформатном полотне. Фоном написанной крупными мазками в экспрессивных свинцово-синих и багрово-красных тонах фигуры служат диагональ бульжной мостовой, темная северная река и, на дальнем плане, бетонный пролет моста, закрывающего горизонт. Картина производит сложное, тревожное впечатление. «Одним из яростных пророков / Изобразил меня Широков. / Измазал синей, красной краской. / Я на себя смотрю с опаской» [Радкевич 2007: 299]. В реакции поэта соединяются ирония и удивление неожиданной для него масштабностью, драматичностью трактовки оригинала.

В. И. Радкевич и детский писатель Л. И. Давыдычев (1927-1988) были близкими друзьями, ходившими друг к другу в гости «в тапочках, благо жили рядом» [Биккель 2001: 11]. В диалоге этих известных острословов есть и полемика об образе жизни, характерном для каждого. Нередкое состояние В. И. Радкевича запечатлел Л. И. Давыдычев: «Лежит поэт, судьбой сражен, / Сквозь

косточки пророс бурьян. / Все думают, что умер он, / А он на самом деле пьян» [цит. по: Биккель 2001:11]. В ответной эпиграмме грубовато-демонстративно утверждается свобода от официоза, с которым много лет была связана деятельность Л. И. Давыдычева, руководителя пермской писательской организации, по долгу службы постоянно контактировавшего с партийными идеологами, работавшего под их непосредственным руководством, «ходившего в бурках», по определению поэта: «Мы все живем – единым домом. / О Левочка, умерь свой пыл. / Ходил ты в бурках по обкомам, / А я в уборную ходил» [Радкевич 2007: 297].

Показателен шуточный диалог с поэтом Г. Ф. Семеновым, редактором «Спутника «Крокодила», сатирического журнала пермского моторного завода, по поводу стихотворения «Сад декабристов». В. И. Радкевич «разместил» липовую рощу в Разгуляе, которую, по преданию, сажали «те, с кем дружен был Пестель и близок Рылеев» [цит. по: Красноперов 2001:148], на берегу Камы, на месте сквера имени Ф. М. Решетникова, в пермском обиходе, «Козьего загона». Г. Ф. Семенов написал по этому поводу: «Володька Радкевич в дерзаннях неистов. / Такое спроворить сумел только он. / Воспел он всемирно, как Сад Декабристов, / Любимый пьянчугами “Козий загон”» [цит. по: Смородинов 2000: 4]. В. И. Радкевич парировал: «Ну, дорогой товарищ мой Семенов! / Ты безнадежно пал в моих глазах. / Козлу везде мерещатся загоны. / Орел парит свободно в облаках» [там же]. В признании фактической ошибки содержится и утверждение права свободной интерпретации поэтом явлений действительности, фантазии, способности «парить в облаках».

Шутливая полемика с друзьями читается сегодня как утверждение В. И. Радкевичем своего особого места в кругу земляков-художников, как стремление дополнить портрет официального певца Урала и Камы чертами стихийного таланта, склонного к импровизации, свободного от многих догм времени. Именно таким остался В. И. Радкевич в неофициальной пермской литературной истории.

Примечание

Статья подготовлена в рамках проекта №0-58П Программы стратегического развития ПГГПУ.

Список литературы

Беликов Ю. Вызов богам // Звезда (газ.). 2012. 24 апр. С.4.

Биккель Л. Верните детям Ивана Семенова! // Аргументы и Факты. Прикамье (газ.) 2001. 4 июля. С.11.

Радкевич В. И. Вечность нас пригласила в гости: Стихи. Пермь: ООО «Маматов», 2007. 352 с.

Васильев В. Белый взгляд на эпиграмму // Русская эпиграмма. М.: Худож. лит., 2000. С.5-26.

Гурин И. Южная «ссылка» Радкевича // Звезда (газ.). 2003. 13 июня. С. 8.

Комарова Л. «Один министр – поборник празднословья...»// Крокодил. 1987. № 21. С.13.

Красноперов Д. А. Правда и вымысел некоторых пермских мифов // Страницы прошлого: Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Вып. третий. Пермь, 2001. С.144-148.

Легенды о Владимире Радкевиче. URL: <http://vetta.tv/news/city/18921> (дата обращения:12.11.2014).

Малая энциклопедия «Юности» // Юность. 1962. № 10. С.11-85.

Мануйлов В. Предисловие // Русская эпиграмма (XVIII-XIX вв.). Л.: Сов. писатель, 1958. С.5-32.

Маргиналы: Уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы. Челябинск; Пермь: Изд. дом «Фонд «Галерея» , 2004. 218 с.

Мишланова Л. Неизвестный Радкевич. «Лежу на кровати и песни горланю...» // Звезда (газ.).1995. 10 ноября. С.13.

Мушина И. «На копьях эпиграммы острой» // Русская эпиграмма XVIII-XIX вв. М.: Сов. Россия, 1988. С.3-18.

Радкевич В.И. Под звездами. Лирика. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1964. 80 с.

Радкевич Л. Воспоминания об отце // *Радкевич В.И.* Вечность нас пригласила в гости: Стихи. Пермь: ООО «Маматов», 2007. С. 204-206.

Смородинов М. Был болен тем, чем вся земля больна // Звезда (газ.). 2000. 11 февр. С. 4.

Хренков Д.Т. Виссарион Саянов: путь поэта. Л., 1975. 279 с.

Чернова Т. Неизвестный Радкевич // Вечерняя Пермь (газ.).1997. 29 апр. С.2.

Вестник Пермского университета.
Российская и зарубежная филология, 2015, Вып. 1.

«МОЙ МЁРТВЫЙ ДРУГ, НАЛЕЙ-КА МНЕ ВИНА...»*

(Забутые имена: Предисловие к Радкевичу)

Владимир Ильич Радкевич всегда был очень часто называемым и уважаемым, но не всегда понимаемым поэтом в нашем крае. О нём много писали и говорили, но всё как-то походя, вроде как не всерьёз. Говорили и хорошее, и плохое, хорошее больше. Говорили в стихах и в прозе. Вот характерное стихотворение Фёдора Вострикова:

Он жил взахлёб. И днём и ночью
Себя сжигал в стихах дотла.
И проступали между строчек
Искринки света и тепла.
Его теплом, как отчим кровом,
Мы жили, веря и любя.
Добром и совестливым словом
Лечил он всех, но не себя...
За честь, за жизненную повесть
И за тебя родной Урал,
Поэт Радкевич – наша совесть –
До капли душу расплескал.

* Краткие сведения об авторе:

герман иванович митягин, поэт и литературовед из г. Оса. Родился в 1934 году в поселке Верхнечусовские Городки Чусовского района Пермского края (тогда Молотовской обл.), в семье служащих. В конце 1970-х годов с женой и двумя сыновьями, по долгу службы, переезжает в город Оса. Стихи печатаются в районных и областных газетах. Литературно-критические статьи публиковались в творческом выпуске "Лукоморье" областной газеты "Звезда", в районной газете.

Защищал пермских поэтов и писателей от недопонимания, от временного забвения... Изданы поэтические сборники "У Камы я живу" (1999 г.), "Учи, река, нас тихому добру" (2005 г.), "Душа населения" (Оса, 2008). Литературоведческие работы: "Простая колесница" (Оса, 1999), "Своё прочтение шедевра" (Оса, 2005), "Провинциальный монолог": [литературоведческая эссеистика] (Оса, 2008) и роман "Двенадцать апостолов" (Оса, 2007).

Но до сих пор вокруг судачат,
Что, мол, себя не уберёг.
Эх, люди, люди, жить иначе
Он, к сожалению, не мог.

Хорошие стихи! Верю, что писал их человек от души.

Но «сжигать себя «дотла» – не совсем творческая ситуация: подлинное творчество делается по другим принципам. Здесь крепости на ура не берутся для того, чтобы «проступали» «искринки света и добра». Писатели чаще всего «сгорают» в неписательских ситуациях, а в бытовых, практических, нетворческих обстоятельствах. Писатель Лев Давыдычев, друг поэта, сосед по месту жительства в предисловии к книге стихов Радкевича «Избранное», озаглавленное «Доброе сердце поэта», пишет: «Как-то осенью я вернулся из деревни. Машина была забита скопившимися там за лето вещами. На скамейке у дома сидел недавно вышедший из больницы Владимир Радкевич, постаревший за последнее время, непривычно притихший. Едва увидев меня и торопливо поздоровавшись, он сразу ухватился за чемодан и тяжелый рюкзак, не слушая моих возражений, двинулся к двери в подъезд». Затем: «Извини, больше не могу...нога вот болит... Мелкий вроде бы случай, но именно с него мне захотелось начать предисловие к юбилейной книге поэта Владимира Радкевича (в апреле 1977 года ему исполняется пятьдесят лет)». И далее: «...в любом деле, в любой ситуации, а лишь за тем становится ясно, чего ему эта помощь стоила. Сначала – помочь! Только услышит, что кто-то где-то в чём-то нуждается, и сразу, без промедления бросается предлагать услуги, иногда не очень близкому человеку». «Его творчество – от первых до написанных недавно стихов – это сотворение добра людям, отдавание самого себя на беспощадный суд совести». «Лирик самой чистой пробы – Радкевич, когда случается необходимость, становится откровенно публицистичен, тогда его сердечная взволнованность естественно перерастает в гражданственность, а личные заботы возвышаются до уровня общественных». И всё это искренно и тоже от души!

Но ведь о жизни и творчестве поэта как-то надо писать, наверное, по-другому. Поэты – не какие-то вырочалистые ребята! Которые, чуть что, «бросаются предлагать услуги». Вплоть до

публицистических гражданственных стихов: бывает, ведь, что надо выручить определённую тему, определённых людей, которые за это отвечают. Но хороший или даже прекрасный человек – далеко не главное в поэзии. Поэты, понятно, естественно, всемерно отзывчивые люди, но не надо за всем этим скрывать от нас главную суть поэта и его творчества!..

Есть поговорка: хороший человек – не профессия. И это даже для простого человека может показаться обидным, ибо в деле доброты не всегда и помогает, а становится, наоборот, помехой, когда эта самая доброта «хуже воровства». Однажды Рубцов изрёк: «Одной деревенской царевне я нравился как человек».

Ясно, что говорил с сожалением. А Есенин, сказав в сердцах: «Если не был бы я поэтом, был бы мошенник или вор». А Радкевич написал в стихах о своих руках «Кровью руки омоются», размышляя о далёком прошедшем времени, когда мог бы поместить себя в шайку новгородских ушкуйников и стать грабителем с большой дороги или с большой реки...

Поэты явно не хотят всегда быть хорошими. И не лучше ли, в конце концов, писать о поэтах, как о поэтах?.. Ведь это же намного интересней, а главное – справедливей. Что я и попытался сделать.

ВЕТВЯМИ К СОЛНЦУ, А КОРНЯМИ В ЗЕМЛЮ

В лучших своих произведениях Владимир Радкевич всегда проявлял внешне простое акварельное письмо, откуда шли к читателю несложные по форме, но глубокие по содержанию строки:

В тяжёлых тучах запад и восток,
И так жесток
Сквозной осенний ветер.
А у неё – ещё любой листок
Живёт воспоминанием о лете.

Это о берёзе. И конечно, о женщине! И о душе поэта – чуткой, умной, жаждущей откровения, как общения с миром. И не метафора, как поэтическое средство выражения, а метонимия (замещения смыслов с медитативной (эмоционально смысловой) концовкой из двух последних строк). Нет эмпирических подробностей (чувств наголо) – всё за кадром... Всё от внутреннего скрытого волнения. На

всём простая классическая жестковатость, которая от ненавязчивости и достоинства. Я не зря заговорил о классичности Радкевича. Владимир Ильич, на мой взгляд, первый настоящий профессиональный лирический поэт по своей природной сущности на нашей пермской земле. Поэты, бывшие до него (В. Каменский, В. Занадворов, Б. Ширшов, А. Матросов), не менее профессиональны. Но они не имели столь ярко выраженной особенности лириков: их стихи по направлению и по жанру были эпосом, были пейзажной, повествовательной, изобразительной, но отнюдь, не медитативной лирикой, что так присуще Радкевичу. Медитативная лирика – это особенное состояние души поэта, где присутствует исключительно прозорливая, провидческая и психологически тонкая откровенность, исповедальность – («Мой мёртвый друг, налей-ка мне вина: мы вместе выпьем за твоё здоровье»). Это необратимость поэтического мгновения, когда поэт как бы заложник своих прозрений, сколь бы горестными они не были. Поэт иного почерка и склада зависим от всего этого намного меньше, но тем самым он менее интересен и любим читателями. Медитативная лирика – это не метод, а состояние души, которое не выработаешь профессионально – на то надо иметь природные данные. Надо иметь особый талант. Нет его – ничего не поделаешь...

Можно много вспомнить и тут же забыть от повествовательной, пейзажной лирики от прикамской поэзии, но проникновенность Радкевича: «Бился, Кама, и я о твои берега» – просто врезается в память и душу. Как и это: «И всё по мне, и всё по мне шагают каблуки». Такое личностное заклинание может существовать лишь в медитативной и, на крайний случай, в суггестивной (заклинательной) лирике, настолько же правомочно это существование в любом поэтическом жанре, но под силу ли самому поэту другого дарования выполнить это заклинание, чтобы не впасть в само пародийность. Ибо множество поделок в этом направлении. Но речь об истинном, в данном случае. Существует спортивно-лечебная медитация и это тоже истинно. Существует религиозная медитация – и это более, чем истинно: это моления, это разговор с Богом, это высшая откровенность и сокровенность, откуда, собственно, и возник термин «поэтическая медитация». Например, такая:

Время древнее, гулкое,
Не меня ль ты зовешь?
Лучше стрелы вогульские,
Чем в приказе правёж!
Руки кровью омоются,
Но крестом осеня,
Стефан Пермский помолится
В тишине за меня.

Здесь Радкевич примеряет кольчужку новгородского ушкуйника, того, кто начал покорять наши края ещё в 12 веке, – чтобы чувствовать себя у самых корней, так сказать... Этому поэтическому блоку нет аналогов в пермской поэзии. Так же как и следующему, отражающему на этот раз противоположную позицию:

Бог кричал замордованный,
Как охотник-вогул.

Это о пермской деревянной скульптуре из стихотворения «Пермские Боги». Лично мне поэт Радкевич дорог именно этим своим местным лиро-эпическим колоритным миром. Это «Пермские Боги», «В утренней электричке», «Старая Пермь», «Соликамский сказ» и другие...

Стихи на местную тему, попросту говоря, у Радкевича не однозначны, есть и далеко не шедевры. Однако лучшей стороной своего творчества он обращён к тому краю, который некогда предстал перед подростком, вывезенным из-под Смоленска в начале войны. Там он видел и пикирующий немецкий самолёт, убитых женщин и детей, и многое другое столь же ужасное. Вторая родина предстала перед ним не тронутой бомбёжками и пожарищами, а живописными местами, красотой и добротой характеров и лиц обитателей этого края. В этом краю он и родился, как поэт. С любовью и трепетом обживал он вторую родину, полюбив её, едва ли не больше, чем это бы сделал местный поэт (так бывает часто), открывая её для себя и для нас. Но в этом лучшем своём он как раз и не был правильно понят.

После издания в Москве в канун своего пятидесятилетия книги стихов поэт получил в предисловии к ней очень краткий, но тёплый отзыв поэта Николая Старшинова. Но в журнале «Поэзия» один из

тогдашних поэтических обозревателей написал о Радкевиче следующее:

«В своих, подчас «глобальных» раздумьях о жизни, о судьбах человечества, о Времени, о назначении поэта, он непременно ввёртывает местную деталь». Определение «ввертывает», завышенное слово «глобальный», наряду с «судьбой человечества», я думаю, поставлены для того, чтобы иронизируя, принизить значение творчества Радкевича, свести автора до уровня провинциального поэта, попадающего в плен «областного поэтического стереотипа». Столь «глобальное» непонимание сути поэта снижает ценность, содержащуюся в тех же «Заметках», высказанной Радкевичу следующим образом: «Важнейшие нравственные ценности у него имеют уральскую марку. Уральское мужество, уральское трудолюбие, уральское гостеприимство, уральскую надёжность, «железную волю Урала», уральскую наследственность «удальства и мастерства», «сплочённую силу Урала». Эти и подобные определения во множестве характеризуют стихи Радкевича, как автора лишь областного толка. И в конце «Заметок» звучит явно сомнительная хвала поэту: «Между прочим, сам Радкевич сразу же отодвинул в сторону, потеснил местный колорит, как только заговорил в своей лирике о сложных нравственных проблемах...». Когда это «местный колорит мешал «сложным нравственным проблемам».

И кому? Есенину что ли? Ведь тут бы должна была идти речь всего лишь о неравноценности стихов, что присуще каждому поэту. Критик же ведёт скрытое и открытое нападение на художественно концептуальный мир поэта, на его почвенническую суть, которая тоже может быть не безупречной, но у Радкевича как раз в этом аспекте гораздо больше удач. Впрочем, у каждого времени свои нравы – тогда «с областничеством» в поэзии велась борьба (с истинным, хорошим «областничеством!»), так же, как потом велась борьба с бесперспективными деревнями. Но разве мог лирик Радкевич предать или, как сказал критик, «отодвинуть» эту провинциальную уральскую девушку:

Гремела площадь привокзальная,
И вот уралочка смущённая

На ней возникла, как воззвание,
К хорошим людям обращённое.
Москва нарядная, вечерняя,
Её в огнях своих купала,
Но глаз восторженных свечение
Ничуть огням не уступало.
«Провинциальная баллада»

Поэт и сам как бы пасует перед столицей: очень тоже её любил, считал чистой и непогрешимой:

Как в сон, как в омут, падал я в Москву.
Она с меня провинцию стирала.

Однако по-настоящему стереть провинцию в себе Радкевич не торопился. И против понятия «малая родина» писал о том, что «Без Камы Россия – уже не Россия»... Не отказывался и от областнических стереотипов, говоря, что он «земляк и Ермаку и танковому корпусу». И уж не зря (ой, как не зря!) писал Владимир Радкевич стихи, где эти «областнические стереотипы» звучат грозно и по-русски необходимо:

В мартенах сталь вскипала добела.
И я хотел во что бы то ни стало,
Чтоб и моя поэзия была
Частицею уральского металла.
Пусть жизнь меня течением несёт
В объятьях к людям, к горю их, к веселью.
Поэт – как дерево.
Он только так растёт:
Ветвями – к солнцу, а корнями – в землю.

Радкевич прекрасно понимал, что беспочвенных поэтов не бывает. И этой почвой стала ему наша пермская земля.

3. УРАЛ — ПРИКАМЬЕ В СТИХАХ ВЛАДИМИРА РАДКЕВИЧА

Удивительное стихотворение создал поэт Николай Заболоцкий в 1947 г. И назвал его «Урал», хотя поэтическая речь шла не только об Урале.

... В огне и буре плавала Сибирь,
Европа двигала, свое большое тело,

И солнце, как огромный нетопырь,
Сквозь желтый пар таинственно глядело.
И вдруг, подобно льдинам в ледоход,
Материки столкнулись. В небосвод
Метнулся камень, образуя скалы;
Расплавы звонких руд вонзились в интервалы
И трещины пород; подземные пары,
Как змеи извиваясь меж камнями,
Пустоты скал наполнили огнями
Чудесных самоцветов. Все дары
Блистательной таблицы элементов
Здесь улеглись для наших инструментов
И затвердели. Так возник Урал.

Это о начале сотворения мира! Где Урал занимал не последнее место... Заболоцкий долго не издавался и вряд ли Радкевич знал это стихотворение, издав свою первую книжку стихов в 51-м году, но где-то и как-то, наверное, «видел» подобную картину сотворения мира, и, осознав, как подумалось мне, другую «таблицу» ценностей, бросился «одевать» все эти нагромождения от сотворения...

Далекий берег в дымке зыбкой
И небо, хмурое, в свинце,
И вдруг – луч солнца, как улыбка,
На озабоченном лице.
На синих скалах лес горбатый,
Казалось, выплывал из тьмы
Навстречу нам.
И вот тогда-то
С березкой повстречались мы.
Она стояла на откосе...

Да, да... стояла и её надо было защитить, поскольку она была символом возникшей природы и через нее – человеческим фактором, ибо, к тому же, имела громадное обобщение!.. Одним из главных атрибутов русской поэзии всегда была береза. В советские времена – особенно. Многие запрещалось или ограничивалось по идейным соображениям – из пейзажной, любовной и философской лирики, но березу!.. Её в России запретить невозможно. И советские поэты

Так и жили,
Пока были молоды,
В каждой ссоре вина не себя.
Поглядели –
ан всё перемолото:
И любовь, и судьба, и семья.

Радкевич жил и умер при соцреализме, оставив однако немало реалистических правдивых вещей. Не будь той всеобщей (пусть не совсем естественной) атмосферы духовного подъема, то не было бы, наверно, и самого поэта Радкевича. Радкевич полностью продукт советской эпохи. Но сказал же кто-то не из глупых людей: «Художник должен быть закрепощен!» И это, разумеется, не столь пагубно как либеральная «отвязанность» художника. Что плохого в том, что поэт любил по весне наряжать свой любимый город через «Сад декабристов». И тут же стихи о Чернышевском, которого волокут к позорному столбу, но который «твердо знал единственный ответ» – «что делать». Может, действительно, знал. Ведь совсем неплохо если бы кому-то из наших милых предпринимательниц приснился бы «сон Веры Павловны». Немало у Радкевича стихов об интернациональной дружбе, в которых он высказывает явно не свою точку зрения, а как было принято-общую: «И над вокзалом грянула гроза, – / То наш Урал / гостей желанных встретил. / Словами все не скажешь / – мы б сердца / Им отдали, / будь это в нашей власти». Но я не склонен считать, что Радкевич обязательно обманывает себя и других: просто у него нет еще того мастерства / о соцдружбе и так сойдет! /, которое позволило бы ему психологически более верно отобразить события. Этим грешили тогда многие поэты, как областные, так и столичные. Андрей Вознесенский, например, писал, что: «Чем больше ты отдаешь, тем больше у тебя остается».

Ведь с каждой духовной отдачей (имеется ввиду именно она) наращивается душа... И не в той ли плоскости лежит проблема о Всемирном Содружестве Наций (не имеется в виду какая-то экономическая глобализация) без чего рано или поздно земной шар обойтись не сможет. Советская цивилизация, надо признать, стояла к этому всех ближе вместе с поэтом Радкевичем: «Кругом поля – конца и края нету, / Звенят над станом полевым ветра. / Комбайнер снова

прочитал газету / О голоде в провинции Андхра». Были, были... такие комбайнёры. Своя деревня жила полуголодной, свои дети недоедали, но интернациональный долг превыше всего. «Уходят в рейс к далекому Бомбею / Грузенные пшеницей корабли». И даже одиночество женщины и безотцовщину школьника поэт готов объяснить государственной необходимостью.

Присядет и, нитку вдевая в иголку,
С тревогой прислушиваясь к пурге,
О муже далеком вздохнет втихомолку,
Который опять что-то ищет в тайге...

Но Радкевич не такой упрощенный поэт-стихотворец, как может показаться. После многих стихотворений-рассказов из его повествовательной лирики, таких как «В гостях у старого рабочего», «Встреча друзей», «Рассказ делегата», «На ферме», «Финны приехали», «Трактористка», он тут же, параллельно, создает уже медитативно-философскую лирику / «Березка», «Разговор о счастье», «О молодости» /, где, однако, наблюдается какое-то еще замедленное действие:

Настанет день, когда, как говорится,
Проверишь все текущие дела
И вдруг поймешь, что скоро и под тридцать,
А молодость-то, в сущности, прошла.

Замедленное ритмическое пространство, напоминающее прозу, с выражением и «как говорится», «текущие дела», «скоро и под тридцать» – можно определить как тавтологические смысловые и ритмические зазоры – продукт не чистокровной философско-медитативной лирики, до которой Радкевич «докопается», работая вглубь своей поэтической души аж через девять лет / – сборник стихов «Под звездами» /, развивая, по сути, эту же тему, совершенствуя медитативно-лирическую ипостась, как в ритмическом, так и в смысловом плане.

Молодость сочтя за преимущество,
Только ей, как божеству кадим...
Надобно особенное мужество,
Чтоб не оставаться молодым.

Молодости мы и сейчас «кадим» это самое «преимущество»: кое-кому и сейчас необходимо перечеркнуть мудрость старших, приуменьшить значение зрелости. Это стихотворение навсегда актуально! И заметно как в нем заточилась мысль, как распрявился ритм, как удлинилось пространство стиха во времени! К медитативно-философским стихам можно отнести и такие, как «Идет весна-распутица», «Есть дома-нелюдимы», «Добро», «Дачная осень», «Элегия», «Стихи из лирического дневника», где тоже есть вечные строки: «Это главное зло, что красивая ты. / Никому не тепло от твоей красоты».

Особую прелесть составляет третья категория стихов Радкевича медитативно-сюжетного порядка, где сюжет откровенно бытовой, но возвышено его решение, несмотря на явно заземленную тематику, например, стихотворение «Осинки» – образно – это женщины, которых «Молва людская не щадит»:

За ту возвышенную гордость
В чужом дому чужих невест,
Чья молчаливая покорность
Еще упрямей, чем протест.

Но самое прижившееся в Перми и на Урале стихотворение из сюжетно-медитативных будет, пожалуй, стихотворение «В утренней электричке».

Она сидела в электричке
Совсем одна среди парней.
Младенца розовое личико.
Как к солнышку, тянулось к ней.

* * *

Гордясь она и не скрывала
Своей судьбы, своей красы
И лишь платочком прикрывала
Отягощенные сосцы.

* * *

Ребенок спал под стук колесный
И до поры не понимал,
Что на него, как старый крестный,
В окно поглядывал Урал.

Удивительно пластическая вещь, которой трудно найти аналогов во всей уральской поэзии всех времен!.. Стихи как будто не написаны и не имеют авторства. Картина привычна, ежедневна, без пафоса, лишь слегка приподнята над бытом ходом рабочего поезда и судьбой государства, где рабочая мадонна в бесконечном пути?.. О, это не простая вещь. С художественной точки зрения, где главное замысел – несомненно, шедевр, от которого и мировая поэзия, я думаю, не отказалась бы!..

Ближе к сорокалетнему возрасту поэт обретает все больше той вольноотпущенности и задора («Идет весно-распутица», «Орехи»...) – ни дать, ни взять, когда раб божий стоит перед хозяином и говорит: руби голову, но по-другому я не могу!.. Все рассчитано на умное начальство. Радкевич проявляет практичность, но не дай бог, – глупое попадет!.. Поэт в любом случае верен советской власти: он просто удачно расширил понятие о соцреализме в пермской поэзии и написал о дедушке-кулаке («Орехи»), который оказался добродушным и не продал Родины, когда пришла оккупация, при немцах... Написал о «покладистых милках», которые всегда были в жизни, но не в поэзии 40-50 годов.

Есть еще и четвертая особенность стихов Радкевича, это лиро-эпическая грань поэта. Она представлена такими стихами, как «Я с Урала», «Чердынъ великая», «Соликамский сказ», «Старая Пермь», «Сибирский тракт», «Чердынский вечер» и другими...

В стихотворении «Я – с Урала» отразилась кровная заинтересованность иметь такую малую родину, где бы гордость за нее переплавилась бы в кредо поэта.

... Горели Мотовилихи огни
И подступала к сердцу Чусовая!
Я понимал, что надо жить не так,
А по другому правильному компасу,
Хотя бы потому, что я земляк
И Ермаку, и танковому корпусу.
В мартенах сталь вскипала добела,
И я хотел, во что бы то ни стало,
Чтоб и моя поэзия была
Частицею уральского металла...

Чутьем историческим Радкевич был не обделен. И хотя поэт не знал, что его советская Россия сделает такой кулбит: пустит себя на посмешище всему белому свету... Но даже он почувствовал какое-то бездомство и сиротство, утрату «родимого дома», которого мы все сегодня не досчитались: «В родительском доме / Не жить мне ни дня, / В родительском доме – Чужая родня». (Игорь Тюленев). «Разрушено гнездо человеческое. Трагедия – символ уничтожения жизни как таковой: мой дом в Бугуруслане». (Дмитрий Ризов «Я ухожу»). Радкевич это почувствовал уже в конце семидесятых:

Сквозь березы светло и знакомо
Вновь глядит на меня рассвет.
Все – как прежде. И только дома,
Материнского дома нет.
Нет пристанища в людном мире,
Где не судят, а просто ждут.
И в знакомой твоей квартире
Незнакомые люди живут.
1968 г.

В исторической действительности Радкевич чувствует себя уверенней

...И встает за лесами синими,
Навсегда полюбить веля,
Эта злая, соленая, ссыльная
Твердокаменная земля!
Русь рубежная, как ты выжила?
Сколько раз, сколько раз, дотла,
До последней избушки выжжена.
Ты под стук топоров росла!

Так сердечно вживаться в историю мог только поэт, обладавший великим доверием и любовью к здешним людям, к той Соликамской земле.

Прикоснись же судьбою к Родине
Все проверь – и любовь и боль –
Там, где, словно на старой робе,
На земле проступает соль.

Зачастую безликий общероссийский патриотизм – явление частое у поэтов, но Радкевич в этом не слишком повинен: он сразу правильно понял – сначала надо понять и полюбить местное, а через это придет и общероссийское, но сбои бывали и у него.

В Перми среди писателей существовало что-то вроде поверья: зарвавшегося писателя или поэта, попавшего в опалу, посылали – «ссылали» или в Кудымкар, или в Чердынь кем-нибудь, как-нибудь пожить-поработать. Возможно, и Радкевич что-то подобное испытал. Но, так или иначе, он себя чувствует в гостях, как дома, не в пример бездомности 1968 г.

...Всю эту даль обнять несатым оком
И, позабыв про дом, все дальше плыть,
К верховьям Камы –
Как к своим истокам.

Радкевичу легче вернуться в более древние времена северо-уральской Руси: здесь он чувствует себя естественней, по-настоящему нужным России поэтом. В это время он буквально вжился. В стихотворении Чердынский вечер это сразу заметно:

Тени черные, вечерние –
От зари наискосок.
Берег Колвы возле Чердыни
И обрывист и высок.
За рекой леса зеленые,
Вместе с ними – помолчи...
Солнце стрелами калеными
Мечет поздние лучи.
Здесь над белыми соборами
Птицы черные кружат,
Пять веков под косогородами
Люди русские лежат.
Я того же роду-племени,
Что и те, под крутизной
Холодит дыханье времени
Где-то рядом, за спиной.

Это легкое историческое дыхание, присущее далеко не каждому поэту. В той же плоскости и в том же плане лежит и

«горячее» еще доисторическое, но почти физическое ощущение Урала:

В каждой сосенке сердцем узнан,
Расскажи мне, седой Урал,
Где, в какой богатырской кузнице
Ты природу свою ковал?
Как ты выдумал эти горы,
Синим лесом покрытые сплошь?
Почему на заре в озера
Ты металл расплавленный льешь?
А за. Камой в ночи недалней
Тяжкий молот все бьет и бьет.
Так ударит по наковальне –
Только звезды под небосвод!

Как тут опять не вспомнишь о «кузнице» Н. Заболоцкого до исторического периода, о чем поведано было в начале этой статьи. На этом можно бы и закончить... Но есть у Радкевича стихотворение «Пермские боги», стоящее особняком в творчестве поэта, написанное в эпическо – философском ключе, где есть и этнографический аспект, неотделимый от местности.

ПЕРМСКИЕ БОГИ

В муках правду искали,
В тщетной правде добра
На острожном Урале
Пермяки – мастера.
Их резные изделия
Не сулили покой –
Жили боги из дерева
Чёрной жизнью людской.
Сквозь елеи медовые,
Сквозь молитвенный гул
Бог кричал замордованный,
Как охотник вогул.
Не кора, а короста
На плечах от плетей –
Только дух непокорства

Полыхал из очей.
Мир живой и объёмный
К богу плоских икон,
Как язычник исконный
Не пошел на поклон
Вывозила кривая
Сквозь столетний туман
И богов укрывали,
Словно беглых крестьян.
И хлестали Иисуса
По мужицким бокам,
Ибо правда искусства
Это – вызов богам!

Стихотворение можно рассматривать и как разговор об искусстве, где «...правда, искусства / Это вызов богам!». Ведь деревянные боги, в свое время, появились как вызов Православию, как языческое искусство «пермяков-мастеров». Иисус Христос – Сын человеческий, приняв смертную кару и затем, воскреснув, не для того покинул землю, чтобы вернуться на нее в облике человеческом. Он навсегда остался Богом, Богом Православия или «богом плоских икон», как говорит Радкевич. А те деревянные боги, которых надо было укрывать, «как беглых крестьян», и в другом случае «Бог кричал замордованный, как охотник-вогул»: все это «боги-люди» – проявление языческое, дерзкое, что поддерживает поэт атеистического склада, защищая это как искусство «пермяков-мастеров». Поэт возможно не осознает, что те, кто лежит «под косогорами» от язычников, возможно, и погибли за царя и Православие... И он одного с ними «роду-племени».

Вот такой клубок противоречий носит в себе почти каждый настоящий поэт, ибо является человеком разносторонне-сердечным или всемирно отзывчивым, отвечающим за все и за всех. Ведь как мы сейчас говорим: и белых жалко, и красных жалко... Логикой душу не измеришь. И у таких, как Радкевич, она всегда в пути!.. Даже тогда, когда поэта нет с нами двадцать восемь лет... Он родился 24 апреля 1927 года, умер 7 июня 1987 года...

Литературная губерния. Международный альманах.

ОБРАЗ ЛЕСА В СТИХАХ ПЕРМСКИХ ПОЭТОВ*

Каждая национальная литература имеет свою систему излюбленных, устойчивых мотивов, характеризующих ее эстетическое своеобразие. Существуют целые исследования об образе леса – в немецкой литературе, ручья – во французской и т. п. Русская литература в этом отношении изучена недостаточно: то внимание, которое уделялось до сих пор типическим образам человека, оттесняло в сознании исследователей первостепенную значимость образов природы, через которые национальная специфика литературы проявляется особенно четко.

Климат, вероисповедание дают каждому народу особенное лицо, которое более или менее отражается в зеркале поэзии. Если образ правления и вера – это изменчивые, исторически подвижные черты, то климат, ландшафт, флора и фауна накладывают свой отпечаток. Пермская поэтесса Наталья Чебыкина писала о своем видении Родины: «Когда я осознала мир, / В деревне, возле Камы, / Лежала Русь и вдоль и вширь / Лесною панорамой». Владимир Радкевич писал в своем стихотворении без названия: «В каждой сосенке сердцем узнан, / Расскажи мне, седой Урал, / Где, в какой богатырской кузне / Ты природу свою ковал? / Как ты выдумал эти горы, / Синим лесом покрытые сплошь?» Ни образ правления, ни вера не трогают душу поэта, – в своей малой родине он любит синей тайги глухой шум, разливы рек ее, седые горы, то есть врожденные, изначальные черты дорогого лика.

Именно в природе Прикамья пермские поэты находят самые чистые источники своего вдохновения. А природа Урала предстает перед мысленным взором в картинах таежных дебрей, березовых рощ, вековых сосен, молочного тумана по лесной реке. Если обратиться за географическими данными, то можно назвать такие цифры: земли, занятые лесом, составляют 10138,9 тысяч гектар, это 63 % от площади всего Пермского края. Но это сухие цифры, а за ними скрывается ответ на вопрос – почему чаще всего именно леса встают перед глазами каждого пермяка, который говорит или вспоминает о

* Интернет-ресурсы. Автор не указан.

своей малой родине, будь он поэтом или просто человеком, любящим свою родину. Но поэтам удастся выразительнее, ярче рассказать о своем видении родины, о своих чувствах. Хотя не только о красотах леса пишут поэты. Их стихи заставляют задуматься об одной из актуальных проблем в наше время, о которой можно сказать строками из стихотворения нашего земляка В. Югова: «Спит село, и все о том же / Наш заочный разговор: / Грусть-тоска мне душу гложет,/ Вырубает старый бор»

1. Малые родники литературы

Русская литература живет, а её поток питают малые ключи и родники, это самобытная поэзия и проза уроженцев разных краев большой страны.

Одним из таких малых родников является литература Прикамья. Это огромный и малоисследованный материал, хотя многие имена пермских поэтов (Валентины Телегиной, Владимира Радкевича, Бориса Михайлова, Виктора Болотова и других) знают не только на Урале, но и в стране. Работая над данной темой, мы заинтересовались творчеством нашего земляка Ивана Дудина, поэта мало известного в широких читательских кругах. Всех вышеназванных поэтов связывает то, что они в своих стихах воспевают уральский край. Их роднит между собой умение почувствовать поэзию природы. Стихи этих авторов о родной природе насыщены этнографическим, фольклорным материалом. Пейзажные картины наполнены удивительными метафорами, олицетворениями, поэтическими эпитетами, великолепными и необычными сравнениями.

Воспевание красоты родной уральской природы тесно связано с воспеванием подлинно русских национально-культурных ценностей и традиций. У каждого поэта свое видение мира. Но образ родины, с которой кровно связан каждый пермский поэт, немислим без образа березки на краю поля или темных елей и высоких сосен, уходящих своими вершинам и в голубые дали.

Край мой милый, лесной, деревенский
Силою нового века разбужен.
А я думал о дремах таежных,

О нетронутых древних просторах.

Эти строки посвящает коми-пермяцкий поэт Иван Минин родной земле, Прикамью, одной из географических точек на карте большой России.

Мера таланта у всех поэтов разная. Но каждый истинно талантливый человек старается писать так, как велит ему совесть. Поэт – человек с особым свойством души: он слышит гармонию и страдает от дисгармонии, разговаривает с помощью стихотворных строк, идущих от сердца. Он наделен загадочным даром слышать, видеть, понимать мир иначе, чем большинство окружающих:

Может быть, для счастья мне и надо
По лесу с ружьем ходить и вдруг
Услыхать за шумом листопада
Крик совы и дятла перестук.

Так как образ леса является сквозным в лирике наших поэтов, он связывает почти все её мотивы и интонации. Лес как место философского созерцания мира:

По тропе, детством нашим проложенной,
Ухожу от людей и забот.
И брожу я в лесу, словно в крепости,
На ходу мыслей воз вороша.
Боже мой! Сколько в жизни нелепости!
Боже мой! Как она хороша!
Лес как воспоминание о детстве:
В глазах то березник реденький,
То глухие, медвежьи чащи;
Детства нашего заповедники
Вспоминаются чаще и чаще.

Лес как один из символов России, Земли: «Что такое Россия? Это – леса волна», «Моя концепция вселенной / Неотличима от твоей, / Мой драгоценный / Лес осенний – / В серебряном дыму ветвей //».

У каждого поэта свое отношение к лесу, каждый видит и понимает его по-своему, Алексей Домнин наделяет лес душой, мудростью, умением прощать:

А лес стоит в такой большой печали,
Как будто он все тайное постиг,

И замер под закатными лучами,
И нас по-человечески простил.

У Радкевича лес – подспорье «для нужд крестьянских и крестьянских тягот», сказка наяву, но в то же время поэт видит в нем что-то древнее, непонятное и пугающее:

Лес был вокруг,
Был для грибов и ягод.
Для детского протяжного «ау!»,
Для нужд крестьянских и крестьянских тягот.
Был давней сказкой, зримой наяву.
Дичась,
Он к людям подошел и замер.
Он глухо выл в голодный зимний день
И яростными волчьими глазами
Глядел в хлева притихших деревень.

У Натальи Чебыкиной лес представлен в виде фантастически красивой, но в то же время очень простой и естественной картины:

Потому что леса кругом
Полыхают, как от огня,
Зачервоненным золотом лип,
Искропадом кленовых звезд.
И под каждым под деревом гриб.
И на каждом на дереве клест.

В стихотворениях В. Радкевича, И. Минина, В. Климова, В. Болотова, В. Телегиной, Н. Чебыкиной, посвященных Уралу, тема природы гармонирует с темой Родины, а образ леса проходит сквозь все строки красной нитью.

1. 1. В. Радкевич – певец уральской природы

Для известного пермского поэта Владимира Радкевича лес наряду с Камой является одним из главных символов малой родины:

Вечно Каме по жизни народа струиться –
В переключке гудков, в тихом шуме лесов,
Где её на рассвете свободные птицы
Прославляют на сотни лесных голосов.

Уральский пейзаж, к которому поэт относился с неизменным восхищением и специфические черты которого нашли отражение в его стихах, создаётся в стихотворении несколькими скупыми деталями: “рассвет над Камой”, “лесные голоса птиц”, “тихий шум лесов”. Лес является здесь важным штрихом для воссоздания картины уральской природы. Пристрастная любовь к родине у Владимира Радкевича не имеет границ:

И встает за лесами синими,
Навсегда полюбить веля,
Эта злая, соленая, ссыльная
Твердокаменная земля!

Эти строки посвящает В. Радкевич Соликамску, используя прием антитезы: злая, ссыльная, но любимая земля, спрятанная за синими лесами. Анализируя стихи, мы выяснили, что у Радкевича синий цвет один из самых любимых, он ассоциируется с покоем и бесконечностью, а также цветовая палитра его стихов включает в себя зеленый, синий, реже красный, седой, багряный цвета.

В стихотворении «Ивакинский конторщик», посвященном Борису Пастернаку, пишет об Урале такие строки:

А здесь – рассвет над Камой,
А здесь – лесная тишина.

В этом стихотворении и Кама, и лес - явления одного порядка, это символы родины.

В двух строчках стихотворения «Из прошлого» с помощью нескольких художественных приемов (олицетворения: «сосны глядят в озера»; антитезы: просторы (свободное пространство) и лес (множество деревьев, растущих на большой территории) дается образ малой родины.

Пермяцкая парма, лесные просторы,
Зеленые сосны глядят в озера.

Обилие метафор, причём очень оригинальных, ярких, помогает создавать развёрнутые картины:

Берега, где тайга отступает в низины,
Красным градом
Усыпали гроздь рябины.

Да плакучий ивняк, да березка иная
Выйдет на берег, ветки в Куву окуная.

Поистине сказочная картина возникает из подобного “нагромождения” метафор. Читая его стихи, понимаешь, насколько трепетно поэт относился к своему родному краю, никогда не упускал случая подчеркнуть, что он с Урала, хотя родился в городе Белом Смоленской области. Но никто, наверное, не написал столько стихотворений о городах и весях Прикамья, сколько написал этот поэт. Его неоднократно упрекали в такой местной ограниченности, но Радкевич продолжал воспевать уральский край.

Но нельзя воспринимать этого поэта только как певца природы, его отношения с природой куда как глубже воспевательных. Анализируя его пейзажную и патриотическую лирику, мы выяснили, что поэт занят не только созерцанием лесных красот, но и затрагивает очень важные и наболевшие проблемы. Через невозвратные утраты, через наслоения времени приходит понимание истинных ценностей, рождается желание донести свою правду до потомков. И Радкевич, и другие поэты говорили о том, что угрозой нашим заветным местам может быть человеческое равнодушие, небрежение.

Как у каждого талантливого поэта, в его душе живет неизбывное чувство вины перед разрушенным, уничтожаемым. Он принимает на себя бремя ответственности за исчезающие, загубленные березняки, сосновые боры и кедровые леса и так пишет об этом в своем стихотворении «Памяти Николая Куштума», написанном в 1972 году:

Редуют леса на Урале –
У рек, у озерной воды.
А мы-то себя уверяли,
Что долго еще до беды!

Мы только на миг притихаем
У самой последней черты.
Уходим. И жить привыкаем
Без мягкой лесной доброты.

Прощай же, зеленое чудо!

Все громче стучат топоры
И около камня Полюда,
И около Думной горы.

Земля еще терпит и кормит –
Мы старшие в общей семье.
Когда обнажаются корни,
Нам трудно стоять на земле!

К молчанью природы привыкнув,
Ты сам расстоянье проверь
От нынешних скорых прибытков
До будущих долгих потерь.

И все, что мы так потеряли,
Лишь дымом ушло в небеса.
Редеют леса на Урале
Да если бы только леса!

Каждая строка наполнена болью и тревогой поэта. Горечью проникнуто стихотворение Радкевича, но в нем звучит и надежда. И у другого поэта, Василия Климова, есть строчки, в которых он просит прощения за варварское отношение к природе, говорит о надежде на то, что новое поколение загладит вину человека перед ней:

Прости меня, невыращенный лес!
Стволы срубая на лесоповале,
Мы о посадках новых забывали.
И долг наш
Выплачен не весь.

Тогда была жестокая война
Я должен столько посадить деревьев,
Чтоб лесное возвратить доверье!
А жизнь
Увы, короткая она.

Но видится мне рощица моя –

Недаром я зову её моею
И то, что на земле я не успею,
Доделают, уверен, сыновья.

Лес Радкевича наполнен тихим гулом деревьев, птичьими голосами, а воздух напоен запахами тайги и стали.

Неизбалованный солнцем край, неброская своей красотой земля – вторая мать, вскормившая своих певцов, припадая к ней, они обостренно ощущали её глубинные токи, вступая с ней в разговор, они смогли показать её духовность, красоту, правду. Вступая в диалог с природой, каждый поэт наделял её живой душой, одухотворял, оживлял.

Ясные и справедливые законы природы показывали пример неестественным законам человеческого существования. Свобода, гармония, чистота, несуетность, присущие природе – идеалы, которые воплощали в своем творчестве поэты Прикамья. Стихи наполнены светлой лексикой, присутствует много деталей, облеченных в запоминающийся образ с помощью не менее ярких изобразительно-выразительных средств.

ПРИГОВОРЕН К ПОЖИЗНЕННОЙ ЛЮБВИ*

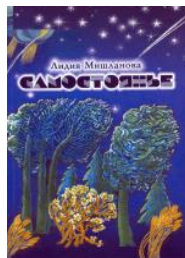
В начале 1990-х годов, работая заведующей сектором личных фондов в Государственном архиве Пермской области, я написала письмо вдове Владимира Радкевича – Зое Ивановне. Думалось, хранит она дома его черновики, письма, фотографии, которые могли бы составить личный фонд известного пермского поэта, доступный исследователям. Долго не было ответа. Потом-то я поняла, что, как многие в те годы, Зоя Ивановна попала в очень непростую ситуацию: пенсионерка, без мужа, на руках двое внучат (от дочерей Лиды и Люды, которым надо было дать возможность зарабатывать на жизнь). Помощи ждать неоткуда. Зоя Ивановна медлила, стесняясь позвать незнакомого человека в квартиру, которая давно не ремонтировалась.

Наконец она позвонила и пригласила приехать. Помню, стоял сильный мороз, но в голове у меня вертелась поговорка «Куй железо, пока горячо». Однако по пути я заглянула еще в универсам, купила

* Краткие сведения об авторе:

ЛИДИЯ ВИТАЛЬЕВНА МИШЛАНОВА, журналист, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры РФ. Родилась в 1935 в раб. пос. Карсун Карсунского р-на Куйбышевской обл. (ныне г. Карсун Ульяновской обл.). В 1956-1958 гг. работала секретарем в Карсунском медучилище, одновременно являлась внештатным корреспондентом редакции районной газеты "Красная жатва". С 1959 г. работала в редакции Пермской областной газеты "Молодая гвардия", в 1961 г. окончила заочно Московский полиграфический институт. В 1966-1969 гг. являлась сотрудником редакции газеты "Звезда", до 1973 г. работала в Пермском книжном издательстве литсотрудником, зав. отделом учащейся молодежи, ст. редактором. До 1975 г. работала в архиве Пермского обкома КПСС научным сотрудником, затем замещала должность ответственного секретаря редакций журналов обкома КПСС "Блокнот агитатора" и "Позиция".

После выхода на пенсию в 1990 г. вновь работала в редакции газеты "Звезда" корреспондентом. Член Союза журналистов СССР с 1961 г., Союза журналистов России с 1991 г. В настоящее время проживает в Перми.

фрикадельки на ужин своей семье. А потом довольно быстро нашла дом, в котором жили Радкевичи: он стоит в квартале за Феодосьевской церковью.

Зоя Ивановна встретила приветливо, пригласила пройти. В глаза бросилась свежая побелка, на одной из стен висела картина Анатолия Николаевича Тумбасова – подарок поэту. Когда мы более-менее познакомились и определили план действий, я попросила Зою Ивановну «пристроить» мои фрикадельки в холодильник (работа с архивом предстояла длительная). «А у нас нет холодильника, – сказала Зоя Ивановна. – Давайте я в сеточке вывешу их за фортку».

Вот тогда-то я и увидела, как живут истинные поэты, беспечные дети, нужные всем и никому. Семья унаследовала то, что имелось при жизни отца: квартиру и немного старой мебели. И это было – все.

У архивистов есть выражение: «Документы поступили в россыпи». Так вот, здесь россыпь предстала в буквальном смысле. Она лежала в глубоком нижнем ящике огромного гардероба, там, где раньше хранили обувь. Поначалу я подумала, что этого будет мало для создания фонда, но потом, когда документы были отобраны, привезены в архив и, спустя некоторое время, подверглись научно-технической обработке, оказалось, что их хватило на 19 дел, причем очень ценных и нужных людям. В общем, спасибо Зое Ивановне Радкевич.

А я, конечно, не утерпела и тогда же познакомилась с рукописями, фотографиями, письмами, которые удалось заполучить. Мало того, подготовила на их основе несколько публикаций. Может быть, знакомство с содержанием хотя бы некоторых документов даст представление о том, как необходимо было сохранить архивное наследие поэта.

«ЛЕЖУ НА КРОВАТИ И ПЕСНИ ГОРЛАНЮ»

Вначале я обратила внимание на переписку Владимира Ильича со своей матерью Лидией Александровной Раткевич (да, именно так писалась эта фамилия, пока сын не сменил букву «т» на «д»).

Мать троих детей, Лидия Александровна преподавала в школе русский язык и литературу. Сохранившиеся планы уроков, конспекты,

тексты лекций говорят, что была она незаурядным педагогом, каждый раз предельно тщательно, с полной отдачей готовилась к встрече с учениками, родителями, коллегами-учителями. Ее муж, Илья Анисимович, тоже был учителем, одно время – директором школы.

Володя родился в городе Белом Смоленской области. Потом они долго жили в Ржеве. Во время войны были эвакуированы в башкирское село Шарап, откуда позже переехали в Чебоксары и вновь вернулись в Ржев. А Володя с 1943 года учился в Перми, в университете, и отсюда, с Заимки, из студенческого общежития № 6, шли письма, которые мать сберегла.

Поздней осенью 1944 года он сообщает, что два месяца (видимо, летом) работал на лесозаготовках, потом на выгрузке картофеля для университета и потерял (в такое-то время!) все документы, в том числе пропуск на поездку в Чебоксары, паспорт, военный билет и хлебные карточки. Нет денег на штраф, на плату за обучение, а без документов нет возможности подзаработать. «Но я вообще не унываю, лежу на кровати и горланю песни. Лекции посещаю прилежно... Задолжал ребятам».

Как, должно быть, разрывалось от такого известия материнское сердце: ведь семья в ту пору тоже бедствовала и вряд ли чем могла помочь. Снова пишет Володя: «Год пропал... мама, мама, ты, наверное, понимаешь, как мне было трудно жить одному и какая уж тут учеба, когда думаешь о том, где бы что бы покушать». Не было одежды: «...Все загрязнилось и износилось», «...из-за отсутствия хорошего костюма я отстраняюсь от общественной и культурной жизни, стараюсь... стать незаметным (что мне, впрочем, все-таки мало удается)».

Учился он в университете на «4» и «5», был именным стипендиатом. И в 1948 году окончил историко-филологический факультет, на «отлично» защитив дипломную работу «Мистерия-Буфф» В. Маяковского как образец политической сатиры».

В последующие годы Лидия Александровна неустанно выручала сына, посылая деньги, валенки, пальто, платя за него долги. Она помогала, чем только могла и беспокоилась о нем бесконечно. Володя благодарил в письмах и нередко чувствовал себя немножко виноватым, хотя и нуждающимся в ее поддержке: «Если я ною, мама,

время от времени, ты на это не обращай внимания – все это явления временного порядка, приходят откуда-то и уходят куда-то. А я остаюсь самым сумасбродным и легкомысленным из детей твоих, мама, и, очевидно, самым непритязательным из всех оптимистов мира. И при посильной поддержке моего выдавшего виды бывшего белого пальто оказываю стойкое сопротивление свирепствующим у нас сорокашестиградусным морозам... Но, как бы то ни было, в марте буду шить себе дорогой костюм из альманахского гонорара». В это время (январь 1950 года) он уже работает в отделе по делам искусств облисполкома, его стихи публикуют в альманахе «Прикамье», в газетах, передают по радио.

В середине января Радкевич получает из дому посылку с зимним пальто, оно сидит на нем немножко мешковато, «но, как сказали рассматривавшие и щупавшие пальто современники, – вполне и вполне прилично».

Не стала бы я так долго останавливаться на этом факте, только письма молодого Радкевича не просто знакомят нас с его жизнью, бытом. Они, кроме всего прочего, поле первых литературных опытов, с игрой слов, с попыткой выразить свои чувства и настроение. В настоящее эссе вылилось его прощание со старым, бывшим белым, пальто, в котором, бывало, «шел в хороший летний день по родному городу, и пленные немцы, восхищенно глаза на мою белизну, говорили: «Gropartig!» («Великолепный!» – Л. М.). А теперь оно «печально смотрело пустыми дырами разорванных петель, когда вешал его в дальний темный угол». «Мой старый фрак, не покидай меня», – вспоминает он Беранже.

Мамины заботы о сыне не ограничиваются материальной стороной. Ее волнует все, что касается его жизни. Они вместе думают над выбором темы дипломной работы, он посвящает ее в свои литературные дела и даже знакомит с девушками, в которых влюбляется. А когда Лидия Александровна пытается выяснить, не собирается ли он жениться, сын отвечает ей красиво придуманным доводом: «У одиночества тоже есть крылья, и отрезать их можно только тогда, когда надеешься получить взамен другие, более мощные». Мать беспокоится, не стал бы начинающий поэт Дон-

Жуаном. В ответ – очень интересные рассуждения о том, чем отличается Дон-Жуан Пушкина от Дон-Жуана Байрона.

И, конечно, он пишет маме стихи. Одно из первых – «Возвращение» – Владимир Радкевич посвящает ей, матери.

Мама услышит мой поздний стук,
Глянет с тревогою в темноту...

Пусть они еще далеки от совершенства, пусть это лишь поиск, но они первые и, возможно, нигде, кроме как в письмах к матери, их не найдешь.

Судьба его складывалась неровно во всех отношениях. Неординарный человек, он, конечно же, в облисполкоме не удержался. Однажды, уже из радиокомитета, он напишет: «Я очень дисциплинировался и даже не опаздываю на работу». Однако долго паинькой быть не мог, а потому меняются места службы, пока он не становится вольной птицей. Вначале в качестве штатного корреспондента, потом внештатного Владимир Радкевич ездит по городам, селам и лесным поселкам – «немножко пишу, а больше наблюдаю, про запас». Письма к маме приходят то из села Покча, то из Кудымкара («Кое-что перевожу из местных поэтов»), то с Воткинской ГЭС, «где я присутствовал при перекрытии Камы. Лирический репортаж об этом даю в «Уральский следопыт».

Сколько переживаний доставила маме его личная жизнь! С ним было нелегко. Не каждая, даже очень хорошая, женщина уживется с поэтом. Кажется, Стефан Цвейг заметил, что поэты и писатели не дотягивают до идеала, который сами создают в своих произведениях. Мягко сказано!

В счастливые же времена он радовал ее рассказами о сыне Сереже и о своих разговорах с ним. Воспитывал его стихами: «Тебе, Сережа, стыд и срам – ты много плачешь по утрам». Или шуточной пародией: «Муха-цокотуха заползла Сереже в ухо». В ответ были рев и требование подтвердить, что муха заползла в ухо не ему, а другому Сереже.

Интересно, как поэт устраивал сына в детский садик. Об этом он писал так: «Звонят мне из горкома: «Помогите, напишите приветствие пионеров делегатам городской партконференции...» – «Нет, это вы мне помогите, – отвечаю. – Писать не могу, поскольку

нянчу сына!» – «Хорошо, завтра он будет в детском саду!» – « В таком случае завтра у вас будет текст приветствия...». Так и сменялись – «баш на баш»! И чтобы потом перевести Сережку из дальнего детсада в тот, который у нас под окнами, пришлось написать еще два приветствия: пионерам для облпартконференции и... дошколятам для приветствия делегатов райконференции дошкольных работников! Хорошо хоть, что грудные младенцы никого не приветствуют...»

Больше всех разрыв поэта с первой семьей переживала мама. 21 октября 1965 года она пишет: «...передо мной неотступно стоит Сережа-Сереженька, мой так нежно любимый мальчик, в котором соединились моя любовь к тебе, моему первенцу-сыну, и к нему, крошке-куколке, превращавшемуся в человека на моих глазах».

Бывало и так, что поэт сам, по собственной беспечности, попадал «не в те» руки. И тогда, как маленький, он бросался за советом и поддержкой, конечно же, к ней, маме.

Матери, своему доброму гению, Владимир Радкевич посвятил немало стихотворений. Два из них – «Земля передо мною виновата...» и «Без мамы я жить не умею...» – написаны в год ее смерти – в 1967.

ЧУДАКОВАТЫЙ, КАК ВСЕ ПОЭТЫ

Ровно через двадцать лет – в 1987 году – не стало и самого Владимира Ильича Радкевича. И вот почти двадцать лет спустя многие, очень многие в Перми продолжают его вспоминать. Не только как поэта, а просто как человека, который жил в одно время с нами в этом городе, на которого каждый раз при встрече невольно обращали внимание. Да, что правда – то правда: ему никогда не удавалось стать незаметным, даже если он этого хотел.

У меня тоже есть свои воспоминания об этом человеке.

Весной 1959 года я, приехав в Пермь, начала работать в редакции газеты «Молодая гвардия». Дали мне стол – старенький, светленький, однотумбовый. Выдвинула верхний ящик, а на дне – фотографии, какие делают на документ, с уголками и без уголков. Позвала сослуживцев: «Это кто?» – «О, это Володя Радкевич!» И расхватили все фотографии, не оставив мне ни одной. А я и не горевала тогда, потому что не знала никого в Перми. Впрочем, тут же

и узнала, что сижу за столом, за которым совсем недавно сидел поэт Владимир Радкевич.

Помню, были разговоры вокруг одного из первых его сборников – «Просека к солнцу», гурьбой ходили покупать книжицу в магазин. «Молодая гвардия» поддержала тогда поэта хорошей рецензией и не раз публиковала заметки о его встречах с читателями. Спустя много лет в квартире Розы Гавриловны Шайхуллиной, преподавательницы медицинской академии, я увидела этот маленький сборничек 1958 года издания с автографом:

Розе Дуняшевой.

*На Вашем жизненном пути
Вам счастье светлое найти!*

17/IX–59 г. В. Радкевич

Дуняшева – девичья фамилия Р. Г. Шайхуллиной.

«Это было во Дворце культуры имени Свердлова, – вспоминала Роза Гавриловна. – Я присутствовала на встрече с поэтами. И стихи молодого Радкевича понравились больше всего. Захотелось получить автограф, но не помню, чтобы мы покупали книжки. Скорее всего, их нам подарили или устроители вечера, или сам поэт».

Но, хотя после выхода «Просеки к солнцу» известность Владимира Радкевича и уважение к нему выросли, солиднее он не стал. Как и раньше, с шумом появлялся в «Молодой гвардии» (редакция находилась на ул. Карла Маркса, 13, в полуподвальчике; «дети подземелья» – именовали мы себя), где в обеденный перерыв играли в настольный теннис. Азартный игрок, Владимир Ильич не любил проигрывать. Он подолгу сражался ракеткой то с одним, то с другим – до победы. А если выигравший партнер уходил, ссылаясь надела, разгоряченный и раздосадованный Радкевич неотступно следовал за ним и буквально принуждал продолжать игру. Партнеру приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы отвязаться от преследователя. От Радкевича прятались, устраивали себе вызовы к редактору, куда он, однако, врвался запросто, совсем уходили из редакции. Но в следующий приход снова начинался жаркий бой у теннисного стола, сопровождавшийся победными криками, а в случае его проигрыша все опять повторялось сначала.

И тогда и потом Володю Радкевича нередко можно было встретить на улице с горящими, но ничего не видящими глазами, что-то шепчущим про себя. Оставалось догадываться, что происходит рождение новых стихов. Естественно, что многие окружающие в такие периоды были для него как бы на одно лицо.

В 50-е годы в «Молодой гвардии» работал художник Федор Добрынин, уже в годах, но все, в том числе и Радкевич, звали его Федя. Потом пришел художник помоложе – Балакин. Радкевич и его стал звать Федей.

– Да не Федя я – Сережа! – сопротивлялся тот.

– Ну ладно, ладно, – отмахивался Радкевич.

Затем появился молодой Григорий Демченко. Радкевич и его стал звать Федя.

– Какой я тебе Федя! Я – Гриша.

– Ну ладно, ладно...

Вот однажды сидят художники все вместе: Федя, Сережа и Гриша. Приходит Радкевич. Те на него наступают:

– Ну-ка, скажи теперь, кто из нас Федя?

Радкевич:

– Да ну ладно вам, ладно...

Или еще. В молодости нас часто путали с тележурналисткой Галиной Лебедевой. Прихожу как-то в больницу. У глазного кабинета сидит Владимир Ильич. Встает, уступая мне место.

– Здравствуй, – говорит, – ты хорошо смотришься по телевизору.

– Но я не выступаю на телевидении. Опять Вы меня с Галиной Лебедевой перепутали.

– Ну ладно, ладно, вы обе хорошо смотрите по телевизору.

– Но я не выступаю...

— Ну ладно тебе... А она-то все борется с этим, как его...

– С алкоголизмом? (Г. Лебедева вела в ту пору цикл антиалкогольных передач).

– Ну да. С переменным успехом!

«ПРИГОВОРЕН К ПОЖИЗНЕННОЙ ЛЮБВИ»

Талантливый человек, Володя Радкевич даже ругался талантливо. Мне довелось читать один любопытный архивный документ – протокол о мелком хулиганстве, составленный при задержании гр-на Радкевича. В нем говорится, что названный гражданин в нетрезвом виде явился в театр и стал требовать билет на концерт. Ему отказали. Вышла ссора с представителем администрации, которого Радкевич назвал «мелкой сволочью, лысым гномом и гнилым паразитом». Тот вызвал милицию, составил акт, собрал подписи свидетелей... Документ был направлен в областную организацию Союза писателей и со временем попал в государственный архив. В результате представитель администрации театра в таком вот виде, с эпитетами Радкевича, и вошел в историю. Мораль: не связывайся с талантливым.

Для многих жителей города, да и области, современников Радкевича, не секрет, что он был способен на всякие, мягко говоря, неординарные поступки и нередко оказывался в центре скандала. В письме к маме он откровенно признавался: «А сам я в душе такой же мальчишка, нисколько не повзрослел». И часть его творчества тоже можно назвать озорным и даже хулиганистым: таковы его эпиграммы, их он нередко выдавал экспромтом в присутствии лиц, которым они и предназначались. Эпиграммы бывали разящие и просто шуточные, бывали неприличные. Но всегда смешные! Журналистская братия тут же подхватывала их, и они разлетались по городу, повторяемые то тут, то там. Для тех, кто когда-нибудь соберется их издать, скажу, что некоторые эпиграммы попали в государственный архив, и не только в личный фонд В. И. Радкевича.

Когда объявили борьбу с пьянством и алкоголизмом, известный хирург, доктор медицинских наук Е. А. Вагнер согласился возглавить городское общество трезвости. А вскоре в газетах промелькнуло сообщение о поездке его в Шри-Ланку. Возможно, это как-то было связано с противоалкогольной кампанией – точно не помню. Во всяком случае, насмешливый поэт такую связь усмотрел:

Профессор Вагнер посетил Шри-Ланку,
Гонял чай с индийскими людьми.
Он всю Шри-Ланку отучил от пьянки,

Но трезвых не прибавилось в Перми.

Написал Радкевич эпиграмму и на самого себя.

Однажды разнесся слух, что Владимир Ильич, посмотрев на выставке художника Е. Н. Широкова свое изображение, расшумелся там и чуть ли не грозился снять портрет. При случайной встрече я и спросила его об этом.

– Нет, снять я его не хотел, я только сказал:

Яснейшим из пророков
Изобразил меня Широков,
Измазал синей, красной краской,
Я на себя гляжу с опаской.

В таком вот виде я опубликовала эпиграмму впервые в газете «Сами о себе», которая в начале 90-х годов издавалась в ДOME журналистов. Позже ту же эпиграмму напечатала газета «Звезда» с более точной первой строкой: «Одним из яростных пророков...»

Конечно, приведенные здесь эпиграммы самые добрые и «приличные» из всех, сочиненных Владимиром Ильичом. А бывали такие ядовитые, что «герой» готов был провалиться на месте.

Однако насмешливый и дерзкий поэт становился добрым и нежным с людьми, которых искренне любил. Глубокое уважение и благодарность испытывал он, например, к ректору университета А. И. Букиреву, памяти его посвящено одно из известных стихотворений поэта. Он не раз навещал вдову ректора Александру Прокопьевну, дарил ей свои книги. Я видела у нее сборник «Камский мост», изданный в 1972 году, где после строки «Все горюет о ректоре Ботанический сад» автором собственноручно вставлена строфа, вычеркнутая редактором:

В мире цифр отвлеченных
Стужа, что ли, лютей?
Стало много ученых,
Не хватает людей.

И там же на суперобложке — его дарственная надпись:

А. П. Букиревой

И в каждом всплеске волн на Каме,
И в каждом солнечном луче
Храните бережную память

Об Александре Ильиче.

Мы его тоже всегда помним!

С глубоким уважением

Сент. 72 г., г. Пермь В. Радкевич

Трудно сказать, сколько дарственных надписей знакомым и незнакомым людям оставил на память Владимир Ильич. Многие из них – это звонкие рифмованные экспромты, легкие, часто шуточные.

В 1977 году в Пермской организации Союза писателей праздновалось 50-летие поэта. Кто удостоился чести там быть, хранят приглашение и подарок – «Избранное» (Пермь, 1977). Думаю, не ошибусь, если скажу, что каждому Владимир Ильич написал особенному. Так, художника Г. И. Демченко он приглашал следующим образом:

Под писательскую крышу
Я зову сегодня Гришу.
Времени не пожалей,
Приходи на юбилей.

И на подаренном сборнике тоже его автограф:

Наверно, умер бы от горя я,
Когда б не книжка для Григория.

А сколько больших (в смысле размера) стихотворений он написал конкретным людям по случаю их круглых дат или других личных событий! В архиве хранятся вторые экземпляры поэтических поздравлений балерине Наде Павловой, солистке оперного театра Клавдии Кудряшовой, актрисе Пермской драмы Лидии Мосоловой, писателям Олегу Селянкину, Николаю Домовитову, заведующему отделом культуры, позднее заместителю председателя облисполкома Юрию Гаврилову и многим другим. Конечно, не все собрано; думаю, есть еще немало стихов Радкевича, которые остались у людей на руках в единственном экземпляре.

Он бывал разным человеком, поэт Радкевич, но его таланту в щедрости, а ему самому в доброте и отзывчивости не откажешь. Ведь только несведущие люди думают, что настоящему поэту сочинение поздравительных стихов дается всегда легко. Между тем именно среди произведений, написанных к юбилейным датам, есть, может быть, самые серьезные из всех, что когда-либо создавал В. Радкевич.

Имею в виду, в частности, стихотворение «Шестьдесят лет», посвященное А. И. Давыдычеву. Написанное 1 января 1987 года, за пять месяцев до кончины Владимира Ильича, оно как исповедь, как откровение перед собратом, ровесником и единомышленником, который поймет и грусть, и сожаление, который и сам знает, что такое спасение в творчестве и радость возврата к истокам в конце пути... Это стихотворение из не разобранных тогда еще домашних архивов В. И. Радкевича и Л. И. Давыдычева не вошло в посмертный сборник «Слово» и впервые было опубликовано мною 4 января 1996 года в газете «Звезда». Вот оно:

А время все грознее годы катит,
Лицо в ладонях – не поднять лица...
Так, может быть, и вправду, Лева, хватит
Нам на разрыв испытывать сердца!
Зачем же, старым сердцем побуждаем,
Идешь к столу, к бумаге на столе?
Все чувства добрые мы лирой пробуждаем,
А добрых чувств все меньше на земле!
Все меньше тех, кто по своей охоте,
Что долгом иль призваньем назови,
Приговорен к пожизненной работе,
Приговорен к пожизненной любви.
Но с болью радость в строчках вновь сольется,
Ты жив – и все, что надо, под рукой.
Бушуют рядом женщины и солнце,
А где-то есть и воля, и покой.
Лишь в этот миг мы счастливы, не так ли!
А жизнь опять щедра и широка,
И родники еще не все иссякли,
И внятен сердцу зов издалека.
Всю тяжесть лет ты сбрасываешь сразу,
И жизнь стекает с кончика пера.
И ты опять – тот мальчик ясноглазый,
Что начал жить для славы и добра.
1 января 1987 г.

Ну, разве правы те, кто по молодости лет считает В. И. Радкевича таким бодреньким стихотворцем?! Он был зорким и чутким поэтом. Просто его поколение и не привыкло, и не хотело сдаваться ни годам, ни обстоятельствам.

1995-2005

Самостоянье : очерки о людях
науки и культуры Перм. Края, Пермь, 2006.

«ПОЭТЫ НЕ БЫВАЮТ ОБЛАСТНЫМИ» *

Поэзия всегда подспудна,
Как под снегами звон ручья,
И пересудам неподсудна,
Поскольку собственность – ничья.

В. Радкевич

«Неуютно оставаться «с глазу на глаз» с портретом В. Радкевича. Он втиснут в раму, приближен к зрителю. Душевная трепетность натуры находится в каком-то непримиримом контрасте с чеканными и монументальными пролетами моста, как бы давящими его. Художник не льстит своему герою, обнажая, может быть до беспощадности его душевную неудовлетворенность собой» – так писала в одной из пермских газет Н. Казаринова, искусствовед Пермской художественной галереи о портрете В. Радкевича, написанном художником Е. Широковым.

Да, поэзия «собственность – ничья», она не имеет принадлежности, времени и границ. Но истинный поэт – величайшая редкость, явление уникальное и неповторимое. К сожалению, поэты рано или поздно уходят. Что же остается? Воспоминания друзей, стихи и их черновики – свидетели создания, письма, фотографии, впрочем, ценно все. Государственный архив Пермской области готов предоставить материалы о Владимире Радкевиче. Здесь мы найдем подборки критических статей и газетных публикаций о творчестве поэта, его переписку, записи творческих вечеров, рассказы и воспоминания о нем современников. Обратимся же к архивным материалам, что бы не забывать и ценить то наследие, которое у нас уже есть.

«Сама жизнь – большое и не всегда счастливое испытание для личности, наделенной поэтическим даром. Поэт – не профессия, а состояние, и поэтическая неповторимость – нечто совершенно особое» – таково мнение литературного критика Александра Иванова, высказанное им в полемике о поэзии и поэтах на страницах «Литературной газеты» за 1981 год. Да, поэзия – одна из величайших

* Интернет-ресурсы. Автор не указан.

загадок, и ни одно искусство не имеет так много дилетантов, как литература. И тем более ценно, что здесь же апонент А. Иванова, поэт В. Костров, признает Радкевича одним из лучших поэтов современности.

Любовь к слову досталась ему от матери, преподавателя литературы и русского языка, ей посвящено много стихов Владимира Радкевича, на некоторые из них написаны песни.

Пристрастная любовь к родине у Владимира Радкевича не имеет границ. Тема Родины, Урала, красной нитью проходит через все творчество поэта, как, впрочем, и тема Матери, как некоего всеобъемлющего начала. Вообще Радкевич чаще всего и, прежде всего, выступает как поэт-публицист, зачастую в произведении не ограничиваясь только одной темой. Примером тому могут служить следующие строки из стихотворения «В утренней электричке»:

Она сидела в электричке
Совсем одна среди парней.
Младенца розовое личико,
Как к солнышку тянулось к ней.
И в мире том, что нам неведом.
Для малыша недель шест
Являлась мать Землею, хлебом
Началом млечного пути.

.....

Ребенок спал под стук колесный
И до поры не понимал,
Что на него, как старый крестный,
В окно поглядывал Урал.
Вздыхал, в огнях мартенов грелся
И ранним небом голубел,
И голубой вагон на рельсах
Качался, словно колыбель.

В одной минутной жанровой сцене поэт увидел многое, а главное – сумел это передать. Здесь органично переплетаются, образуя единое целое, сразу несколько линий: тема Родины и материнского начала, нельзя не заметить еще одну нить, характерную и для всего творчества Радкевича, – тему труда, свойственную,

впрочем, произведениям многих поэтов, чье творчество развивалось в 50-е, 60-е годы. Масштабность, глубина и точность – вот, что определяет поэзию Радкевича.

Писатель Лев Давыдычев в предисловии к его избранным стихам сказал о главном – о его добром сердце. Подметил и то, что отличает пусть самого блестящего версификатора от поэта: «Радкевич в стихах и в жизни – это одно лицо. Ему не приходилось тщательно продумывать свою литературную судьбу, биографию своего лирического героя, чего-то там додумывать или чего-то осторожно недоговаривать. Живая человеческая личность со всеми ее грехами и святостями, со всеми падениями и высокими взлетами кричит у Радкевича, высказывается вся, ясно, спокойно, глубоко. О многих и многих драгоценных фактах нашей жизни, нашей истории напомнил нам В. Радкевич как поэт-публицист. И сделал это не бенгальским холодным языком, а очень поэтически и очень по-человечески».

Друг Байрона, поэт и философ Шелли сказал, что поэты – непризнанные законодатели мира. В действительности мир гораздо полнее и разнообразнее творчества любого поэта, даже гениального, он не может целиком уместиться в поэтических произведениях. И все-таки поэты несли и продолжают нести в мир какие-то свои законы. О Владимире Радкевиче его друзья и современники говорили, в частности пермский поэт Дмитрий Ризов в статье «Очарованный пленник Урала», посвященной творчеству В. Радкевича, «он несет в мир законы строгой человеческой чести, высокой порядочности, поэтому и тон его поэзии высок».

Поэты уходят, что же остается? Слова, переплетенные в замысловатые фразы, заметит скептик. Что слышат и понимают поэты? Об этом говорит Алексей Решетов в стихотворении, посвященном Радкевичу:

Родная речь, прямая речь...
Но есть еще и речь иная.
Кому в сырую землю лечь
Приходит время – ей внимают.
Зашелестит вокруг листва
Или пчела прильнет к могиле,
И ты услышишь те слова,

Которых мы не проходили.

Владимир Радкевич ушел из жизни в 1987 году. Материалы его фонда поступили в Государственный архив Пермской области от его жены З. Радкевич.

2007 г.

с сайта Государственный архив Пермского края
<http://archive.perm.ru>

ПЕРМСКИЙ АНДЕГРАУНД И РАДКЕВИЧ*

Сидякина Анна из книги «Маргиналы»: Имея в виду, что действительность гораздо более разнообразна и богата нюансами, чем схематичное представление о ней, все же можно сказать, что пермская литературно-художественная ситуация в конце 70-х – 80-е годы аналогично общероссийской характеризуется сложившимся противостоянием двух направлений – традиционно-классического, со стороны официальной культуры, и – авангардно-новаторского аутсайда, формирующегося в недрах художественного андеграунда.

В эти годы продолжают свою творческую деятельность поэты «старшего» поколения: В. Радкевич, Н. Домовитов, А. Домнин и др. Они публикуются на страницах областной периодики, принимают активное участие в работе пермской писательской организации, регулярно выпускающей поэтические книги, сборники, альманахи. Сторонники традиционных форм и жанров, поэты-«пятидесятники» видели в классической «простоте и ясности» единственно возможный и приемлемый ориентир – становясь тем самым, вольно или невольно, носителями консервативной художественной нормы и проводниками официально-идеологических установок. В их творчестве, особенно в поэзии В. Радкевича – прославленного поэта, официально представляющего Пермь и Урал в единой советской литературе, создаются, в рамках государственной мифологии, возвышенные образы истории и культуры Урала, «опорного края» в судьбе социалистической родины.

С конца 1960-х в пермской писательской среде обозначилась тенденция формирования внутреннего подпространства, дистанцирования между ее «поверхностью» и скрытыми течениями, образующими промежуточную культурную прослойку, которая, будучи сама уже не вполне официальной, т.е. не вполне признанной, становилась периферией, способной вступать во взаимодействия с другими неофициальными средами. На исходе «оттепели» круг полупризнанных авторов расширился за счет поколения, пережившего прессинг пермского диссидентского процесса (1970

* Выдержки из сборника «Маргиналы: Уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы. Челябинск; Пермь, 2004.

год). «Процесс мальчиков» (как назвала его впоследствии Н. Горланова) коснулся большинства из активных участников молодой литературно-художественной среды 1960-х и стал главным рубежом в жизни многих.

Любопытно, что в сознании читателей к скрытому, запретному пространству поэтических рефлексий косвенно оказался причастен даже прославленный В. Радкевич, который не испытывал дефицита в публикациях, но тем не менее не мог «сказать всей правды, его не понимали». В отличие от В. Радкевича, канонизированного «поэта Прикамья», «лучшего пермского поэта», А. Решетов уже в конце 70-х неофициально был признан поэтом «настоящим», «уральским», и в этом смысле – не вполне «своим», не «пермским». Несмотря на то, что пермские читатели знали и любили стихи А. Решетова, его имя было почтительно выведено за рамки повседневности. С пиететом к А. Решетову относились и молодые поэты-«восьмидесятники»: из всех представителей пермской писательской организации он единственный был для них авторитетной поэтической величиной, явлением «космического порядка».

Из воспоминаний В. Белобородова (1972 г.): Объединение «Ваганты»? Это была моя идея. Тогда как раз выпустили первый сборник стихов вагантов, бродячих европейских поэтов. Мне понравилась их вольность, необязательность и непричастность к какой-то определенной идеологии, свобода выражения своих мыслей. Я предложил это название, но все утверждалось очень долго – в райкоме партии. Туда ходила редактор «Пермского университета» Куликова. Когда мы свой номер выпустили, члены писательской организации не ожидали такой наглости, ругали нас. Радкевич выступил в газете «Звезда» с большой статьей «Объединение «Ваганты» или Сон из телеги».

Радкевич В. «Сон из телеги», или об антологии «Ваганты» // Звезда. 1972. 21 июня («... ни темы родного края с его людьми, его природой, ни студенческих строительных отрядов, ни даже самого университета мы не найдем, взгляд авторов – только внутрь себя... Что же видим мы? Литературно-музыкальные реминисценции Ф. Плотникова («Памяти Цветаевой», «Цыганка Равеля»), альбомные стишки В. Гохберга, его же зарифмованная нелепица «Идут белые

слоны», посвященная Е. Евтушенко, /.../ душщипательный гитарный романс В. Попова. /.../ И когда тот же автор /В. Гохберг/ пишет:

Словно сон из телеги,
Из зеленой дали,
Полный сумрачной неги
Слон поднялся с земли,

– то этот нездоровый бред еще не опасен для окружающих. Но когда следует продолжение:

Слон помашет ушами
И на небо взойдет...
А в далеком Вьетнаме
Бомба вниз упадет,

– то тут уж следует остановить разудалую руку молодого стихотворца!»).

После этого – опять собрание, опять попало Куликовой, она уже не выдержала: «Ребята, может, мы сменим название, или закруглимся, или еще как-нибудь?..» Но ей самой название очень нравилось. А потом я получил литературную премию газеты «Пермский университет» – за публикацию о джазистах (к нам приезжали джазисты с каким-то певцом) – мою единственную премию за всю жизнь.

Из воспоминаний В. Борозина (1970-е гг.): Кстати, интересно, что к нам ведь и Радкевич тоже приходил. И вот Радкевич-то хорошо говорил на обсуждениях. Он, помню, хорошо сказал о работе Чувызгалова. Черно-белая работа: месяц ноябрь, склон, земля черная, и вот – лист последний на ветке. «Вы же, – говорит, – ничего не понимаете, как надо смотреть искусство. Вы тут смотрите – листик, вам кажется. А я вижу миРЫЫ, которые дроЖЖАТ, готовые сорВАТЬСЯ!». Здорово ведь! Сразу же внушение какое происходит! Радкевича они (Решетов с Болотовым) уважали всю жизнь. Учитель наш, говорили.

Из воспоминаний В. Абашева (1986 г.): Да, когда я был в аспирантуре, в 86 году, я, по-моему, в январе или феврале приезжал сюда, в Пермь, и как раз было обсуждение в Союзе писателей рукописи Виталия [Кальпиди]. Я выступал в привычной своей роли апологета, литературоведа, и, хотя меня уже немного знали, у этих

людей не было никаких внешних причин считаться с моим мнением. Но меня поразило обсуждение. Я помню: Радкевич, Лепин... Кстати, Радкевич там был. Я видел его так близко. Это было воспаленное тоже, темное лицо, – и умные, пронизательные глаза на этом темном лице. Он сказал одну фразу лишь – что ему непонятно – да, талантливо, но почему «типография треснувших зимою губ»? Он не говорил много, одна фраза: почему, зачем, это не совсем внятный образ, я не понимаю. Я поправил: «Там «топография»». – «А, топография!». Все становится понятно: губы, покрытые трещинками, как топографическая карта всеми этими речками...

Из воспоминаний Ю. Асланьяна (1985 г.): А Радкевич – он на обсуждениях не бывал. Но однажды мы с ним встретились. Опять же Юра Беликов – нашел где-то телефон Радкевича, позвонил – тот нас пригласил к себе, мы пришли. Что меня поразило: очень небогатая квартира, и сам он такой бедный, замученный этой жизнью, бедно одетый. Жалко так мне его стало. Честное слово. Мы – такие молодые, и одевались хорошо, галстучки, рубашечки, такие веселые. А тут приходим – убитый жизнью, мрачный, с сигаретой. Жалко стало. Вот он взял наши стихи, сказал: «Ребята, стихи хорошие. Постараюсь их опубликовать – вот в «Вечерней Перми», я договорюсь» – пообещал. Жена его еще ворчала, я помню, заходила в комнату. И не опубликовал. А потом Юра звонил, в газету, еще куда-то – нам было сказано, что «поэтов университетских отличает идеологическая злость» и т.д. Жалко человека. Они его смолотили.

ЖИЗНЬ ПРОСТИ...*

Владимира Ильича Радкевича на последнем этапе жизни частенько можно было видеть часов в 11-12 дня на центральной улице Ленина в Перми одновременно в двух местах...

Он сидел на лавочке возле бани в окружении 2-3 человек своих поклонников в ожидании необходимой рюмки водки и возле нынешнего «Уралсвязьинформа», на фотографии – там находился стенд со снимками «Лучшие люди Пермской области». К последним он, безусловно, относился. Если кто-то в этом сомневается, прочитайте хотя бы это его стихотворение 1970 года:

Молодость
сочтя за преимущество,
только ей,
как божеству, кадим.
Надобно
особенное мужество,
чтоб не оставаться
молодым.

* Коротко об авторе:

РИЗОВ ДМИТРИЙ ГИЛЕЛОВИЧ, русский писатель, прозаик, журналист, член Союза писателей СССР (с 1990 г.), России с 1991 г. (род. в 1938, г. Ленинград). Живёт в Перми.

Родился в семье служащего. После школы-десятилетки учился в нефтепромысловом техникуме Бугуруслана (1959-1961 гг.). В Перми оказался по распределению после окончания техникума. Проявил себя в качестве рабочего корреспондента и в 1965 г. был приглашён литературным сотрудником в Пермскую областную газету "Молодая гвардия". С 1971 г. работал собственным корреспондентом газеты "Лесная промышленность" по Пермской области.

Начало литературной работы относится к 1968 г. Печатался в коллективных сборниках, в альманахах "Молодой человек", "Третья Пермь" (1999), "Кама" (2001), журнале "Уральский следопыт". С 1980 г. долгое время был постоянным автором журнала "Урал". После смерти писателя Н. Н. Вагнера в 1996 г. возглавил Пермскую областную (профессиональную) организацию Союза писателей России, которой руководил до 1998 г. Вторично на эту должность был избран в 2004 – 2007 гг.

За случайность дел
и мнений ложных,
за чужую тайную беду,
жизнь, прости...
Я старый твой заложник.
Был тобой, земля. К тебе иду.

Я всегда ощущал Владимира Радкевича, а особенно сейчас, как человека с трагедией в душе, косвенным доказательством чему было, например, его пристрастие к детективам. Он был сильно идеологизированным человеком, что, как я понимаю, мешало его творчеству. Синдром победительницы, владелицы истины в последней инстанции, насквозь пропитавший Россию, в конце концов, обрушил не только ее саму, но и многих людей, искренно разделявших со страной в ту пору свою человеческую судьбу. Радкевич с Родиной (как он понимал ее) ни в чем не расходился. Он писал искренние, страстные стихи о мужестве, о высоких целях нашей страны и ее граждан, о справедливости и личном долге, об истории, поднимающей в глазах ее граждан их родину. Он относил себя к строителям будущего, к самым преданным бойцам, чьим оружием было слово.

А в жизни все было не так однозначно. Незаметно возник разлом между тем, чем наполнял Радкевич немалую часть своих стихов, и тем, с чем он сталкивался в жизни на самом деле. Грозный разлом. Владимир Радкевич потому и пристрастился к детективам, что в них, замешанных на острых сюжетных ходах, торжествуют правда и справедливость: финалы детективов приносили минутную разрядку и его измученной в неразрешимых противоречиях душе.

В семидесятых годах он мало-помалу начинает преодолевать мешающую ему тенденциозность, создает ряд стихотворений, которые долго еще не устареют. Одно из них, памяти его свердловского приятеля Николая Куштума, заканчивается так:

К молчанью природы
привыкнув,
Ты сам расстоянье проверь
От нынешних
скорых прибытков

До будущих долгих потерь.
И все, что мы так потеряли,
Лишь дымом ушло в небеса.
Редуют леса на Урале...
Да если бы только леса!

Но с этой поры он пишет свои стихи все реже. Наконец почти замолкает. Не однажды очень близкий Владимиру Ильичу друг его Лев Иванович Давыдычев говорил мне:

– Ничего... Володя еще напишет такое, что вам, рахитам, и не снилось...

Но чтобы и дальше создавать хорошие стихи, ему требовалось изменить взгляд на цель, смысл и задачи того, что он делает. А он уже давно был зрелым мастером, совсем иным, чем, допустим, Алексей Решетов (оба они относились друг к другу с большим уважением). В отличие от Решетова, Владимир Радкевич не доверял движениям собственной души как важному источнику творчества. Он всегда подходил к тому, о чем писал, с некой обобщающей отстраненностью. Необходимость изменить свою поэтику (а значит, и саму свою человеческую натуру) встала перед ним слишком поздно. Сумма прожитой жизни не позволяла ему так изменяться. И он переключился на экспромты, которые начал создавать десятками. Он посвящал их друзьям и врагам, событиям, происшествиям, партийным, ГБешным и милицейским чиновникам. Его популярность была столь огромна, что он, записав очередной остроумный, едкий, колющий экспромт, допустим, посвящаемый секретарю обкома КПСС, мог тут же позвонить ему по телефону и прочитать вживую, чему я был свидетелем. Его экспромты «глotalи», относясь к поэту как к интеллектуальному, принадлежащему их собственной системе шуту.

Но нельзя, нельзя поэту слишком сближаться с властью, даже если она сама считает его своим.

Однажды я стал свидетелем драматической истории, как раз с этим связанной. В Пермь приехал И.В. Капитонов, секретарь ЦК КПСС, член Политбюро. В один из вечеров в театре оперы и балета состоялся большой концерт для гостя. Зал заполнила элита того времени. Концерт транслировался по телевидению. Владимира Ильича пригласили принять участие в концерте со стихами,

соответствующими событию. По фойе были «раскиданы» столики с коньяком и легкой закуской. Радкевича предупредили: пока не выступил - ни капли в рот... Он терпел. Выступил – это я видел по телевизору. А потом отправился наверстывать упущенное. И очень быстро в этом преуспел. А в фойе полно «людей в штатском». Они – вежливые и услужливые – к нему:

– Владимир Ильич, вам бы надо уйти. Вы заметно опьянели. Давайте, мы вас проводим...

И вывели его через служебный ход из театра. А сквер перед театром очищен от посторонних. КГБешное оцепление вдруг замечает: под стенами театра откуда-то возник слегка поддатый человек. Подозрительного субъекта вежливо передали второму оцеплению - милицейскому. Там его втолкнули в машину и увезли в вытрезвитель. Владимир Ильич требовал, чтобы его соединили с начальником милиции, генералом, с которым он был знаком, с кем-либо из секретарей обкома или горкома партии. Называл имена и фамилии, телефоны. Куда там!

Выпустили его лишь утром, наконец-то разобравшись, что к чему... Оскорбленный, униженный Владимир Радкевич – прямиком в Союз писателей. И в этот момент я туда же зашел. Увидел Радкевича, говорю:

– Володя, ты вчера замечательно выступил...

Он, посеревший от пережитого и бессонной ночи, услышал в моих словах издевку над собой.

– Я тебя, суку! Убью...

Бросился было на меня, но, получив столь же жесткий словесный отпор, обхватил голову руками и почти отчаянно:

– Удавлюсь... повешусь...

В тот момент, ничего не понимая, я повернулся и ушел. Больше ни разу не вспоминал при нем ни тот злополучный концерт, ни нашу с ним стычку. Как хорошо, что он нашел тогда силы взять себя в руки и не исполнить обещанное. А вскоре он подарил мне свою книжку с надписью: «Диме Ризову – с многолетними дружескими чувствами. В. Радкевич». Я очень ценю эту книжку. Ведь талантливая, несмотря ни на что, лирика Радкевича с тех пор прошла испытание смертью ее автора.

БЫЛ БОЛЕН ТЕМ, ЧЕМ ВСЯ ЗЕМЛЯ БОЛЕЛА*

На вечер памяти, посвященный 70-летию со дня рождения замечательного уральского поэта Владимира Радкевича, народу в Дом писателей пришло много.

Звучала лирика Радкевича, поэты читали свои посвящения ему: для многих из нас он являлся не просто мэтром, старшим товарищем по перу, но и наставником, и рекомендателем в писательский Союз. Вспомнили житейские эпизоды, особенно той поры, о которой он писал: "Я забывал, где день, где ночь. Был старомоден, будто фикус в кадке. Чрезмерно буен, до вина охоч. Имелись и другие недостатки".

Поднимается известный в Прикамье фотокорреспондент Валерий Кетов и рассказывает:

* Коротко об авторе:

СМОРОДИНОВ МИХАИЛ РУВИМОВИЧ (РОМАНОВИЧ) (24.12.1943, г. Пермь – 11.07.2006, г. Пермь). Русский поэт, журналист, публицист, член Союза писателей СССР (с 1978 г.), России с 1991 г. Член Союза журналистов.

Родился в Мотовилихе, в рабочей семье. В двенадцать лет начал писать рассказы о животных, чуть позже – стихи. После школы окончил авиационный техникум им. А. Д. Швецова. Первые стихи были опубликованы в 1961 г. Длительное время посещал литературное объединение при Пермской областной писательской организации. Являлся литературным сотрудником газеты «Мотовилихинский рабочий».

В конце 1960-х, начале 1970-х испытал сильное благотворное влияние талантливого пермского писателя Алексея Домнина, с которым связывала многолетняя дружба и которого считал своим литературным наставником. Многие годы проработал в областной газете «Звезда», делал обзор поэтической почты, вёл литературную страницу, писал журналистские материалы, был склонен к боевой и злободневной публицистике. Отстаивал и популяризировал творческий дух и культуру писателей старшего поколения, их ответственное отношение к художественному слову. В смутное время начала 1990-х внёс ощутимый вклад в сохранение и поддержание здоровой творческой атмосферы в писательской среде Перми. В 2002 г. выступил редактором-составителем книги бывшего первого секретаря Пермского обкома КПСС Б. В. Коноплева «Убеждений своих не меняю».

"Как-то давным-давно Володя Радкевич заглянул в мою фотомастерскую. Хорошо посидели. Уходя, Володя забыл свой пиджак, и у меня не было случая его вернуть. Теперь он появился. Передаю пиджак сидящему в зале... Владимиру Радкевичу".

Присутствующие переглянулись: никак у мужика с горя извилины спрямились. 1997-й год на дворе, минуло десять лет, как проводили поэта в скорбный путь. Какому Радкевичу собирается Кетов вернуть позабытую вещь?

Валерий развернул и встряхнул коричневый в белую полоску пиджак поэта и вручил его смущенному мальчишке лет десяти. Господи, да ведь это и впрямь Володя Радкевич, внук поэта. Вот он, сидит рядом с бабушкой – женой Владимира Ильича Зоей Ивановной. Однажды в разговоре со мной она, гордясь внуком, сказала, что тот любит рифмовать: гены, мол, проявляются через поколение.

Володя уткнулся лицом в дедов пиджак, потом надел его. И весь вечер не снимал, хотя пиджак с широких плеч Поэта ему был явно велик.

Этот эпизод врезался в память скорее всего потому, что в 60-70 годах большинство начинающих пермских поэтов "примеряли" творческие "одежки" Радкевича, хаживали в его подмастерьях. А сам он, далеко не паинька, пиджачной полкой своей славы нередко прикрывал молодых от идеологических громов и молний: мнимых и действительных нарушений "линии партии" в творчестве молодых в "послеоттепелевую" пору было предостаточно.

Творческий ликбез Владимир Ильич проводил своеобразно, чаще всего – один на один, и лишь в чрезвычайных случаях – на людях, публично: с трибуны или с газетной страницы. Характерный пример начала 70-х годов.

Сидим с Радкевичем в его кабинете. Володя курит одну "беломорканалину" за другой. Жена – Зоя Ивановна – бренчит кастрюлями на кухне. Дочери-погодки Люся и Лида играют в соседней комнате. А мы сражаемся в шахматы. "Сражаемся" – не то слово: Радкевич играл на уровне первого разряда и даже давал мне фору, сняв с доски своих слона или ладью. И все равно побеждал.

Проигрываю, злюсь. Володя, отвлекая от шахматных переживаний, меняет тему:

– Коля Вагнер (Николай Николаевич тогда работал в книжном издательстве) дал мне почитать рукопись твоей книжки "Пять утра". Я за то, чтобы ее издать. Но меня коробит заглавное стихотворение. Его будто старик писал: "Есть у памяти нашей жестокие странности: возвращать позабытые боль и тоску, сохраняя в них всю остроту первоизданности". Жестокие странности – это книжность, манерничанье. Стихи о первой любви, о чуде, а ты это чудо в первых строках успел обобщить, пронумеровать. В поэзии, как в любви: одна фальшивая нота – и нет больше доверия.

Последнюю фразу он и в рецензии на мою книгу "Пять утра" написал, так что цитирую ее дословно. Заключенная в ней мысль – не от лягушачьей холодности ума, а от глубокой выстраданности. Пронзительная первая любовь самого Радкевича была убита именно "фальшивой нотой". Об этом он с беспощадным мужеством написал в "стихах о семейной жизни":

Хоть ты молчи,
хоть ты кричи -
Ни ночи нет, ни дня.
Глядели круглые зрачки
Куда-то сквозь меня...
Она рядила вкривь и вкось,
Всему была судья.
А ночью, как собаке кость,
Бросала мне себя...

Но феномен "несчастливой" любви в том, что она дарит поэту гораздо больше мгновений творческого горения и пронзительных строк, нежели "счастливая". Как ни грустно сознавать это, но душа человека, по словам Радкевича, мужает в несчастьях, в сопротивлении судьбе, и бедами не только омрачается, но и высветляется. В этом убеждают его произведения, написанные в годы душевных потрясений, так сказать, этапные. Например, тот же цикл стихов о любви.

Владимир Ильич много работал над стихами: это лишь эпиграммы как бы выпархивали из-под его пера, а многие он и вообще не записывал. А лирику не спешил нести в печать, читал

друзьям, мог позвонить среди ночи, похваставшись: слушай, какое стихотворение получилось!

По-иному – строже, глубже – зазвучал голос поэта после смерти его матери в январе 1967 года:

Без мамы я жить не умею,
Но черную яму – насыть...
Как в сказке, по грудь каменею,
И трудно мне камень носить.
Как страшно ветра голосили
На проводах белого дня!
Как будто частица России
Навеки ушла от меня.

Мама Радкевича и отец были учителями. Родился он на Смоленщине в городе Белом 24 апреля 1927 года. В 41-м был эвакуирован в Башкирию, где закончил десятилетку и, приехав в Пермь, поступил на историко-филологический факультет госуниверситета. Получив в 1949 году диплом, работал заведующим клубом, инспектором областного отдела культуры, корреспондентом различных газет, радио. В 1959 году был принят в Союз писателей.

Из сухомятки анкетных данных много не почерпнешь для понимания человека. Взять хотя бы факт: "работал завклубом". Радкевич слово "завклуб" почему-то не любил, предпочитал "избач". И, побывав специальным корреспондентом "Звезды" на перекрытии Камы в Чайковском (в 1961 году), написал в стихотворном репортаже в главе о старой Сайгатке следующее:

...Ты позабыть меня неволишь
И мне не веришь нипочем,
Что я семь лет назад
всего лишь
В селе работал избачом.
Писал частушки и плакаты
И "всем искусством"
ведал тут"...

Вот это и значит, что "биография поэта – в его стихах". Но чаще-то в них – биография времени. Друг Владимира Ильича известный

писатель Лев Давыдычев, соученик по университету, а позднее и сосед по дому, вспоминал о раннем Радкевиче:

"Учился он хорошо, был именованным стипендиатом, много занимался спортом (волейбол и шахматы), еще больше времени отдавал стихам. Нам, конечно, больше всего нравились эпиграммы на преподавателей. С удовольствием распевали в университете песню на его слова "Ива". (Может, кто-то из читателей помнит ее текст и пришлет в редакцию – М. С.). Стихи Радкевича нравились многим, но не на всех он производил впечатление серьезного человека, и скорее всего потому, что и не пытался им выглядеть".

Конечно, может ли "казаться серьезным" пишущий эпиграммы? Да еще в пору, когда властвовал "барабан".

"Диссидентом", как таковым, Владимир Ильич никогда не был. Раздражал его не строй, а "начпупсы", полагавшие, что с высот должности можно руководить всем и вся. Местную номенклатуру, вплоть до секретарей обкома, Радкевич одарил эпиграммами разной степени стервозности, так сказать, в зависимости от "заслуг". Особо доставалось дамочкам, "руководителям от культуры". Об одной, которая про себя говорила, что она не женщина, а партийный работник, Володя выдал такой перл:

Я обкомов не боюсь.
На партдамочке женюсь.
Буду щупать сиськи я
Самые марксистские.

Радкевич утверждал, что истинность поэта проверяется его отношением к женщине. Сам он к женщине (не "партработнику"!) относился целомудренно, восхищенно, достаточно вспомнить его стихотворения "Трактористка", "Приехали финны", "В клубе сегодня танцы" и многие другие. А его жизнь и стихи были едины. Потому-то Радкевич язвительно высмеивал тех, у кого сущность расходилась с поэтическим словом. Так, одного из виршеплетов, воспевающих в стихах чистоту, "дивные очи", "медвяные груди", он "прихлопнул" эпиграммой:

Любимая моя!
Тебя в стихах
Всегда одну

и целовал, и миловал.
Потом повел
на половецкий шлях
И там тебя
в канаве изнасиловал.

– Какой подонок! – возмущался в разговоре со мной Владимир Ильич. – Он предлагал мне переспать с его женой, лишь бы я дал ему рекомендацию в Союз писателей.

Давление обозленного Радкевича было таково, что соискатель писательского билета был вынужден уехать из Перми.

О самом Радкевиче, особенно о его невоздержанности в отношении спиртного, легенд и сплетен ходило немало. Он и вправду мог, остограммившись, устроить импровизированный поэтический вечер, читая стихи на перекрестке улиц Ленина и Карла Маркса (Сибирской), наискосок от СП, располагавшегося тогда в Доме журналиста. Слушателей собирались толпы. И милиционеры не спешили "наводить порядок", поскольку и среди них были любители поэзии Радкевича – смелой, раскованной.

"Хулиганистость" – в его характере. На одном из творческих вечеров Радкевич вышел на сцену, держа в руках лист бумаги. Зал заинтересованно смолк: все знали о феноменальной памяти Владимира Ильича, он мог читать наизусть сотни стихотворений, своих и собратьев по перу, и шпаргалками никогда не пользовался. Глядя в бумажку, шамкая и шепелявя, Радкевич стал читать свое известное стихотворение "У колодца". Зал подсказывал "забывчивому" запинаящемуся чтецу, уловив в его хрипотце характерные нотки речей стоящего в ту пору у кормила Леонида Ильича Брежнева.

Кто-то "капнул" потом на Радкевича, и его шпыняли на обкомовском "ковре". Но такие выходы он позволял себе редко: слишком трепетно относился к поэзии. Конечно, окажись на его месте кто-то другой, легким внушением не отделался бы. Однако отношение к Радкевичу было особое. Он настолько сжился с землей Прикамья, столь глубоко врос поэтическими корнями в нее, что и сам стал, в какой-то мере, ее символом, а его стихи – визитной карточкой

поэзии Урала. Творчество Радкевича высоко ценили Ярослав Смеляков, Борис Ручьев, Николай Старшинов.

Никто из поэтов Прикамья не написал так и столько о Каме, Перми, Урале, как Радкевич. Любовь к земле, ставшей ему родной, давала силы жить:

От злого глаза,
от чужой отравы,
От равнодушья к другу
и врагу
Меня спасут языческие травы
На камском
древнерусском берегу.
Затмит мои ошибки
и промашки,
Кромешное семейное житье
Негромкий запах
беленькой ромашки -
Лекарство предпоследнее мое.
Сиянье неба
над безлюдным полем -
Такая голубая глубина!
И я здоров. А ежели и болен,
То – только тем,
чем вся земля больна.

Российская земля в начале семидесятых "болела" борьбой с пьянством и алкоголизмом. "Несанкционированные" хмельные выступления Радкевича обсуждались на писательском бюро. Хотя приверженцев "сухого закона" были единицы, решили предложить Владимиру Ильичу пройти курс лечения в наркодиспансере у Кигеля. Вроде бы благое намерение – спасти талант. Тем более, что ситуация сложилась критическая.

Городу вручали орден Ленина, приехал Устинов. На церемонии вручения в театре оперы и балета Радкевич читал проникновенные стихи о Перми, а потом в фойе, где были накрыты банкетные столы, взобрался на стул и устроил импровизированный поэзоконцерт. Хотя

он и не был пьян, его, как говорится, под белы ручки вывели через черный ход двое товарищей в штатском.

Замаячила "статья", и ответственный секретарь писательской организации Олег Селянкин позвонил в наркодиспансер. Так Радкевич попал в больницу на улице Революции. Не могу утверждать, что Володю прицельно "упрятали в психушку", возможно, это какой-то медицинский казус. Но, якобы "выводя из буйства", его за два-три дня загнали в такую депрессию, что вытягивать из нее пришлось почти два года. (Кстати, недавно я спросил Б. В. Коноплева, не по указке ли "упекли" Радкевича в лечебницу? Борис Всеволодович даже возмущился: "Да вы что? Мне докладывали, что он болеет. Но то, что он в психушке, я тогда не знал").

Придя к Радкевичу в больницу, мы с Николаем Николаевичем Вагнером его просто не узнали. Прежде "реактивный", всем живо интересующийся, он как бы потух: в оболочке поэта, одетого в серую больничную униформу, квартировал совсем другой человек. И потом, после больницы, он трудно возвращался к самому себе. В 1976 году в стихах, посвященных Алексею Решетову, Владимир Ильич посетовал первой строкой: "Какой-то буйный дар утрачен".

По пятам за поэтом полз шепоток: "Перегорел, исписался".

Окружение литературных прихлебателей, греющихся в лучах чужой славы, отхлынуло от него. А Радкевич работал – самозабвенно, искренне, одухотворенно. Он и впрямь любил не себя в поэзии, а поэзию в себе:

О вы, мои непьющие стихи!
Я ждал от вас
совсем-совсем иного.
Вы что-то подозрительно тихи,
Как родственники
в комнате больного.
Ах, болен я?
На это мне плевать.
Ведь мы подвластны
не домашним бурям.
Еще мы будем женщин
целовать,

Еще не раз, друзья,
набедокурим!

И "бедокурил", раздарив множество эпиграмм собратьям по перу, артистам, художникам. Впрочем, это тема особого разговора. Однако одну из эпиграмм хочется процитировать, поскольку в ней ярко выражена позиция Радкевича как поэта. Было так. Редактор журнала "Спутник "Крокодила" Геннадий Семенов написал про поэта: "Володька Радкевич в дерзаннях неистов. Такое спроворить сумел только он. Воспел он всемирно, как сад Декабристов, любимый пьянчугами "козий загон". Радкевич ответил:

Ну, дорогой товарищ мой
Семенов!
Ты безнадежно пал
в моих глазах.
Козлу везде
мерещатся загоны.
Орел парит
свободно в небесах.

Радкевич свободно парил в небесах поэзии. Многого, конечно, недосказал, рано уйдя из жизни. Видимо, свой уход предчувствуя, на последних в Прикамье Днях литературы народов СССР в 1987 году безоглядно раздаривал книги, особенно пермские книжки-малютки, друзьям из Москвы, из других республик. Кстати, в том году Владимир Ильич был награжден орденом "Дружбы народов", для которой впрямь сделал немало, особенно в переводах стихов татарских, башкирских, коми-пермяцких поэтов. Его поэтические книги – их вышло около двадцати – читаемы, любимы. Он щедро раздаривал свой талант. И с годами начинаешь понимать, как сильно сейчас его не хватает вживе – талантливого, умного, ироничного, душевного, по-настоящему красивого человека.

К сожалению, книги Владимира Радкевича давно не переиздаются. Но есть уверенность, что его творчество в родном Прикамье обязательно будет востребовано. Он вернется.

2. (Продолжение статьи) Публикация под таким названием, рассказавшая о жизни замечательного уральского поэта Владимира

Радкевича, вызвала немало читательских откликов. Многих взяться за перо побудила просьба редакции прислать текст студенческой песни Владимира Ильича "Ива". Некоторые не только выполнили просьбу, но и поделились воспоминаниями о поэте, прислав его прежде не публиковавшиеся остроумные эпиграммы и даже стихотворную публицистику, рассказав историю возникновения некоторых произведений Радкевича.

"Иву" я полюбил еще первокурсником, – вспоминает в своем письме редактор сивинской районной газеты "На родной земле" Владимир Демидов. – И храню ее в душе, хотя с поры студенчества миновало почти полвека. Мы распевали эту песню в Кишертском районе, куда нас от университета посылали на уборку картошки, а потом – на целинных землях Алтая и Казахстана и в Перми, на студенческих вечеринках. Пели самозабвенно, с цыганским надрывом, особенно две последние строчки. Мелодия принадлежала выпускнику геологического факультета Владимиру Балалаеву, который сам же ее и исполнял. У него был прекрасный баритон.

Несколько слов – об атмосфере нашей студенческой жизни, в которой творил Владимир Радкевич. Университет был центром притяжения творческих сил Перми, чем-то вроде политехнического института для московских "шестидесятников" – Вознесенского, Рождественского, Евтушенко. У нас тоже были свои кумиры, и главным, вероятно, был Радкевич, до сих пор не превзойденный никем в Прикамье. Мы с обожанием смотрели и на прекрасного аккомпаниатора – пианиста Бориса Облапинского, и на руководителя университетского народного хора Василия Волкова.

А народным театром руководил только что приехавший в Пермский драмтеатр молодой артист Марк Захаров, ныне – известнейший театральный режиссер. Это с его благословения ушел на профессиональную сцену студент юрфака Георгий Бурков, бывший для однокурсников просто Жоркой.

В этой творческой ауре Радкевич был своим человеком. Известный поэт, он как бы не замечал своей известности, оставаясь для студентов добрым товарищем. Его фигура в длинном черном пальто часто мелькала в разных концах Перми, на встречах любителей поэзии. Ночью он мог, после дружеской попойки, запросто

завалиться к нам, в студенческую "общагу" на улице Елькина. Я жил тогда в комнате с юристами-четверокурсниками. Владимир не раз бывал нашим ночным гостем, поскольку обитали мы на первом этаже. Дверей он не признавал, влезал в окно. Мы боготворили опального в ту пору Есенина, и для нас Радкевич ассоциировался с образом этого поэта.

О Владимире Ильиче ходило много кривотолков: он-де и дебошир, и бабник, и допивается до белой горячки. Что-то в слухах было отголоском истины, но чаще – домыслом. Через призму лет ясно главное: Радкевич – просто поэт, Поэт от Бога".

Выпускник историко-филологического факультета ПГУ 1951 года Леонид Кочев, приславший свой вариант текста "Ивы", тоже вспоминает царившую на стыке 40-50-х годов атмосферу творчества, дружбы, высокой духовности и некоторого "гусарства".

– В нашей группе учились друзья Владимира Радкевича, люди неординарные, – рассказывает Леонид Иванович. – Лев Давыдычев, Алексей Домнин, Андрей Ромашов позднее стали профессиональными литераторами, членами Союза писателей. Студентами нашей группы были Николай Кустов, будущий редактор пермской "Вечерки", Инна Быкова – впоследствии секретарь обкома КПСС. Товарищеские отношения с однокашниками Владимир Ильич сохранял всю жизнь.

А в студенческую пору он много времени отдавал стихам, спорту: доводилось встречаться с ним на волейбольной площадке и за шахматной доской. В нем привлекали азарт, искренняя заинтересованность событиями и людьми. Как игрок, Владимир был в любом деле нацелен на победу. В том числе и в преферансе, за которым, бывало, просиживал с однокашниками целые ночи.

Его соавтор по "Иве" Владимир Балалаев, удивительный композитор и певец, тезка – тоже Владимир Ильич, был дружен с Радкевичем житейски и творчески. Балалаев тоже рано ушел из жизни. Кстати, песню двух Владимиров поют до сих пор не только пермские студенты-филологи, но и в далекой Сибири, куда мы увезли ее после окончания университета. В 56-м году, когда я вернулся в Пермь и рассказал Балалаеву, что "Ива" прижилась и на сибирской земле, композитор был искренне рад.

Текст песни прислали нам и другие выпускники ПГУ: Маргарита Черкасова из Перми, Елена Шадрина из Березников, Сергей Иванов из Кунгурского района. Увы, разночтений очень много. Например, первая строка в разных вариациях звучит так: "Зелень веток склоняя игриво"; "Концы веток склонив пугливо"; "Зелень веток склоняя шутливо". Какой же текст – авторский, а не, так сказать, "народный", переиначенный памятью и исполнителями?

Публикуем "сборный" вариант "Ивы", уточненный дочерью композитора Балалаева Мариной Владимировной:

Зелень веток склонив пугливо,
Над прозрачной водой ручья
Молодая стояла ива,
Одинокая и ничья.
Но задорный юноша-ветер
Из далеких заморских стран
Как-то летней порой приметил
Гибкой ивы девичий стан.
Пел он ласково ей и нежно,
О любви о своей шептал,
То задумчиво, то небрежно
Косы девичьи расплетал.
То весенней ласкал прохладой,
То горяч, словно солнца огонь...
И шептала она: "Не надо",
Говорила ему: "Не тронь".
Но осенней порой дождливой
У взволнованного ручья
Отчего же ты плачешь, ива,
Одинокая и ничья?

– Владимир Радкевич довольно часто бывал у нас, – рассказывает Марина Владимировна Карпычева (Балалаева). – Читал свои новые стихи, "обкатывал" их на слушателях. У него была мудрая и всегда молодая душа, влюбленная в красоту. Хотя он и утверждал, что "надобно особенное мужество, чтоб не оставаться молодым", "племя младое, незнакомое" его привлекало.

Однажды после разговора о "пропасти", делящей поколения, он позвонил по телефону в пять утра и прочитал мне стихотворение: "О, девушки с бровями соболиными! Не смейтесь вы над нашими сединами..." Искренний, пронзительный, Поэт с большой буквы, рыцарь правды. Этим дорог и близок. А его "Ива", написанная совместно с моим отцом, на мой взгляд, остается лирическим символом поколения влюбленных романтиков, так много сделавшего замечательного. Она до сих пор остается одной из моих любимых песен.

Эпиграммы Владимир Радкевич иногда называл спортивным термином – "блицы". "Выдавал" он их мгновенно, насыщая чувством, улыбкой, мыслью. Записывал их редко, но запоминались они слушателям с лету – афористичностью, остроумием, парадоксальностью.

– Это было в 1983 году, – рассказывает народный артист России Виктор Саитов. – Мы сидели с Владимиром Радкевичем в приемной обкома КПСС, ожидая вручения премий: Володя – за книгу стихов, я – за какую-то роль. Перед этим на экраны вышел фильм "Большая малая война", в котором я играл роль Фрунзе. Владимир неожиданно спрашивает меня: "Вить, тебя ведь в кино-то не убили?" – "Нет", – говорю.

Радкевич достает блокнот, ручку и через минуту вручает мне эпиграмму:

В кино, по счастью, так бывает,
Что и Саитов выживает.
Мы видим неубитого
Виктора Саитова.
Но он в Перми в театре робит,
И тот театр его угробит.

Многие эпиграммы Радкевича посвящены актерам, театру, кино. За его отношением к определенным личностям, запечатленным в строках, видится его жизненная суть поэта и человека определенных, "старомодных" взглядов. Вот эпиграмма "Бондарчук в роли Годунова":

Немало лет он
царствовал спокойно,

Но вел себя при этом непристойно:
Все роли в фильме
роздал приближенным,
А в том числе –
и двум любимым женам.
Поэтому, ища пути иного,
Вся Русь восстала
против Годунова.
Ведь истина
по-пушкински проста:
"Да, жалок тот,
в ком совесть не чиста".

Беды театра Радкевич тоже пропускал через сито иронии, что особенно заметно в "Монологе молодого актера":

Нет, мной мечта
не предана, не продана,
В театре
не ищу особых льгот.
Я честно говорю,
что "кушать подано",
Но кушают – меня.
Который год!

"Блицы" поэта были яркими, как вспышки, и могли "пришпилить" того или иного типажа, как бабочку булавкой. Например, эпиграмма об очень любвеобильном Н.:

Лишь юбочку ему
увидеть стоит –
Бежит за нею,
как сперматозоид.

Много эпиграмм Радкевича сохранил в памяти пермский поэт Федор Востриков. Значительная их часть касается литературного творчества, своеобразной "критики критиков". Таким видится "блиц", адресованный Станиславу Рассадину, заявившему, что "критика поэзии, по слухам, лучше самой поэзии":

Статьи – куда стихов полезней!
И жжется мысль в мозгу, как ссадина.

Заместо всяческой поэзии
Читайте опусы Рассадина.
Вам будет очень много дадено:
Поэзия в том споре скисла.
По слухам, и в статьях Рассадина
Пока ни рифмы нет, ни смысла.

"Больной" для поэта была и тема трезвости. Любопытна в этом отношении эпиграмма, посвященная Евгению Вагнеру, в ту пору еще не академику, но уже председателю городского общества трезвости. Сам Вагнер относился к этой улыбке поэта с полным пониманием:

Профессор Вагнер
побывал в Шри Ланке,
Гонял чаи
с индийскими людьми.
Он всю Шри Ланку
отучил от пьянки,
Но трезвых не прибавилось в Перми.

Годы горбачевской перестройки видел тоже через призму эпиграмм:

Кунаев, Гришин –
скажем без злословья –
Ушли "по состоянию здоровья".
Но если "столп" такой
поста лишается,
Здоровье у народа улучшается.
* * *

Любой начпупс с трибун
не первый год
За перестройку нас зовет бороться.
Но перестройка в ведомствах идет
С отрывом, так сказать,
от производства.

Вероятно, убийственные итоги перестройки подвигли бы поэта на новые "блицы", но в 1987 году он умер в машине "скорой помощи", везущей его из Усть-Качки в Пермь. Подозревали инфаркт, а на деле открылось внутреннее кровотечение.

Владимир Радкевич не был "книжным" писателем, ему всегда было необходимо быть в гуще людей, "болеть тем, чем вся земля больна". Он всегда спешил на помощь, когда человек вдруг оказывался в беде, поддерживая не только словом, но и житейски, "полтинником взаимы" и личным участием.

– Летом 1985 года я рассказал Владимиру Ильичу о несправедливости, которую творит партийное руководство Чермоза по отношению к двум местным преподавателям – Александру Тараканову и Николаю Алфимову, – вспоминает член СП РФ Федор Востриков. – Услышав, как чиновники "наезжают" на критикующих их правдолюбков, подводя тех под уголовное дело, Радкевич возмутился: "Негодяйство! Собирайся, поедem в Чермоз!"

Взяли в Союзе писателей командировки и вылетели в Чермоз. Местное руководство узнало о прилете ведущего поэта Прикамья и прислало на аэродром черную "Волгу". Приехали за нами на светлом потрепанном "москвичонке" и сами учителя. И вот меня поразил демарш, устроенный Радкевичем. "Мы на черных машинах не ездим, – сердито сказал он встречающим партфункционерам и демонстративно двинулся, прихрамывая, к "Москвичу".

Участие Радкевича в защите учителей, его обращение в обком к Инне Павловне Быковой, к начальнику областного УВД Мажуре в значительной мере предопределили благополучный развал сфабрикованного дела.

После публикации статьи о поэте многие читатели рассказывали по телефону подробности некоторых эпизодов, уточняя и дополняя их. Увы, "никто не обнимет необъятное", тем более – жизнь такой неординарной личности, как Владимир Радкевич.

В заключение хочется ответить на вопрос читателя А. Антипьева из Березников: "Пишет ли стихи Володя Радкевич, внук знаменитого поэта?"

В детсадовском возрасте – сочинял. А сейчас – неизвестно. В прошлом году вместе с бабушкой Зоей – женой Радкевича Зоей Ивановной и мамой Лидией Владимировной Володя уехал погостить в Грецию, где живет с семьей старшая дочь Радкевича Людмила.

Теперь Володя учится там в одной из афинских школ. Семейство Радкевичей благополучно пережило прошлогоднее

землетрясение в Афинах. Когда надумают вернуться в Пермь – неизвестно. Зато теперь в Греции и вправду есть все, даже Владимир Радкевич. А у нас в Перми и улицы имени этого замечательного уральского поэта нет.

ЛИРИКА И. МИНИНА В ПЕРЕВОДЕ В. РАДКЕВИЧА*

Классик коми-пермяцкой литературы Иван Минин и пермский поэт Владимир Радкевич, согласно воспоминаниям, были не только хорошо знакомы, но и дружны: творческие контакты подкреплялись личными связями, взаимным интересом к создаваемым одновременно произведениям.

Жизненные пути редактора окружного радио Ивана Минина и инспектора областного отдела культуры, сотрудника многотиражной газеты «Лесник Прикамья» и областной газеты «Молодая гвардия» Владимира Радкевича пересекались неоднократно. Их роднит не только среда обитания – Прикамье, но и известная общность судеб горожанина и крестьянского сына. В годы войны сын учителей будущий филолог Владимир Радкевич научился обращаться с лошадью, убирал хлеб вместе с деревенскими ребятами. Он не раз вспоминал, как после летней и осенней страды получил первый свой гонорар натурой – мешок зерна и гороха – бесценный дар в те голодные времена. Весь путь до дома он не шел, а почти бежал – ему не терпелось поставить перед матерью первый свой заработок.

Владимир Ильич Радкевич (р. 1929) не раз занимался переводами стихов коми-пермяцких поэтов, современники считали его первооткрывателем коми-пермяцкой поэзии для русского читателя. Он переводил стихи Михаила Вавилина и Степана Караваева, Ивана Минина и Николая Попова, других поэтов Пармы.

В. Радкевич любил и знал родные места, в том числе и Коми край, создал его лирические пейзажи, такие, например, как «Кува осенняя» (1958), посвященная прозаику, поэту, журналисту Ивану Минину: «Не плывут по Куве, / чуть кивая, кувшинки, / Не вплетаются в волны / лучей паутинки. / И, как летом, с полей / зацветающей ржи / Не летят по утрам над Кувою / стрижи».

В том же 1958 году он адресовал своему сверстнику Минину (р. 1926) стихотворение «Из прошлого», в котором рисует обобщенный

* Сыстерова Татьяна Ивановна, студентка, Пермский государственный педагогический университет, г. Пермь

пейзаж «заплаканной» Пармы: «Кривое оконце, нужда, недороды. / Землица – скупая, как слезы народа. / Нет, прошлое разве забудется скоро? / Как чистые слезы – озера, озера». В коллективных сборниках «Солнце над Пармой» «Приближение к Уралу» опубликованы переводы стихотворений Ивана Минина Радкевичем «Рассказ комбайнерки», «Едет врач в поселок», «Осенняя лирическая». В двухтомную антологию «Поэты Урала» включены «Село Сума», «Тыгай», «Предчувствие лета».

Особенность переводов Владимира Радкевича в том, что они сделаны с подстрочника, иначе с пословного перевода художественного произведения на другой язык. Подстрочник, использовавшийся Радкевичем, имел особую природу: он делался автором оригинала. Как и все коми-пермяцкие писатели, Иван Минин был билингов, мог впоследствии также оценить качество звучания на русском языке; в силу личного знакомства, прочитать и дать почувствовать звучание оригинала переводчику. Все это определило близость оригинала и перевода.

Интересен принцип отбора текстов. Владимир Радкевич переводит ряд фабульных произведений, в которых содержится история человека, переломный эпизод его жизни. Именно такие стихи сделали поэзию самого Владимира Радкевича популярной. Они помнятся до сих пор: «Трактористка», «У сельских учительниц», «В клубе сегодня танцы», «Однорукий печник», «В утренней электричке», «Уличная история».

В стихотворении Ивана Минина «Рассказ комбайнерки» речь идет о том, как почтальон приносит в дом Алены газету со статьей о ее трудовом подвиге. Текст контрастирует с «Трактористкой» В. Радкевича – рассказом о несчастной судьбе прежде знатной работницы.

«Едет врач в поселок» И. Минина перекликается с трогательными строчками стихотворения В. Радкевича «У сельских учительниц». В том и другом случае речь идет о юных женщинах, которым поэты предрекают счастливую судьбу.

В. Радкевич создал немало лирических пейзажей. Закономерно, что он отобрал для перевода и стихотворение Ивана Минина «Арся лирической» («Осенняя лирическая»). Сравнение

оригинала, подстрочника и перевода позволяет показать их сходства и отличие, приемы работы переводчика.

Кельдотом листтэз киссьоны му выло
Увядшие листья падают на землю
Ковьясьö видззез весьтын руд туман.
Развевается над лугами серый туман.
И клин туриэзлön кытчöкö лэбзьö ылö
И клин журавлей куда-то летят далеко
И пöткаэзлön лэбзьö караван.
И птиц летит караван.

Сравним перевод Владимира Радкевича:

Сухие листья падают на землю,
Туман белесый стелется над ней.
Иду я по земле родной и внемлю
Пронзительному крику журавлей.

Владимир Радкевич сокращает исходный текст: из семи оригинальных строф остается четыре. В первой из них передаются ощущения героя, означенного местоимением «Я». У Минина «Я» отсутствует не только потому, что в коми-пермяцком нет категории рода: его стихотворение начинается подчеркнуто объективно.

Вторая строфа совпадает с оригиналом: опавшая листва, элегическое настроение, перерастающее в думы о Родине.

Сулалö вöр, зэв пемыт и угрюмöй,
И гажтом сын пуэзлön шушкöм.
Но гажа менам Родина любимöй,
Счастливöй сылись кыла сералом.

Стоят леса, пусты и молчаливы
Иссечены ветрами вперехлест.
Но песню, хоть осеннюю, счастливой
Ты сделал, край мой, вставший в полный рост!

Далее появляется образ Иньвы, очень индивидуальный: В. Радкевич бывал в Коми крае не раз, Иньва и прежде воспевалась им в стихах.

Иван Минин, сын крестьянина, пишет и об урожае, о трудовом подвиге земляков. Радкевич говорит об этом лаконично, в одной строке: «все амбары ломятся от хлеба».

Можно заметить, что Владимир Радкевич акцентирует лирическое начало: он лирик по природе дарования. Иван Минин – больше эпик, ему ближе объективное. Общее в оригинале и переводе: элегическое (грустное) настроение начала сменяется утверждающими мотивами, которые у Ивана Минина звучат публицистически.

СУДЬБА И ПОЭЗИЯ БОРИСА ПАСТЕРНАКА *

в интерпретации Владимира Радкевича:

методические рекомендации // Журнал «Филолог», 2005, № 7. С
сайта <http://philolog.pspu.ru>

Важным фактом биографии Бориса Пастернака была служба в 1916 году на уральских химических заводах (Всеволодо-Вильвенском и Ивакинском), принадлежавших в то время вдове Саввы Морозова Зинаиде Григорьевне, во втором браке Резвой. Весьма подробно рассказывает двадцатилетний поэт о своей жизни в поселке Всеволодо-Вильва, где находилась контора имения и заводов Резвой, в письмах родителям (кстати, поселок этот, несмотря на то, что находится в глухой провинции, в свое время не был обделен вниманием знаменитых деятелей русской культуры: А. П. Чехова, И. И. Шишкина, И. И. Левитана, Н. Г. Нестерова, Д. И. Менделеева, В. И. Немировича-Данченко и других – благодаря хозяину заводов, известному промышленнику и меценату). Первое письмо из Всеволодо-Вильвы, в котором он сообщает, что «скоро неделю уже здесь», датировано 21-24 января, последнее – примерно от 22-23 июня. Пастернак приехал сюда в разгар Первой мировой войны по

* Коротко об авторе:

ШЕНКМАН ВАЛЕНТИНА ИЛЬНИЧНА (17.01.1966, пос. Куеда Перм. обл.), филолог, преподаватель русского языка и литературы.

В 1989 г. окончила филологический факультет Перм. госун-та. Работала учителем русского языка и литературы в общеобразовательных учреждениях г. Перми и Перм. обл. С 1998 г. — гл. методист по русскому языку Перм. областного ин-та повышения квалификации работников образования (ПОИПКРО).

С 1998 г. активно занимается теоретическими и методическими вопросами лингвистического краеведения, методическими вопросами литературного краеведения, принимает участие в науч.-практических конференциях по проблемам лингвистического краеведения и методики преподавания русского языка в школе. По ее инициативе создан региональный учебно-методический комплект для школы «Русская речь Прикамья: Лингвистическое краеведение» (Пермь, 2004-2005), состоящий из 4-х частей (В. И. Шенкман является автором учебной программы, рабочей тетради, методического пособия, а также одним из авторов, сост. и ответственным ред. учебного пособия).

приглашению управляющего – Б. И. Збарского, не в последнюю очередь для того, чтобы избежать воинской повинности: заводы были военными. Уехал в связи с продажей заводов, вместе со Збарскими отправился на заводы Ушковых в Тихие Горы Вятской губернии и продолжал выполнять там обязанности конторского служащего (помощника Збарского по деловой переписке и торгово-финансовой отчетности).

Полгода жизни в Прикамье дали поэту неизгладимые впечатления, которые отразились во многих его произведениях разных лет: и в знаменитом романе «Доктор Живаго», и в ранней повести «Детство Люверс», и в стихотворениях, вошедших в сборник «Поверх барьеров» (конец 1916 г.): «Урал впервые», «Кокошник нахлобучила...» («Ивака»), «На пароходе», «Марбург», «Я понял жизни цель, и чу...», «Заря на севере» («Ледоход»), а также в стихах «Улыбаясь, убывала...», «Станция», «Рудник» и других произведениях. Как вспоминает Е. Б. Пастернак, «к уральским картинам, подробностям быта и говора Пастернак возвращался всю жизнь».

Безусловно, факт пребывания Бориса Пастернака в Прикамье особое значение имеет для нас, пермских читателей поэта. Это событие не может оставить равнодушным никого из пермяков, в большей или меньшей степени причастных культуре. Нашло оно отражение и в пермской поэзии. Одним из поэтических откликов на него является стихотворение Владимира Радкевича «Ивакинский конторщик», написанное в 1968 году.

Стихотворение можно изучать в школе в рамках так называемого регионального компонента содержания литературного образования. Оно интересно в первую очередь тем, что позволяет совместить два плана: «большой» литературы общероссийского масштаба и литературы местного значения, литературы отдельного региона.

Вопросы, связанные с краеведением, будь то литературное, лингвистическое или любое другое краеведение, становятся сейчас одними из самых актуальных. Обращение к местному материалу способствует формированию у юного человека уникального образа места его жизни, дает ощущение сопричастности миру культуры, включенности в этот мир. Пути реализации краеведческого аспекта в

преподавании литературы могут быть разными: это и изучение творчества местных писателей, и обращение к сведениям из жизни русских писателей-классиков, так или иначе связанных с регионом.

Прикамье, в литературном смысле особенно не избалованное, внесло свой вклад в русскую литературу: можно вспомнить, например, разночинца Ф. М. Решетникова, поразившего Некрасова и Салтыкова-Щедрина своим умением глубоко проникать в жизнь простого народа; поэта-авиатора В. В. Каменского; эмигранта первой волны М. А. Осоргина, вывезенного из России на знаменитом «философском» пароходе; ряд современных авторов. В то же время Пермь отмечена пребыванием известных писателей в основном в связи с наиболее печальными страницами истории: через Пермь проходил знаменитый Сибирский тракт, по которому в свое время проследовали некоторые из них, сюда эвакуировалась творческая интеллигенция во время Великой Отечественной войны, здесь еще в недалеком прошлом находилась колония для политзаключенных, в которой отбывал свой срок, например, Л. Бородин и другие.

Наверное, и присутствие здесь Пастернака было своеобразной добровольной ссылкой, позволившей не попасть на бойню Первой мировой. Тем не менее, несколько месяцев, проведенных на пермской земле, стали для начинающего поэта «одним из лучших времен» его жизни, как он сам написал об этом уже в пятидесятые годы. Что же позволило ему так охарактеризовать «пермский период» своей жизни? Письма поэта к родителям дают ответ на этот вопрос: начиная от бытовых удобств (электрическое освещение, телефон, ванны, баня) и своеобразных красот местности до возможности творческого самовыражения в условиях полнокровной интеллектуально-духовной жизни.

Мотив идиллической жизни героя на лоне первозданной уральской природы явственно звучит и в стихотворении Радкевича.

Владимир Ильич Радкевич (1927-1987) – известный пермский поэт, творчество которого характеризуется ярко выраженной краеведческой направленностью содержания: в своих стихах он воспел Урал, Каму, Пермь и многие и многие объекты природы и культуры Прикамья, замечательных людей, ставших гордостью края.

Название стихотворения могло бы показаться непонятным и даже странным, если бы мы не знали, что тот, чьей памяти оно посвящено, бывал в свое время в некоей Иваке, находящейся в нескольких верстах от Всеволодо-Вильвы, и действительно был «конторщиком». Но возникает другой вопрос: почему автор называет героя своего стихотворения весьма прозаическим словом, которое ассоциируется с деятельностью неинтересной, нетворческой, а не выбирает что-либо более приличествующее адресату посвящения, например, «поэт», ведь и в стихотворении говорится не столько о Пастернаке-конторщике, сколько о Пастернаке-поэте? Чтобы ответить на этот вопрос, наверное, можно даже не читать стихотворение. В подобном названии зафиксирован конкретный биографический факт, связанный с краем, родным для Радкевича. И этот факт становится отправной точкой для размышления о поэте, его судьбе и творчестве.

Стихотворение Радкевича характеризуется напряженностью, динамизмом развития поэтической мысли, смысловой насыщенностью. Границы пространства и времени в нем необычайно расширяются. Действие происходит не только здесь, на Урале, над Камой, в начале большого творческого пути поэта, но и далеко за пределами этого хронотопа: Москва, Европа... И еще: на исходе жизненного пути...

Пора, наконец, прочитать стихотворение.

Ивакинский конторщик

Памяти Б. Пастернака

Еще ни льстивых доброхотов,

Ни криков яростных: – Ату!

В графе приходов и расходов

Не скоро подводить черту.

Вдали, в обугленной Европе,

Вовсю орудует война.

А здесь – рассвет над Камой,

копи,

А здесь – лесная тишина.

И только сосны вековые

За ним бредут сквозь ветровал.

Он молод.

Все ему впервые:
Любовь, поэзия, Урал!
В Москве эстрада рожи корчит,
Являя гениев на свет.
А он – ивакинский конторщик –
Почти неведом как поэт.
Но жизнь подобная полезна!
Еще не дале чем вчера
Спас от призыва пол-уезда
Он смелым росчерком пера.
И все ж, Урал,
из сердца вырви
Восторга исступленный крик,
Лесами Всеволодо-Вильвы
Ляг на листы конторских книг.
Ты сам и критик свой, и автор –
Твори, ораторствуй, гвозди
И, как обилие метафор,
На горы горы громозди!
Поэзия всегда подспудна,
Как под снегами звон ручья,
И пересудам неподсудна,
Поскольку собственность – ничья.
Ей делать человека гордым
И с возрастом не убывать.
А как в ту осень хлынуть горлом –
Еще с полвека
убивать...

Представляется наиболее целесообразным рассматривать стихотворение Радкевича в контексте жизни и творчества Пастернака. В то же время необходимо выявить авторское отношение к герою, определить, как автор создает образ поэта, каков его взгляд на поэзию Пастернака.

Начало стихотворения несколько необычно: характеристика периода, когда герой стихотворения был всего лишь «ивакинским конторщиком», дается через отрицание того, что ждет его впереди:

«еще ни..., ни...». Собственно, слово о молодом поэте ведется из его будущего, которое автору стихотворения и нам, читателям, уже хорошо известно драматическими перипетиями судьбы нобелевского лауреата (уральский период жизни героя воспринимается как некая идиллия, что в общем и не противоречит истине). Первые строки вызывают в памяти стихотворение Пастернака «Нобелевская премия» (1959), в котором состояние лирического героя сравнивается с состоянием загнанного охотниками зверя (ср.: «Ни криков яростных: – Ату!»):

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет.

Темный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет, все равно.

В связи с таким резким противопоставлением начала и конца творческой биографии, возникшим в результате энергичного столкновения заголовка и двух первых строк, следующая фраза («В графе приходов и расходов / Не скоро подводить черту») приобретает выразительную двузначность: канцелярские, бухгалтерские термины, использованные в ней, соотносятся, с одной стороны, с заглавием, акцентирующим деятельность поэта – молодого «ивакинского конторщика», а с другой – с начальными строчками, которые переводят значение фразы в метафорический, обобщающий план «книга жизни».

Финальные строки стихотворения Радкевича, включающие реминисценцию из Пастернака («О, знал бы я, что так бывает, / Когда пускался на дебют, / Что строчки с кровью – убивают, / Нахлынут горлом и убьют!»), вновь возвращают нас к итогу творческой судьбы поэта: «А как в ту осень хлынуть горлом – Еще с полвека убивать...».

Таким образом, начало и конец стихотворения Радкевича представляют собой своеобразное кольцо размышлений о судьбе и творчестве Пастернака в целом, а центральная часть посвящена

конкретной ситуации, соответствующей тому периоду жизни поэта, когда он и был «ивакинским конторщиком».

Обратимся к центральной части. Содержательно она неоднородна. В ней выделяется два фрагмента, в первом из которых в центре внимания собственно «ивакинский конторщик», а вот вторая представляет собой своеобразный гимн поэзии.

Первая часть построена на противопоставлениях. Противопоставляются «здесь» и «там». «Там» – «Вдали, в обугленной Европе, / Вовсю орудует война», «В Москве эстрада рожи корчит, / Являя гениев на свет». «Здесь» – «рассвет над Камой», «лесная тишина», покой, поэтическая неизвестность. Противопоставление кровавой и истеричной цивилизации и естественной, идиллической жизни, безобразия и красоты подчеркивается анафорическим повтором «а здесь». Антитеза «столица – глухая российская провинция» традиционна для русской литературы, и в этих строчках Радкевича угадываются реминисценции из стихотворения Н. А. Некрасова (1857, 1858 гг.): «В столицах шум, гремят витии, / Кипит словесная война, / А там, во глубине России, – / Там вековая тишина». Причем интересно заметить, что автор стихотворения о Пастернаке словно вступает в своеобразный диалог с великим русским поэтом: если для Некрасова провинция – «там», то для Радкевича, как певца уральского края, – «здесь».

Оказавшись «здесь», отрешившись от страшной реальности раздираемой противоречиями Европы, герой стихотворения как бы заново открывает мир, по-новому переживает чувства, испытанные ранее, реализует свои лучшие качества (о чем, например, сообщается в следующих строчках, содержание которых основано на реальном факте из жизни Пастернака: «Но жизнь подобная полезна! / Еще не дале чем вчера / Спас от призыва пол-уезда / Он смелым росчерком пера»).

Ключевая фраза этой части: «Все ему впервые: / Любовь, поэзия, Урал!»

А действительно ли впервые? Урал – да, в буквальном смысле. «Урал впервые» – так называется стихотворение Пастернака, которое написано под впечатлением грандиозного зрелища уральского рассвета, открывшегося из окон поезда:

Без родовспомогательницы, во мраке, без памяти,
На ночь натыкаясь руками, Урала
Твердыня орала и, падая замертво,
В мученьях ослепшая, утро рожала.

Гремя опрокидывались нечаянно задетые
Громады и бронзы массивов каких-то.
Пыхтел пассажирский. И, где-то от этого
Шарахаясь, падали призраки пихты.

Коптивший рассвет был снотворным. Не иначе:
Он им был подсыпан – заводам и горам –
Лесным печником, злозязычным Горынычем,
Как опий попутчику опытным вором.

Очнулись в огне. С горизонта пунцового
На лыжах спускались к лесам азиатцы,
Лизали подошвы и соснам подсовывали
Короны и звали на царство венчаться.

И сосны, повстав и храня иерархию
Мохнатых монархов, вступали
На устланный наста оранжевым бархатом
Покров из камки и сусали.

Для этого стихотворения характерно типичное для раннего творчества Пастернака «обилие метафор», причем очень оригинальных, ярких, создающих развернутые картины: «твердыни Урала», рожаящей утро; лесного печника Горыныча (от горы), подсыпавшего снотворное уральским заводам и горам (медленный, ленивый рассвет); лучей солнца («азиатцев»), подсветивших величественные уральские леса; царственных сосен-монархов, вступающих на драгоценный «покров из камки и сусали» (камка – шелковая цветная ткань с узорами, сусаль – тонкая пленка из различных металлов / золота, серебра, меди, олова / для золочения или серебрения каких-нибудь изделий), устланный «оранжевым

бархатом» наста. Поистине сказочная картина возникает из подобного «нагромождения» метафор.

Как уже было отмечено, Радкевич активно использует прием реминисценции, и кроме «Урала впервые» и приводившихся ранее цитат, в его стихотворении много намеков на другие пастернаковские строчки. Например, «рассвет над Камой» явно связан со стихотворением «На пароходе», написанном 17 мая 1916 года и посвященном состоявшейся четырьмя днями ранее поездке по делам завода в Пермь с женой Збарского Фанни Николаевной, к которой Пастернак испытывал весьма теплые чувства. В стихотворении дважды повторяется строфа: «Был утренник. Сводило челюсти, / И шелест листьев был как бред. / Синее оперенья селезня / Сверкал за Камой рассвет».

Уральский пейзаж, к которому Пастернак относился с неизменным восхищением и специфические черты которого нашли отражение в его стихах, создается в стихотворении Радкевича несколькими скупыми деталями, отсылающими к творчеству Пастернака: «рассвет над Камой», «копи», «сосны вековые», «ветровал», «леса», «горы».

А какой смысл имеет утверждение Радкевича, что «впервые» герою его стихотворения открылся не только Урал, но и любовь, и поэзия? Разумеется, не буквальный.

Уединенность в уральской глуши, дистанцированность от «большого мира» позволили начинающему поэту переосмыслить и оценить прожитое (в частности, первую любовь), почувствовать свое предназначение: находясь перед выбором – поэзия или музыка, – именно здесь, возможно, еще подспудно, он сделал свой окончательный выбор. К 1916 году, в частности, относится стихотворение «Муза девятьсот девятого», которое, по замечанию В. С. Баевского и Е. Б. Пастернака, «было ретроспективным признанием, что этот год [1909 – В.Ш.] стал для него также и началом литературных опытов». В конце 1916 года выходит в свет важная в творческой судьбе Пастернака книга «Поверх барьеров»: ее признал отец, что имело для поэта очень большое значение (см. письмо отца от начала января 1917 г.), хотя особый подъем творческих сил Пастернака

исследователи относят к лету 1917 года, результатом которого стала книга «Сестра моя жизнь» (1922 год), принесящая известность и славу.

В стихотворении Радкевича знаменателен переход ко второй части: «И все ж, Урал, из сердца вырви / Восторга исступленный крик, / Лесами Всеволодо-Вильвы / Ляг на листы конторских книг». Слова «и все ж», совмещающие значения противопоставления и уступки, подчеркивают, что для героя поэтическое творчество важнее, чем что-либо другое. Нельзя не писать, когда чувства, переполняющие душу, сами стремятся вырваться наружу, «излиться» готовыми строками. Это состояние высшего вдохновения, выраженное в классическом пушкинском описании: «Душа стесняется лирическим волнением, / Трепещет и звучит, и ищет, как во сне, / Излиться наконец свободным проявлением... <...> / Минута – и стихи свободно потекут».

Процесс творчества у Радкевича изображен несколько необычно. Не просто «сердце переполняется восторгом» (или «явилась муза», «божественное вдохновение» и т. д.) – активным творческим началом оказывается у него Урал, который своей дикой красотой и мощью вдохновляет молодого поэта. Яркими приемами олицетворения Урала являются обращение к нему и использование повелительного наклонения глаголов со значением активного действия лица (вырви, ляг, твори, ораторствуй, гвозди, громозди).

Интересны для размышления и следующие строчки, в которых поэт дает определение поэзии: поэзия – «собственность ничья». Не принадлежит даже автору? Тогда что такое поэт? Лишь орудие живой и творящей природы? Насколько Радкевич оригинален в определении поэзии и насколько его определение соотносится с пастернаковским представлением о поэзии? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратиться к стихам и прозе Пастернака, где он дает собственное определение. В первую очередь следует вспомнить известные высказывания Пастернака о поэзии из статьи 1918 года «Несколько положений» и очерка «Охранная грамота» (1930 г.).

В «Охранной грамоте» поэт говорит об искусстве: «Искусство реалистично как деятельность и символично как факт. Оно реалистично тем, что не само выдумало метафору, а нашло ее в природе и свято воспроизвело. Переносный смысл так же точно не значит ничего в отдельности, а отсылает к общему духу всего

искусства, как не значит ничего порознь части смещенной действительности».

В статье «Несколько положений»: «Современные течения вообразили, что искусство как фонтан, тогда как оно – губка. Они решили, что искусство должно бить, тогда как оно должно всасывать и насыщаться. Они сочли, что оно может быть разложено на средства изобразительности, тогда как оно складывается из органов восприятия»; «Жизнь пошла не сейчас. Искусство никогда не начиналось. Оно бывало постоянно налицо до того, как становилось. Оно бесконечно. И здесь, в этот миг за мной и во мне, оно – таково, что как из внезапно раскрывшегося актового зала обдаёт его свежей и стремительной повсеместностью и повсевременностью, будто это: приводят мгновение к присяге. Ни у какой истинной книги нет первой страницы. Как лесной шум, она зарождается Бог весть где, и растёт, и катится, будя заповедные дебри, и вдруг, в самый темный, ошеломительный и панический миг, заговаривает всеми вершинами сразу, докатившись».

Искусство, поэзия для Пастернака такая же реальность, как природа, жизнь. Искусство и жизнь сосуществуют в органической связи, не имеют четких границ между собой. Образ искусства-губки неоднократно встречается у Пастернака, кроме упомянутого примера, также и в письмах, и в стихах. Так, в письме родителям от 7 февраля 1917 года читаем: «Вещь, как губка, пропитывается всегда в таких случаях всем тем, что вблизи ее находилось: приключеньями ближайшими, событиями, местом, где я тогда жил, и местами, где бывал, погодой тех дней». Этот же образ используется в раннем стихотворении «Весна»:

Поэзия! Греческой губкой в присосках
Будь ты, и меж зелени клейкой
Тебя б положил я на мокрую доску
Зеленой садовой скамейки.

Расти себе пышные брыжжи и фижмы,
Вбирай облака и овраги,
А ночью, поэзия, я тебя выжму
Во здравие жадной бумаги.

Поэтическое воззвание Радкевича к Уралу «лесами Всеволодо-Вильвы лечь на листы конторских книг» вполне вписывается в пастернаковскую концепцию поэтического творчества. Сила воздействия окружающей действительности на поэта так велика, что не писать о ней невозможно, жизнь жаждет перейти в новое качество (ср., например: «...из сердца вырви Восторга исступленный крик...» – «Февраль. Достать чернил и плакать! Писать о феврале навзрыд...»).

Наблюдения над стихотворением В. Радкевича о Борисе Пастернаке закончим некоторыми методическими замечаниями. Текст можно использовать как на первом уроке, посвященном Пастернаку, так и в конце изучения его творчества. В первом случае конкретный биографический факт, связанный с Пермским краем, органично впишется в обзор жизненного и творческого пути поэта; во втором — обращение к тексту Радкевича поможет нетрадиционно завершить изучение раздела. Стихотворение пермского автора может стать основой и для самостоятельной учебно-исследовательской литературно-краеведческой работы школьников.

Как нам кажется, такой подход – показать «большого» (программного) писателя через призму творческого восприятия местного художника слова – весьма продуктивен. Он позволяет по-новому взглянуть на литературный процесс, привлечь интерес школьников не только к общепризнанным, но и к местным, менее известным в российском масштабе писателям, углубить представление о культуре в целом.

1. Пастернак Б. Начало пути. Письма к родителям (1907-1920) // Знамя. 1998. №№ 4-5.
2. К сожалению, о довольно длительном периоде жизни Пастернака на Урале и в Вятской губернии в 1916 году совсем не упоминается в посвященном поэту разделе недавно вышедшей книги К. Стародуб «Литературное краеведение в школе» (М.: Дрофа, 2003), хотя, например, говорится о более кратком пребывании его в Марбурге, и знаменитое стихотворение «Марбург», которое, как замечает автор книги, Пастернак написал «в память об этой поре», написано как раз на Урале в 1916 году (доработано в 1928) под влиянием причин,

связанных с пребыванием автора именно здесь. В то же время в названной книге очень ценно то, что скрупулезно перечислены многочисленные московские адреса Пастернака.

3. Пастернак Е. Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М., 1989. С. 267.

4. См. об этом в книге Е. Б. Пастернака «Борис Пастернак: Материалы для биографии» (М., 1989): «Серия из одиннадцати фотографий, сделанных в первую неделю апреля, сохранилась в нескольких экземплярах. Пастернак носил тогда теплый серый свитер. Самая выразительная из них снята на открытой террасе, вдававшейся в середину дома, где они жили. Он сидит, спокойно улыбаясь, на фоне обшитой тесом стены. В пятидесятые годы Крученых среди прочих фотографий, которые он тогда разыскал, принес Пастернаку и эту, прося его об аннотации и дарственной надписи. «Всеволодо-Вильва Пермской губ. начало 1916 г. (февраль-март). Алексею Крученых на добрую память об одном из лучших времен моей жизни. К сожалению его (тебя, Алеша) тогда там не было. А потом это место стало довольно-таки трагическим и опасным и хорошо, что и я его покинул. Б. Пастернак», – написано на отпечатке, хранящемся теперь в ЦГАЛИ» (С.255-256).

5. Радкевич В. Приближение к Уралу: Стихи. Пермь, 1987. С. 58-59.

6. Пастернак Б. Л. Стихотворения и поэмы. Т. 2 / Сост., подг. текста и примеч. В. С. Баевского и Е. Б. Пастернака. Л.: Сов. писатель, 1990. (Б-ка поэта. Большая серия). С. 335.

7. Пастернак Б. Л. Избранное. В 2 кн. Кн. 2. Проза. М.: Просвещение, 1991. С. 87.

8. Пастернак Б. Л. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 4. Повести; Статьи; Очерки / Сост., подгот. текста и коммент. В. М. Борисова и Е. Б. Пастернака. М., 1991. С. 367.

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАДКЕВИЧА

Книги

1. Радкевич В. И. Добрый путь : стихи / Радкевич Владимир Ильич. – Молотов (Пермь) : Молотовгиз, 1951. – 82 с.: ил. ; 14 см. ; мягкий переплет.
2. Радкевич В. И. Пассажиры : стихи для детей младшего возраста / Радкевич Владимир Ильич ; худож. С. С. Дьячков.. – Молотов (Пермь) : Молот. кн. изд-во, 1954. – 8 с. : ил. ; 20 см. 25000 экз.
3. Радкевич В. И. Разговор о счастье : стихи / Радкевич Владимир Ильич ; худож. Д. Л. Зайдман ; рец. А. Решетов. – Молотов (Пермь) : Молотов. кн. изд-во, 1955. – 100 с. ; 15 см. ; 5000 экз.
4. Радкевич В. И. Просека к солнцу : стихи / Радкевич Владимир Ильич. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1958. – 100 с. ; 17 см. ; 3000 экз.
5. Радкевич В. И. Под звёздами : лирика / Радкевич Владимир Ильич. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1964. – 80 с. ; 18 см. 10000 экз.
6. Радкевич В. И. Уральская лирика : стихи / Радкевич Владимир Ильич ; худож. Е. И. Нестеров. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1968. – 168 с. : 1 л. портр. ; 17 см. На обл. автор не указан. 10000 экз.
7. Радкевич В. И. Камский мост : стихи / Радкевич Владимир Ильич ; худож. Р. Пономарёв. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1972. – 140 с. : ил.; кн.-малютка. 20000 экз.
8. Радкевич В. И. Избранное : стихи / Радкевич Владимир Ильич ; вступ. ст. Л. Давыдычева ; худож. В. Кадочников. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1977. – 188 с. : 1 л. портр. ; 15 см. 20000 экз.
9. Радкевич В. И. Стихи разных лет / Радкевич Владимир Ильич. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1981. – 122 с. : 1 л. портр. ; 13 см. 20000 экз.
10. Радкевич В. И. Уральская лирика : стихи / Радкевич Владимир Ильич ; вступ. ст. Н. Старшинова ; худож. В. Мокин. – М. : Мол. гвардия, 1982. – 95 с. : ил. 30000 экз.

11. Радкевич В. И. Равновесие : стихи / Радкевич Владимир Ильич ; рец. Н. Вагин, А. Решетов ; ред. Н. Гашева ; худож. В. Кадочников. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1984. – 112 с. : ил. ; 13 см. 20000 экз.
12. Радкевич В. И. Приближение к Уралу : стихи / Радкевич Владимир Ильич ; худож. А. Амирханов; рец. А. Решетов. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1987. – 219 с. : ил. ; 13 см. 10000 экз.
13. Радкевич В. И. Слово : стихи / Радкевич Владимир Ильич ; худож. Е. Шелонников. – Пермь : Перм. книга, 1992. – 156 с., ил. ; 8 см.
14. Радкевич В. И. Вечность нас пригласила в гости : стихи / Радкевич Владимир Ильич ; сост. Ф. С. Востриков ; ред. Е. В. Вороньянская ; вступ. ст. Л. Давыдычева ; оформл. Л. Г. Шадрина. – Пермь : Маматов, 2007. – 352 с. : ил., портр. ; 17 см. – (Библиотека Пермской поэзии). 2000 экз.

Публикации в периодической печати и в сборниках

Стихи

1. Радкевич В. Пять летящих дней : лирический репортаж с Воткинской ГЭС : стихи / Радкевич Владимир Ильич // Мол. гвардия. – 1961. – 6 нояб.
 2. Радкевич В. Новые стихи : На Сылве ; Приехал фотограф ; Девушки едут на целину ; Ты хвалишь красоты Армении : стихи / Радкевич Владимир Ильич // Урал. – 1961. – № 1. – С. 25-27.
 3. Радкевич, В. Пермские боги ; Дети : стихи / В. Радкевич // Осинский ежегодник, 1998. - Вып. 6. - С. 2, 3 т.л.
-
1. Нашим ребятам : сб. рассказов и стихов [для детей сред. школьного возраста] / сост. : Н. Н. Арбенева и Б. В. Ширшов ; ред. М. Ф. Яровая. – Молотов : Молот. обл. гос. изд-во, 1951. - 213, [3] с. : ил. ; 21 см. 15000 экз.
 2. Прикамье : альманах Пермского отделения Союза Писателей. В. 22. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1956. – 83, [1] с. : ил. ; Библиогр. в тексте. – 26 см. 5000 экз.

3. Прикамье : альманах Пермского отделения Союза Писателей. В. 23. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1957. – 103 с. : ил. ; Библиогр. в тексте. – 26 см. 5000 экз.
4. Живая дорога : стихи, рассказы, очерки : [сборник произведений пермских авторов Меньшикова Г., Радкевича В., Тумбасова А. и др. о родной земле; графика А. Тумбасова, С. Дьячкова]. – Пермь : Пермское книжное изд-во, 1958. – 82 с. (В пер.)
5. Прикамье : альманах Пермского отделения Союза Писателей. В. 26. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1959. – 101, [2] с., [1] л. ил. ; Библиогр. в подстроч. примеч. – 26 см. 5000 экз.
6. Двенадцать дорог : антология. – М. : Дет. лит, 1983. – 174 с. : ил. ; 20 см. Сборник стихотворений для детей русских советских поэтов, вошедших в литературу в конце 1950-х - начале 1960-х годов.
7. Дорогая память : рассказы, очерки и стихи для детей о прошлом и настоящем Прикамья / сост. Л. К. Юзефович ; худож. О. Коровин. – Пермь : Кн. изд-во, 1983. – 111 с. : ил. ; 17 см.
8. О простом и великом : [сборник стихов] / сост. : И. З. Лепин. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1984. – 56, [5] с. ; 8 см. – (Пермская лениниана : библиотечка в 20 томах / сост. и ред.: Б. Грин ; т. 18). 3000 экз.
9. Мы все за шар земной в ответе : из поэзии 80-х годов : альманах. – М. : Мол. гвардия, 1984. – В альманахе представлены поэты от К. Симонова, Р. Рождественского, А. Вознесенского до С. Куняева, В. Фирсова... Открывает его – В. Радкевич.
10. ГОЛОСА УРАЛЬСКИХ ПОЭТОВ [ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС] : ЗАПИСИ 1960 - 1990-Х г. И НОВ. ВЕКА / ЗВУКООПЕР. А. ПЬЯНКОВ ; ВСТУП. СЛОВО: Ю. КАЗАРИН. - ЕКАТЕРИНБУРГ : ЖУРН. "УРАЛ", 2001. - 1 ЭЛЕКТРОН. ОПТ. ДИСК (CD-ROM). Загл. с этикетки. - Прил. к журн. "Урал", 2001, N 12.

Песни на стихи В. Радкевича
(в алфавите композиторов)

1. Векшин Г. Пермская комсомольская / Векшин Григорий Николаевич // Песня комсомольская моя : сборник. – Пермь, 1974. – С. 99-100.
2. Векшин Г. Песня о рабочей Мотовилихе / Г. Векшин // Звезда. – 1967. – 16 апр.
3. Камский М. Встречай сторонушка Ильинская / Камский Михаил Дмитриевич // Знамя Ильича. – 1979. – 21 июля.
4. Камский М. Мотовилиха – Кружилиха / М. Камский // Звезда. – 1977. – 17 июля.
5. Камский М. Песня о Перми / М. Камский // Знамя Ильича. – 1965. – 6 нояб. ; С тобой и о тебе : стихи и песни о Перми. – Пермь, 1998. – С. 164-165.
6. Клещин А. Идет девчонка Вишерой / Клещин Александр Иванович // Поет над Камою гармонь речистая : сборник. — Пермь, 1961.— С. 42-45.
7. Клещин А. Песня о Кудымкаре / Клещин А. // По ленинскому пути. -1963. - 6 июля.
8. Коновалов, В. В. Песни Владимира Коновалова [Ноты] / Коновалов Владимир Васильевич ; [предисл. Г. Баталиной] ; Перм. обл. НМЦНТИКПР. - Пермь : [б. и.], 1985. - 10 бр. - (в пап.) : б. ц. Из содержания: Пермский вальс : "Вспомни летние ночи на Каме." : для высокого голоса и женского трио : в сопровождении фортепиано / сл. В. И. Радкевича ; Ты подожди меня, мама : "Снова дороги легли между нами." : для низкого голоса : в сопровождении фортепиано / сл. В. И. Радкевича.
9. Коновалов В. Пермский вальс : ноты / В. Коновалов. – Пермь : [Б.и.], [Б.г.]. - 9 с. ; С тобой и о тебе : стихи и песни о Перми. – Пермь, 1998. - С. 150-152.
10. Коновалов, В. Песня о Перми / В. Коновалов // С тобой и о тебе : стихи и песни о Перми. – Пермь, 1998. - С. 168-170.
11. Мель Л. Весенняя лирическая ; Песня о мечте / Мель Леонид Леонгардович // Песни самодеятельных композиторов : буклет. - Пермь, 1972.
12. Мель Л. Встретим мы над Камою зарю / Л. Мель // Самодеятельные композиторы - 260-летию Перми : буклет. - Пермь, 1984.

13. Мель Л. И сердцем и броней / Л. Мель // Звезда. - 1965. – 22 июня.
14. Мель Л. Песня о рабочем Урале / Л. Мель // По Уралу, по Прикамью : буклет. - Пермь, 1964.
15. Родыгин Е. Возле речки Камы / Родыгин Евгений Павлович // Звезда.- 1979.- 29 апр,
16. Родыгин Е. Наша Родина - Урал / Е. Родыгин // Избранные песни. - Свердловск, 1966. - С. 21-27.
17. Родыгин Е. Свердловский вальс (Песня о Свердловске) : [новый текст к песне 1962 г.] / Е. Родыгин // Звезда. - 1978. - 23 авг. ; Родыгин Е. Песни. - М., 1986;
18. Родыгин Е. Я с тобою, комсомол / Е. Родыгин // Урал. следопыт. - 1978. - № 10. - С. 3.
19. Трухин А. Самодеятельный композитор Трухин Аркадий Капитонович : сб. песен на слова поэтов / А. К. Трухин ; авт. предисл. Г. Баталина ; Перм. обл. НМЦНТИКПР. - Пермь : [б. и.], 1984. - 11 бр. : портр. ; 23 см. - (в пап.) : б. ц. Из содерж.: Рябиновый вальс : "Песенка не нами сочиняется." ; Всё еще горит костер рябиновый ; Земля нечерноземная : "От солнышка и дождика." ; Если любишь ты : "Возле звезд и месяца." / сл. В. И. Радкевича.

Грамзапись

Клещин А. Идёт девчонка Вишерой / Сл. В. Радкевича // Песни А. Клещина на коми-пермяцком и русском языках. ГРП № 4259.

Фельетоны

1. Радкевич, В. Беда от нежного сердца / В. Радкевич // Звезда. – 1950. – 26 дек.
2. Радкевич, В. Тоска по родине / В. Радкевич // Лесник Прикамья. – 1955. – 20 авг.
3. Радкевич, В. Как «ёлочку» растили / В. Радкевич // Ленинское знамя. – 1962. – 8 мая.

4. Радкевич, В. Чудеса и чудотворцы / В. Радкевич // Ленинское знамя. – 1962. – 4 авг.

Очерки

1. Радкевич, В. Воспитание мужества : о писателе Сластникове Николае Сергеевиче (1915-1968) / В. Радкевич // Звезда. – 1954. – 19 сент.
2. Радкевич, В. Поближе к жизни на земле : о писателе Назине Владимире Ивановиче (г.р. 1934) / В. Радкевич // Урал. – 1973. – № 1.
3. Радкевич, В. Трудные ступени восхождения : о писателе Гребенкине Александре Алексеевиче (г.р. 1940) / В. Радкевич // Веч. Пермь. – 1979. – 14 апр.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ

1. Поэту Владимиру Радкевичу 80 лет [Изоматериал] / Адм. Перм. Края ; сост. и подбор фотогр.- поэт.клуб "Тропа". - Пермь : Маматов, 2007. - 13 л. Художественный календарь, посвященный 80-летию пермского поэта В. И. Радкевичу.
2. О присвоении почетного звания «Заслуженный работник культуры РСФСР», в т.ч. Радкевичу В. И. : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 февраля 1986 года // Звезда. – 1986. – 28 февр.
3. О награждении тов. Радкевича В. И. орденом Дружбы народов : Указ Президиума Верх. Совета СССР от 23 апр. 1987 г. // Ведомости Верх. Совета СССР. – 1987. - № 17. – Ст. 232 ; Лит. газ. – 1987. – 29 апр. – С. 4. ; Звезда. – 1987. – 24 апр.
4. Литература о Пермской области. 1961 год. Вып. I. – Пермь, 1961. – С. 106.
5. Писатели Пермской области : библиогр. справочник / сост. Л. П. Вершинина, С. Д. Широкова. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1962. – С. 161-171.

6. Литература о Пермской области. 1961 год. Вып. IV. – Пермь : Перм. кн. изд-во, 1962. – С. 133.
7. Краткая литературная энциклопедия : [в 9 т.]. Т. 6 : Присказка – «Советская Россия» / гл. ред. А.А. Сурков. – М. : Сов. энцикл., 1971. – (Энциклопедии, словари, справочники).
8. Русская советская поэзия Урала. – Свердловск, 1983.
9. Шмаков А. А. Урал литературный : крат. биобиблиог. словарь / А. А. Шмаков, Т. А. Шмакова. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1988. – С. 222-223.
10. Пермский университет в воспоминаниях современников. Вып. I. / сост. А. С. Стабровский. – Пермь: ТГУ Перм. отд-ние, 1991. – С. 61, 62, 70, 76.
11. Писатели Пермской области : библиогр. справочник / сост. В. А. Богомолов. – Пермь : Книга, 1996. – С. 123-124.
12. Страницы истории литературы Прикамья в фондах ГАПО : В помощь преподавателям лит. : [Биографический справочник по писателям, жившим и работавшим на территории Пермского края, составленный на основе документов, хранящихся в ГКБУ «ГАПК.»] / Гос. архив перм. обл. - Пермь : Гос. архив Перм. обл., 1997. – С. 14-15.
13. Абашев, В. В. Камский мост : [сопоставление стихотворений Радкевича и В. Дрожащих] / Абашев Владимир Васильевич // Абашев В. В. Пермь как текст : Пермь в истории русской культуры и литературы XX века. – Пермь : Изд-во Пермского университета, 2000. – С. 38-48.
14. Александров, В. Первый шаг : рецензия на сб. «Добрый путь» / В. Александров // Звезда. – 1951. – 6 окт.
15. Алексеев, М. В гостях у Радкевича : о сб. "Вечность нас пригласила в гости" / М. Алексеев // Профсоюз. курьер. – 2007. – 2 авг. (N 29). – С. 11 : фот.
16. Асланьян, Ю. Уральский художественный андеграунд : мемуары : о встрече с поэтом / Юрий Асланьян // Маргиналы : урал. андеграунд: живые лица погибшей литературы / авт.-сост. А. А. Сидякина. – Челябинск : Галерея, 2004. – С. 74–79 : фот.

17. Банк, М. Возможность лирики : о сб. «Уральская лирика» / М. Банк // Урал. – 1969. - № 10. – С. 167-171.
18. Бедерман, В. Г. Загадки последнего «прости» / Бедерман Вадим Григорьевич // <http://chaiklib.permculture.ru.aspx>
19. Беликов, Ю. Вызов богам : об экспромтах поэта / Юрий Беликов // Звезда. – 2012. – 24 апр. – С. 4.
20. Белов, Р. 1/8 : эссе : глава из кн. "Пермщина" : [о творч. поездке перм. писателей в Кудымкар в 1970-е гг.] / Роберт Белов // Третья Пермь : лит.-худож. альм. Вып. 1. – Пермь, 1999. – С. 314-345.
21. Белов, Р. Спортом займется, напишет стихи / Роберт Белов // Местное время. – 1997. – 18 марта (№ 21). – С. 14 : фот.
22. Богомоллов, В. Властелин слова : к 85-летию : [кратко о творческом пути; стихотворения] / Виталий Богомоллов // Мы – земляки. – 2012. – № 4 (апрель). – С. 76-77.
23. Бубнов, В. Поэты умирают не от пуль : [в Перми вышли две книги памяти поэтов – В. Радкевича и А. Решетова] / В. Бубнов // Звезда. – 2007. – 7 июля (N 106). – С. 5 : фот. – (Суббота. – № 76).
24. Бурдин, В. Просека к солнцу : о сб. «Просека к солнцу» / В. Бурдин // Урал. – 1959. – № 8. – С. 194-196.
25. Быков, Л. Подводя итоги : [рецензия на сб. «Избранное»] / Л. Быков, А. Субботин // Урал. – 1979. – № 6. – С. 160-162.
26. Быстров, А. Лирика В.Радкевича / А. Быстров // Звезда. – 1982. – 16 мая.
27. Быстров, А. Портрет пермского писателя Владимира Радкевича / А. Быстров // Звезда. – 1984. – 28 авг., фото.
28. Вечность нас пригласила в гости : из-во "Маматов" выпустило книгу и компакт-диск со стихами В. Радкевича // Дело & Ко. – 2007. – 2 мая (N 12). – С. 16.
29. Вечность нас пригласила в гости... : [о поэте В. Радкевиче; стихи: Исход (посвящ. Н. Вагнеру), и стихи, посвященные О. Селянкину] // Луч. – 2007. – N 7. – С. 7: фот.
30. Востриков, Ф. Вечность нас пригласила в гости... / Федор Востриков // Ποίησις (Poësis). Страницы биографий поэтов выпускников филологического факультета Пермского университета / сост. Н. Е. Васильева; отв. за вып. Б. В.

- Кондаков; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – С. 36–51.
31. Востриков, Ф. Радкевичу : стихи / Федор Востриков // Звезда. – 1987. – 22 июля.
 32. Гашева, Н. Быть нужным людям : о сб. «Равновесие» / Надежда Гашева // Вечер. Пермь. – 1984. – 22 окт.
 33. Гашева, Н. Продиктовано сердцем / Надежда Гашева // Вечер. Пермь. – 1985. – 19 сент.
 34. Герланц, А. М. Стихи о счастье и молодости : о сб. «Разговор о счастье» / А. М. Герланц // Прикамье. – 1956. - № 22. – С. 79-80.
 35. Гурин, И. Южная "ссылка" Радкевича : [о работе поэта в район. газ. "Вперед" пос. Октябрьский (осень 1965 г.)] / Иван Гурин // Звезда. - 2003. - 13 июня (№ 85). - С. 8.
 36. Давыдычев, Л. Высокий труд души : поэту Радкевичу – 60 лет / Лев Давыдычев // Звезда. – 1987. – 24 апр., фот.
 37. Давыдычев, Л. Доброе сердце поэта / Лев Давыдычев // Урал. – 1977. - № 4. – С. 155-157 ; Радкевич В. И. Вечность нас пригласила в гости : стихи / сост. В. Ф. Востриков. – Пермь : Маматов, 2007. – С. 6-15.
 38. Давыдычев, Л. Слово о поэте и товарище : к 30-летию творческой деятельности / Лев Давыдычев // Веч. Пермь. – 1982. – 28 апр.
 39. Долдина, А. Стихи – его стихия : поэт в Кудымкаре / А. Долдина // По ленинскому пути. – 1978. – 7 июля.
 40. Зебзеева, А. Г. Остаются книги : воспоминания / Зебзеева Альмира Георгиевна // Филологический факультет : события и люди : стр. истории филол. фак. Перм. ун-та : 95-летию ПГНИУ посвящ., [1916-2011] / М-во образования и науки РФ, Федер. гос. бюджет. образоват. учр. высш. проф. образования ПГНИУ ; [авт. проекта и сост. Н. Е. Васильева ; редкол.: Е. А. Баженова и др.]. – Пермь : Ред.-издат. отд. Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2011. – С. 280-292.
 41. Казаринова Н. В. Портреты Евгения Широкова : [в том числе о портрете Радкевича] / Казаринова Нина Васильевна // Искусство. – 1974. – № 8. – С. 17-21.
 42. Кайгородова, В. Е. Стихотворные экспромты Владимира Радкевича / Кайгородова Вера Евгеньевна // Вестник Пермского

- университета. Российская и зарубежная филология. – 2015. – Вып. 1 (29). – С. 119-125.
43. Копейщиков, П. Продолжение легенды : [в институте культуры вечер к 75-летию поэта] / П. Копейщиков // Пятница. Интернет-дайджест. – 2002. – 17 мая (N 18). – С. 8 ; фот.
44. Корабельников, А. Орден для поэта : к 80-летию / А. Корабельников // Звезда. Приложение "Лукоморье". – 2007. – 22 февр. (№ 26). – С. 2 : фот.
45. Королев, Л. Слово о Владимире Радкевиче : к 30-летию творческой деятельности / Л. Королев // Вечер. Пермь. – 1982. – 28 апр.
46. Макаров, А. Г. Люблю я Пермь – столицу края [руководитель театра «Бенефис» о театре и встречах с поэтом] / Макаров Александр Григорьевич // Город Пермь в моей судьбе : воспоминания и стихи, посвящ. 285-летию г. Перми / Гор. совет ветеранов войны, труда, Вооруж. сил и правоохран. органов ; [сост. и отв. за вып. : В. Г. Светлаков ; ред. В. С. Колбас]. – Пермь : [б. и.], 2008. – С. 38-46.
47. Мелентьев, А. Трое в одной обложке [о книге для слабовидящих "Вместе мы - Россия" со стихами А. Решетова, В. Радкевича, Ф. Вострикова] / А. Мелентьев // Профсоюз. курьер. – 2007. – 4 окт. (№ 38). – С. 10.
48. Мемориальная доска в память о выдающихся писателях [на здании краев. отделения Союза писателей (ул. Сибирская, 30) установлена памятная доска – "В этом доме работали писатели: В. Астафьев, В. Воробьев, М. Голубков, Л. Давыдычев, Н. Домовитов, Л. Кузьмин, Л. Правдин, В. Радкевич, А. Решетов"] // Дело& Ко. – 2008. – 21 окт. (№ 26). – С. 14.
49. Митягин, Г. Ветвями – к солнцу, а корнями – в землю / Герман Митягин // Звезда. – 1997. – 26 апр. : фот. ; Осинский ежегодник. – Оса, 1997. – Вып. 5. – С. 77-81. [под заголовком «Памяти Владимира Радкевича (1927-1987)»].
50. Митягин, Г. "Он жил в захлеб..." / Г. Митягин // Профсоюз. курьер. – 2007. – 11 янв. (№ 1). – С. 14 : фот.
51. Михайлюк, В. Камский мост / В. Михайлюк // Мол. гвардия. – 1973. – 7 дек. (7 февр. – С. 2)

52. Мишланова, Л. «Лежу на кровати и песни горланю...» / Мишланова Лидия Витальевна // Звезда. – 1995. – 10 нояб. (№ 173). – С. 13.
53. Мишланова, Л. Неизвестный Радкевич: к 70-летию поэта / Л. Мишланова // Звезда. – 1997. – 24 апр. : фот.
54. Мишланова, Л. «Приговорен к пожизненной любви» / Л. Мишланова // Звезда. – 1996. – 4 янв.
55. Мишланова, Л. В. Приговорен к пожизненной любви / Л. В. Мишланова // Мишланова Л. Самостоянье : очерки о людях науки и культуры Перм. края / Л. Мишланова. – Пермь : Пушка, 2006. – С. 202-212 : фот.
56. Мюллер, М. Певец Прикамской земли / М. Мюллер // Боевой путь. – 1973. – 12 мая.
57. Нарыкова, Г. В. Владимир Ильич Радкевич / Г. Нарыкова // Региональный компонент в литературном образовании младших школьников. Ч. 1. Пермские писатели – детям. – Соликамск, 2004. – С. 63–65.
58. Пермская поэзия 1960-2000-х гг. // Региональная культура Прикамья (вторая половина XX – начало XXI вв.). – Пермь, 2008. – С. 74-75.
59. Петров, С. Тропа к Радкевичу : [кратк. информ.; лит. студия "Тропа" проводит лит. вечера] / С. Петров // Профсоюз. курьер. – 2007. – 15 марта (№ 10). – С. 15.
60. Пирогов, Н. Поэт Урала / Н. Пирогов // Вечер. Пермь. – 1982. – 19 мая.
61. Поленова, Н. Рожденные сердцем : 75-летие поэта / Н. Поленова // Звезда. – 2002. – 23 апр. (№ 61). – С. 4 : фот.
62. Поскребышев, О. Связующий мост поэзии : рецензия на сб. «Камский мост» / О. Поскребышев // Урал. – 1973. – № 12. – С. 145-147.
63. Владимир Радкевич // «Царь, царевич, король, королевич...» : Пермское детское чтение : биобиблиографический сборник для руководителей детского чтения / ПКДБ им. Л. И. Кузьмина ; сост. : Н. В. Трящина, О. Л. Арзамасцева, А. Г. Ильиных. – Пермь : ИП Коробченко С. И., 2013. – С. 116–118 : библиогр.

64. Владимир Ильич Радкевич : к 60-летию со дня рождения // Пермские писатели-юбиляры : метод. рекомендации по пропаганде творчества О. Селянкина, В. Радкевича, А. Решетова / ПОУНБ им. Горького ; науч.-метод. отдел ; сост. Т. Морозова ; отв. за вып. О. Базилевич. – Пермь, 1987. – С. 12-17.
65. Ризов, Д. Жизнь, прости... : Радкевичу исполнилось бы 80 лет : [воспоминания; краткая биогр. справка о Радкевиче; о выпуске компакт-диска "Вечность нас пригласила в гости"] / Д. Ризов // Звезда. – 2007. – 24 апр. (№ 62). - С. 6..
66. Рождественская, Е. Начало большого пути : [об участии рук. Перм. писат. орг. К. В. Рождественской в появлении на свет первых книг Радкевича и А. Матросова (1950-е гг.)]. / Е. Рождественская // Звезда. Лукоморье. – 2000. – 26 мая. – С. 2 : фот.
67. Сальников, Н. Содружество : Радкевич и композитор Камский / Н. Сальников // Заря коммунизма. – 1963. – 20 янв.
68. Самойлов, В. Стихи о родной земле : о сб. «Просека к солнцу» / В. Самойлов // Звезда. – 1959. – 25 февр.
69. Себя в стихах сжигал до тла : памяти поэта : подборка материалов // Звезда. – 1987. – 24 апр., фот.
70. Себя в стихах сжигал до тла : материал к проведению лит. вечера, посвященного 65-летию поэта / ПОУНБ ; отдел абонементов ; сост. Л. Ганошина ; отв. за вып. И. Копылова. – Пермь, 1992. – 17 л.
71. Сидякина, А. А. Пермский андеграунд : модернизация литературно-художественной жизни : [пермская лит.-худож. ситуация в конце 1970-х–1980-е годы] / А. А. Сидякина // Маргиналы : урал. андеграунд : живые лица погибшей литературы / авт.-сост. А. А. Сидякина. – Челябинск : Галерея, 2004. – С. 15-19.
72. Славин, В. Владимир Радкевич : "Земля моя русская - Пермь!" / В. Славин // Профсоюз. курьер. – 2007. – 26 апр. (№ 16). – С. 10 : ил.
73. Смородинов, М. Был болен тем, чем вся земля больна... : [о творчестве поэта] / Михаил Смородинов // Звезда. – 2000. – 11 февр. (№ 20). – С. 1, 4.
74. Смородинов, М. "Был болен тем, чем вся земля больна" : [о студ. годах и знаменитых экспромтах поэта] / М. Смородинов // Звезда. – 2000. – 21 апр. (№ 59). – С. 6 : фот.

75. Смородинов, М. Мужество искренности / М. Смородинов // Веч. Пермь. – 1983. – 2 марта.
76. Смородинов, М. Озорная улыбка поэта : [сатир. эпиграммы] / М. Смородинов // Звезда. – 1995. – 22 июля.
77. Смородинов М. Цветы для Радкевича / М. Смородинов // Звезда. – 2001. – 10 авг.
78. Снитко, А. Они и в памяти, и в книгах : [70 лет Радкевичу, 80 лет Селянкину] / А. Снитко // Звезда. – 1997. – 24 апр.
79. Старшинов, Н. О В. Радкевиче / Н. Старшинов // Лит. обозрение. – 1977. – № 8. – С. 45-46.
80. Страницы жизни – страницы эпохи : Перм. обл. писат. орг. – 60 лет : [подборка материалов] // Звезда. – 1995. – 20 окт. – С. 4-5, 13.
81. Студеницын, Н. На проводах белого дня : [о сб. "Вечность нас пригласила в гости"] / Н. Студеницын // Профсоюз. курьер. – 2007. – 6 сент. (№ 34). – С. 10.
82. Сыстеровая, Т. И. Лирика Ивана Минина в переводе Владимира Радкевича / Сыстеровая Татьяна Ивановна // Третьи Межрегиональные Лихачевские краеведческие чтения : материалы конф., Кудымкар, 10-11 ноября 2011 г. / Гос. краев. бюджет. учреждение культуры "Коми-Пермяц. центр. нац. б-ка им. М.П. Лихачева" ; [сост. В. И. Югова]. – Кудымкар : [б. и.], 2011. – С. 138-141.
83. Урал в творчестве В. И. Радкевича : метод. материалы к проведению лит.-муз. альманаха / ПОУНБ ; науч.-метод. отдел. – Пермь, 1987. – 12 л.
84. Целищев, С. Душа в заветной лире / С. Целищев // Вперед. – 2008. – 5 июня. – С. 3 : фот.
85. Чернова Т. Вспомним о поэте: к 75-летию Радкевича // Вечерняя Пермь. – 2001. – 2 авг. (№ 30). – С. 6.
86. Чернова, Т. Неизвестный Радкевич / Т. Чернова // Вечерняя Пермь. – 1997. – 29 апр. – С. 2.
87. Чернова, Т. С каплей солнца в крови // Российская газета. – 2002. – 26 апр. (№ 70) ; Вечерняя Пермь. – 2002. – 6 июня (№ 19). – С. 12 : фот.
88. Шкавро, Л. Поэзия влюблённого сердца : рецензия на сб. «Под звездами» / Л. Шкавро // Урал. – 1965. – № 7. – С. 176-178.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Личный фонд Радкевича

Хранится в фонде Пермского архива и состоит из 133 папок.

Историческая справка архива

Радкевич Владимир Ильич (1927-1987) - поэт, член Союза писателей СССР, заслуженный работник культуры РСФСР. Родился 24 апреля 1927 года в г. Белый Смоленской обл. В 1929 г. с родителями переехал в г. Ржев Калининской обл., затем в 1941 г. с матерью эвакуировался в с. Шаран Шаранского р-на Башкирской АССР. С 1943 г. проживал в г. Молотов. После окончания в 1948 г. историко-филологического ф-та госуниверситета работал инспектором отдела культуры и с 1951 г. корреспондентом комитета радиовещания облисполкома. Работал литсотрудником в 1955-1957 гг. в редакции газеты "Лесник Прикамья", газеты "Молодая гвардия" в 1958 г. Первый сборник стихов "Добрый путь" опубликовал в 1951 г., член Союза писателей СССР с 1959 г. Награжден орденом Дружбы народов, медалью "Ветеран труда". Удостоен звания "Заслуженный работник культуры РСФСР", занесен в Галерею Трудовой Славы Пермской области. Умер 7 июня 1987 года.

Описание фондовых документов

Рукопись поэмы о городе Березники, стихотворений для сборников "Разговор о счастье", "Под звездами", "Уральская лирика" и для песен на музыку композиторов М. Камского, Л. Карусова, Е. Родыгина. Ноты песен на стихи В. И. Радкевича, тексты сценариев праздничных концертов по случаю 60-летия ВЛКСМ, 10-летия газеты "Вечерняя Пермь" и 20-летия журнала "Урал". Рукописи переводов стихотворений с коми-пермяцкого, латышского и украинского языков, рецензии на сб. стихов А. Гребенкина, А. Гребнева и Н. Чебыкина. Записные книжки и тетради с черновыми записями стихотворений, сочинений учеников школ города. Сборники стихов "Стихи разных лет" (Пермь, 1981), "Уральская лирика" (М., 1982), "Самодетельный композитор Трухин Аркадий Капитонович" (Пермь, 1984). Статьи о творчестве поэтов А. Гребнева, Н. Домовитова и Б. Ширшова в газ.

"Звезда", "Дзержинец", "Литературное Прикамье", "Медик Урала" и журналах "Кругозор", "Настольный календарь" и "Уральский следопыт" (вырезки). Договоры об издании сборника стихов с Пермским комитетом по радиовещанию и телевидению, областным агентством "Союзпечать", редакцией газеты "Молодая гвардия".

Письма В. И. Радкевича родственникам и друзьям.

Письма поэта А. Величко, Н. Кожевникова, А. Молчанова, С. Федосеева, читателей, учеников школ г. Александровск и г. Краснокамск, членов семьи и др.

Переписка с управлением культуры Пермского облисполкома, правлениями Союза писателей Марийской АССР и Союза писателей Удмуртской АССР, редакцией "Литературной газеты", правлением Пермского отделения ВТО, Сибирским межобластным отделением Всесоюзного агентства по авторским правам и др.

Удостоверение корреспондента газеты "Лесник Прикамья", билет члена Союза писателей СССР, похвальная грамота ученика 9-го класса Ржевской средней ж.-д. школы, диплом и копия диплома об окончании историко-филологического ф-та Молотовского госуниверситета, билет члена Всесоюзного добровольного общества любителей книги, профсоюзов обкома ВЛКСМ и "Лесбумпром", визитные карточки, почетная грамота Президиума Верховного Совета РСФСР о присвоении звания "Заслуженный работник культуры РСФСР", обкома КПСС и ВЛКСМ, удостоверение к медали "Ветеран труда", приглашения на творческие вечера и поздравления с юбилеями. Некролог и телеграммы гл. редактора журнала "Урал", Коми-Пермяцкого окружкома КПСС, коллег и знакомых в Пермскую писательскую организацию с выражением соболезнований.

Рукопись статьи Д. Ризова "Очарованный пленник Урала" и рецензия на сборник стихов "Камский мост", стихотворения разных авторов, посвященные В. И. Радкевичу. Афиши творческих вечеров поэта.

Трудовая книжка, личный листок по учету кадров, удостоверения, грамоты и др. документы И. А. и Л. А. Раткевич (родителей В. И. Радкевича).

Рукописи стихотворений и рассказов, присланных на рецензию В. И. Радкевичу.

Литературные произведения разных авторов с дарственными надписями.

Фотографии индивидуальные и групповые с ответственным секретарем Пермской писательской организации Б. Михайловым, писателями Р. Беловым, Н.Н. Вагнером, членами жюри конкурса фотографов В. Чувызгаловым и В. Бороздиным и др. Фотография матери В. И. Радкевича. Фотография редактора Пермского книжного издательства С. М. Гинцбурга, художников М. В. Тарасовой, Т. Коваленко и Е. И. Широкова, актера Пермского театра оперы и балета А. Сибирцева и писателя Л. Кузьмина с дарственными надписями. Фотография артистов Пермского ансамбля самодеятельной песни.

Фотокопия картины Е. И. Широкова "Поэт В. Радкевич". Фотография здания Молотовского медучилища, концертного зала Молотовского театра оперы и балета.

Полное описание наиболее интересных документов

№ дела:	Заголовок:	Годы:
1	Стихи, написанные В.Радкевичем в годы учебы в университете им. Горького	1944 - 1948
27	Записные книжки В. Радкевича с записями по работе в радиокомитете, в редакции газеты "Лесник Прикамья"	1954 – 1955
34	Письма к матери Лидии Александровне Раткевич	1944 - 1965
51	Письма от сестры Л. И. Радкевич	1970 - 1970
52	Письма от брата А. И. Радкевича	1968 - 1983
53	Письма Н. Радкевич (первой жены) к матери поэта Л. А. Радкевич	1960 – 1966
75	И. А. Раткевич, педагог, директор железнодорожной школы № 78 г. Старая Русса (отца) и Л. А. Раткевич, учительницы русского языка и литературы (матери). Портреты	1950 – 1950
77	В. Радкевич в кругу своей семьи в квартире матери Л. А. Радкевич в г. Ржеве	1957 – 1957
115	Свидетельства, удостоверения, аттестаты, приказ, выписка из приказа, отзывы о работе, справки, личный листок по учету кадров, характеристики, мандат, автобиография, грамоты, выданные Илье	

Анисимовичу Раткевич. В деле имеется вырезка из газеты 1912 - 1958

116 Трудовая книжка, диплом I степени, информационный лист кандидата в депутаты Ржевского Городского Совета, депутатский билет, выданные Лидии Александровне Раткевич 1939 - 1959

117 Рабочие тетради преподавателя русского языка и литературы Л. А. Раткевич. Том I. Автограф 1938 - 1940

118 Рабочие тетради преподавателя русского языка и литературы Л. А. Раткевич. Том II. Автограф 1944 – 1958

133 В. Радкевич [Н. Ратив]. Дикторский текст и стихи к документальному фильму "Как это было" (о событиях на Воткинской ГЭС в дни перекрытия реки Камы). Маш. экз. с исправлениям и дополнениями (без года)

Литературно-художественная композиция посвященная творчеству Владимира Радкевича

С сайта <http://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2015/03/27/v-nash-vek-poeziyu-chernit-ne-smeyte-ona-vo-vsem-pred>

Пирожкова Марина Анатольевна
учитель русского языка и литературы
Пермский край г. Пермь
МАОУ «СОШ № 111», 2015 г.

«В наш век поэзию чернить не смейте, она во всем пред будущим чиста, она с людьми – в бесславье и бессмертье, и в этом цель ее и правота».

Портрет Радкевича (1 слайд)

1 чтец:

Я чувствую, как волосы седеют,
Когда их ждет обида и тоска.
Они сначала тихо холодеют,
А после - умирают у виска.

Я, верно, в жизни что-нибудь да значу,
Найду себя – в грозе или молве,
Но разве я по волосам заплачу,
Когда не плачу я о голове!

2 чтец:

Талантливый поэт Владимир Ильич Радкевич. Кто знает, сколько мудрых, чистых, добрых и пронзительных стихов написал бы поэт, если бы так несправедливо рано не оборвалась его жизнь в 1987 году.

3 чтец:

Я жить хочу в пятидесятых,
Хочу бродить, как в утренних садах,
В тех позабытых, временем распятых,
И все же вечно молодых годах,
Когда я жил взахлеб, и днем, и ночью,
Ощупывая жизни новизну,
И все вокруг сквозило этой новью
И мартовским намеком на весну.

И вся земля так зримо и упрямо
Кружилась на весеннем сквозняке...
А я был молод.
И живая мама
Меня встречала в тихом городке.

Чтец 4:

Любовь к слову досталась ему от матери, преподавателя литературы и русского языка, ей посвящено много стихов Владимиром Радкевичем, некоторые из них легли в основу песен.

5 чтец:

Хотя Владимир Ильич, весь пермский, уральский, но родился он на Смоленщине. Родители были учителями. Потом семья переехала в Ржев. Здесь Володя пошел в школу, а в начале войны оказался с матерью в Башкирии.

6 чтец:

В годы войны, как и все его сверстники, Владимир учился понимать главные ценности жизни – цену мужеству и горю, цену человеческой доброты, цену хлеба, наконец.

7 чтец:

После окончания средней школы он в 1943 году поступил на историко-филологический факультет Пермского университета. Учился хорошо, был именованным стипендиатом, много занимался спортом (волейбол, шахматы), еще больше времени отдавал стихам. Они быстро разносились среди студентов и даже проникали в город. Студентам, конечно, больше всего нравились эпиграммы на преподавателей.

8 чтец:

А вот история, которая демонстрирует кладезь экспромтов Владимира Ильича. Врач Эмилия Толкунова (ухо-горло-нос), супруга известного в своё время главного пермского травматолога Валентина Толкунова, рассказала мне, как 24 мая 1979 года (Радкевич всегда ставил даты под экспромтами, поэтому время их создания и поводы вычислить легко — Ю. Б.) она услышала звонок к соседям. Настойчивый. Но их не было дома. Эмилия Леонидовна вышла на лестничную площадку. Стоит человек, плохо одетый. С портфелем, перевязанным верёвочкой. Бледный, на лице — пот. Бросилось в глаза: один носок есть, другого нет. А на улице холодно. «Надо бы его приветить», — подумала Эмилия Леонидовна.

Чтец 9 ,10 , 11 (чтение по ролям):

— Может, у нас подождёте? — спросила она незнакомца. — Хотите чайку?

— С удовольствием!

Когда незнакомец попил чаю, то, поблагодарив хозяйку, спросил:

— А вы меня разве не знаете?

— Нет...

— Я — Владимир Радкевич.

— Правда?! — изумилась хозяйка. — Так я же вас люблю!..

Она достала с книжной полки сборник Радкевича «Избранное».

Автор — с растерянной улыбкой:

— Правда, вы меня любите?..

Толкунова раскрыла книжку на «Стихах о семейной жизни», где были строфы:

Я в этом доме — просто гость,
Гость у своей жены.
Кипела медленная злость
Под видом тишины...

Она рядила вкривь и вкось,
Всему была судья.
А ночью, как собаке кость,
Бросала мне себя...

Чтец 12:

Эмилия Леонидовна чуть не расплакалась, так жалко стало ей этого человека. А он в благодарность за любовь и признание начал развязывать свой портфель с поломанным замком и извлекать из него какие-то антикварные книги.

— Я их принять не могу, — сказала хозяйка. — Вы уж отдайте их по назначению...

Тогда Владимир Ильич написал на развороте своего «Избранного»:
Эмилия! Дыханье спёрло,
Поскольку есть один вопрос:
Тебе доверю ухо, горло,
Но всё же не доверю нос.

Чтец 13:

Его друзья — Юрий и Римма Рекки. «Вот смотрю на Юру Рекка: как похож на человека!», — зарифмовывал он. С Юрием Максимовичем, в дальнейшем проректором ПГУ, Радкевич был знаком ещё со времён учёбы на историко-филологическом факультете. Вместе играли в волейбол и баскетбол. Резались в шахматы. Спорили о Боге. Вот что стало результатом этих споров:
Ты, Юра, преуспел во многом.

Замечу, зная жизнь твою,
Что в шахматы играл ты с Богом,
Но матч закончился вничью.

Чтец 14:

Время от времени поэт оказывался в больнице. Звонил оттуда Реккам и говорил:

— Юрка, записывай!

И диктовал очередной экспромт. В 2007 году вышла в свет книга Радкевича «Вечность нас пригласила в гости», где собраны его стихи, переводы и эпиграммы. Однако тех эпиграмм, которые благодаря скрупулёзным записям Юрия Максимовича под телефонную диктовку Владимира Ильича и тому, что после смерти мужа они были бережно сохранены его супругой Риммой Александровной, в изданной книге нет. Тем ценнее эти находки.

15 чтец:

Как говорил поэт А. Домнин на вечере, посвященном 50-летию Радкевича: «Трудно себе представить, но в те годы Владимир Радкевич умел обращаться с лошадьё, убирал хлеб вместе с деревенскими ребятами, а однажды, после летней и осенней страды, он получил первый свой гонорар натурой – мешок зерна и гороха – бесценный дар в те голодные годы. Весь путь до дома он не шел, а почти бежал – ему не терпелось поставить перед матерью первый свой заработок».

16 чтец:

Он жил взахлёб. И днём и ночью
Себя в стихах сжигал дотла.
И проступали между строчек
Искринки света и тепла.

Его теплом, как отчим кровом,

Мы жили, веря и любя.
Добром и совестливым словом
Лечил он всех, но не себя...
Ф. Востриков

Чтец 17:

Мать поэта... Печальнее нету на свете
Никого: у других-то ведь дети как дети.
Но и сыну её не избежать страданья,
Ибо он отвечает за всё мирозданье.
Это стихи Алексея Решетова. О Владимире Радкевиче.

Чтец 18:

Будто что-то изменилось в Радкевиче после января 1967, когда умерла мама. «Без мамы я жить не умею...»

Чтец 19:

— Когда Володе было тяжело, — вспоминает Римма Александровна, — он приходил к нам и частенько оставался ночевать. Мы старались его подкормить. Это был очень добрый, приветливый и коммуникабельный человек. От него всегда исходил какой-то свет. При этом — большой оригинал. Как-то приехал из Свердловска, где общался с композитором Родыгиным. Домой не попал. Пришёл к нам. Помылся в ванной. Вышел мокрый. Я протягиваю ему полотенце. Он — гордо: «Чужими полотенцами я не вытираюсь!» Я смеюсь: «А в чужой ванной ты моешься?» Я его очень уважала как поэта. Его, конечно, обижали. Может, оттого, что он по молодости писал много эпиграмм? И это как-то людей отталкивало?.. Но нам он изливал душу, и мы ему душу отдавали. Нередко было так. Звонит по телефону Володя. Трубку берёт Юра. Володя ему: «Ты — мужик! И ты не понимаешь тонкостей души. Дай мне Римму! Я с ней хочу поговорить...»

Чтец 20:

Поэты уходят, что же остается? Что слышат и понимают поэты? Поэты живут как бы дважды. Один раз – обычно, как все, второй – в созданных им стихах. Причем эта, вторая, жизнь куда напряженнее и опаснее первой.

Чтец 21:

Владимир Радкевич ушел из жизни в 1987 году.

Чтец 22:

Какой-то буйный дар утрачен.
И на какой-то малый миг
Вдруг по-осеннему прозрачен
Передо мной предстанет мир.

Прозрачны травы, звери, люди...
И весело, и страшно мне.
И жизнь видна - до самой глуби,
Видна - до камушка на дне.

Оглавление

От составителей	3
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО РАДКЕВИЧА	5
Абашев А. Камский мост	50
Бедерман В. Загадки последнего «прости».....	61
Беликов Ю. Вызов богам	70
Востриков Ф. Вечность нас пригласила в гости	76
Давыдычев Л. Доброе сердце поэта	78
Из писем и воспоминаний о В. И. Радкевиче	88
Гурин И. Южная «ссылка» Радкевича	97
Кайгородова В. Стихотворные экспромты Владимира Радкевича.....	103
Митягин Г. «Мой мёртвый друг, налей-ка мне вина...»	114
Образ леса в стихах пермских поэтов	131
Мишланова Л. Приговорен к пожизненной любви	139
«Поэты не бывают областными»	152
Пермский андеграунд и Радкевич.....	156
Ризов Д. Жизнь прости.....	160
Смородинов М. Был болен тем, чем вся земля болела	164
Сыстерова Т.Лирика И. Минина в переводе В. Радкевича.....	181
Шенкман И. Судьба и поэзия Бориса Пастернака	185
БИБЛИОГРАФИЯ	198
Произведения Радкевича.....	198
Книги	198
Публикации в периодической печати и в сборниках	199
Стихи.....	199
Песни на стихи В. Радкевича	200

Фельетоны	202
Очерки.....	203
Литература о жизни и творчестве	203
Приложение	211
Личный фонд Радкевича	211
Литературно-художественная композиция.....	215

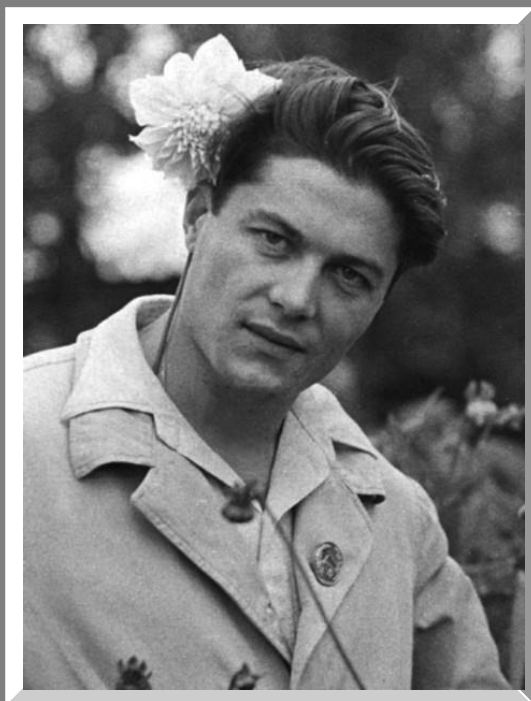
Научно-популярное издание

Владимир Радкевич: материалы к биографии

Составитель *М.В.Бодрова*

Ответственный за выпуск *С.П.Степанкова*

Владимир Радкевич

Материалы
к биографии